

У Р А Л Ь С К И Й № 7 (565) 2004

следопыт

РОССИЙСКИЙ ЖУРНАЛ ISSN 0134-241X

**ОСТОРОЖНО:
СВЕТЛОЕ ПРОШЛОЕ**

**БРОНЯ
КРЕПКА!**

ГАВАНИ НА ЧУСОВОЙ

**ВОЗДУШНЫЕ БАТАЛИИ
над Кунгуром**

Маршруты Уральского следопыта

Географический термин шихан – «холм, особенно крутой, островерхий», а также «верхушка горы» широко распространен в русских говорах и русской топонимии Южного Урала... слово «шихан» произведено от географических терминов шиш, шишка, обозначающих остроконечные вершины во многих местах нашей страны.

А.К. Матвеев
«ВЕРШИНЫ КАМЕННОГО ПОЯСА,
названия гор Урала».

О походе на Шихан читайте в статье «Шпалы» на стр. 10

«Хочешь двинуться – ищи попутчика»

В номере 7·2004 (565)

РЕКА ВРЕМЕНИ
Тропой поиска

В.ГОЛДИН Гавани на Чусовой.....2
По белу свету
Г.УФИМЦЕВ Время видеть чудеса.....4
Кранведческая копилка
Н.АКИФЬЕВА дело о 400 рублях.....13
О.ЩЕТИНИН Исеть – поселок между гор63
Заочная экспедиция
В.ГОЛДИН Новый обелиск «Европа-Азия».....29
Возвращение из Леты
В.ГОЛДИН Из ломовых – в писатели.....32
Как это было
И.ПЛОТНИКОВ Екатеринбургская операция.....36
Юбилей
В.ОЛЕШКО Шукшинские чудики: тридцать лет спустя.....70

АЭЛИТА
Современная поэзия Урала

Г.МЕТЕЛЕВА Стихи.....8
Гость номера
А.АФОНИН Скульптор.....14
Современная поэзия
Е.ЛОБАНОВ Стихи.....34
Фантастика
С.КУСКОВ Кто не верил в дурные пророчества.....57
Е.ГРАЧЕВА Осторожно: светлое прошлое64
Дебют
Д.БАЛЫКО Стихи.....68

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР
Уральские тропы

А.КАЗБУЛАТОВА Шпалы.....10
С места событий
И.МОРОЗОВА в небе над Кунгуром.....25
М.ГЕМБИЙ Броня крепка57
Советы специалиста
ТАКТИКА И ТЕХНИКА ДВИЖЕНИЯ В ПОХОДЕ.....30
Путешествия
М.КОПЫЛОВ Когти в Санкт-Петербурге.....61
Человек и природа
Ю.ВИНОГРАДОВ Твои лесничие, Россия.....77
Леса Уральской горной страны
Е.САВЕНКО Средний Урал3 полоса обложки

Редакция журнала приносит свои извинения Нефедовой Н.А. и Третьяковой О.А., авторам статьи «Как попасть в пещеру?», опубликованной в «Уральском Следопыте» № 4 за 2004 год. Их имена не были указаны из-за недобросовестного отношения сотрудников раздела «Встречный ветер» Раскольниковой М. и Челнокова А. На ошибку указал директор СДЮТЭ г. Чайковского С.А. Гордунцов в письме №53 от 30 июня 2004. Виновные наказаны.

Главный редактор
Максим Фирсов

Редактор раздела
«Река времени»
Юний Горбунов

Редактор раздела «Аэлиита»
Петр Родимов
«Встречный ветер»
Редактор
Александр Челноков

Художественный редактор,
верстка
Юлия Ульянова
Набор
Валентина Кадочникова
Корректор
Юрий Виноградов

Учредитель:
Общественная организация
«Трудовой коллектив
редакции журнала
«Уральский следопыт»

Издатель:
ООО «Редакция журнала
«Уральский следопыт»

Редакционный совет:
Владислав Крапивин
Сергей Казанцев
Борис Стругацкий
Геннадий Прашкевич
Олег Поскребышев
Юрий Казарин
Станислав Мешавкин
Нина Ягодинцева

Наблюдательный совет
Евгений Виноградский
м.с.м.к., «Снежный Барс»
Евгений Савенко
чл. Союза фотохудожников России
Семен Спектор
заслуженный врач России

издано при поддержке
министерства физкультуры, спорта
и туризма Свердловской области

Регистрационное свидетельство №
441, выдано 13.12.90 г. Министерством
печати и массовой информации
РСФСР.

ООО «Редакция журнала «Уральский
следопыт» обладает исключительным
правом на логотип и название журнала.
Рукописи не возвращаются.
При отправлении электронных сообщений
обязательно заполнять поле ТЕМА.
Любое использование материалов журнала
допускается только с письменного согласия
ООО «Редакция журнала «Уральский
следопыт». Ссылка на журнал «Уральский
следопыт» обязательна.
По вопросам приобретения журнала
обращаться по тел (343) 257-36-62
Подписано к печати 15.06.2004 года.
Формат бумаги: 84x108/16. Бумага
офсетная. Печать офсетная. Тираж 4500.
Заказ №
Отпечатано в типографии
Екатеринбургской Епархии

© ООО «РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»

Адрес редакции:
620142, г. Екатеринбург,
ул. Декабристов, 67. Тел. редакции:
(343) 257-45-01, 257-36-62
E-mail: uralstalker@sky.ru
www.uralstalker.ru

текст, фото:
Владимир ТРУСОВ

Гавани на Чусовой

Шлюз на Межевской пристани п. Усть-Утка

Тропой поиска

РЕКА ВРЕМЕНИ

В старые времена не было железных дорог, и всю продукцию с уральских заводов, а также купеческие товары из Сибири отправлялись в европейскую часть России водным путем. Судоходство по Чусовой сегодня трудно себе представить, так как река сейчас мелководна. Во время Великой Отечественной войны на Чусовой была построена плотина и пятикилометровый канал. Часть воды из Чусовского водохранилища с тех пор поступает в речку Решетку, впадающую в Исеть, — это один из источников водоснабжения города Екатеринбурга.

Гавани на Чусовой существовали только на четырех пристанях: Ревдинской, Демидово-Уткинской (сейчас поселок Староуткинск), Шайтанской — Верх-Исетских заводов (сейчас село Чусовое в Шалинском районе) и Межевской — Нижне-Тагильских заводов (деревня Усть-Утка).

Все остальные пристани гаваней не имели и спускали барки на воду прямо в реку, когда по ней сойдет лед. Из них большая часть, а именно: Васильевская (сейчас город Первоуральск), Билимбаевская, Уткинская казенная (село Слобода), Шайтанская (для непоместившихся в гавани барок), Мартьяновская, Илимская, Сулемская, Кашкинская и Ослянская никаких опасностей как для грузящихся судов, так и для проходящих мимо не представляли. Купеческие пристани Крылосовская и Нижнедеревенская, а также заводские Турчаниновская и Кыновская являлись,

напротив, весьма неудобными и опасными. Первые две располагались тотчас за поворотами реки у камней Зайчик и Висячий, и так как длина пристаней была мала сравнительно с числом грузящихся барок, то приходилось занимать места и на мысах, как раз против упомянутых камней, и мешать таким образом проходящим мимо баркам, которые, чтобы избежать удара о камень, должны были миновать поворот, проходя возможно ближе к противоположному берегу. По этой причине у камней Зайчика и Висячего, самих по себе совершенно безопасных, бывали случаи повреждения барок, а иногда и настоящих крушений.

По железной дороге Екатеринбург — Кунгур — Пермь от остановки Бойцы, в полукилометре по направлению к станции Коуровка, поезд проходит через выемку в камне Висячий. (Топоним Бойцы и происходит от скал-каменей на Чусовой). Место это красивое, и стоит из окна поезда обратить на него внимание.

Гавань Ревдинской пристани находилась в устье реки Ревды. Сейчас на стрелке Чусовой и Ревды сохранился вкопанный в землю чугунный столб с отлитым на нем перевернутым якорем. Таких столбов по реке было установлено более тысячи. Они служили для причаливания барок на ночлег. В советское время чугунные столбы выкопали из земли и переплавили. Сохранился только этот единственный

выводились из гавани при всяком водном уровне в Чусовой.

В очерке «Бойцы» Мамин-Сибиряк описывает деревню Каменку (в действительности д. Усть-Утка) и весенний сплав караванов по Чусовой. Вот как рассказывает Дмитрий Наркисович о Межевской гавани: «За рекой Каменкой (Межевой Уткой. — Авт.), — на низком, отлогом берегу, приткнулась маленькая деревушка, точно она сейчас

Гавань на Межевской прстани.

ревдинский столб — в память о судоходстве на Чусовой.

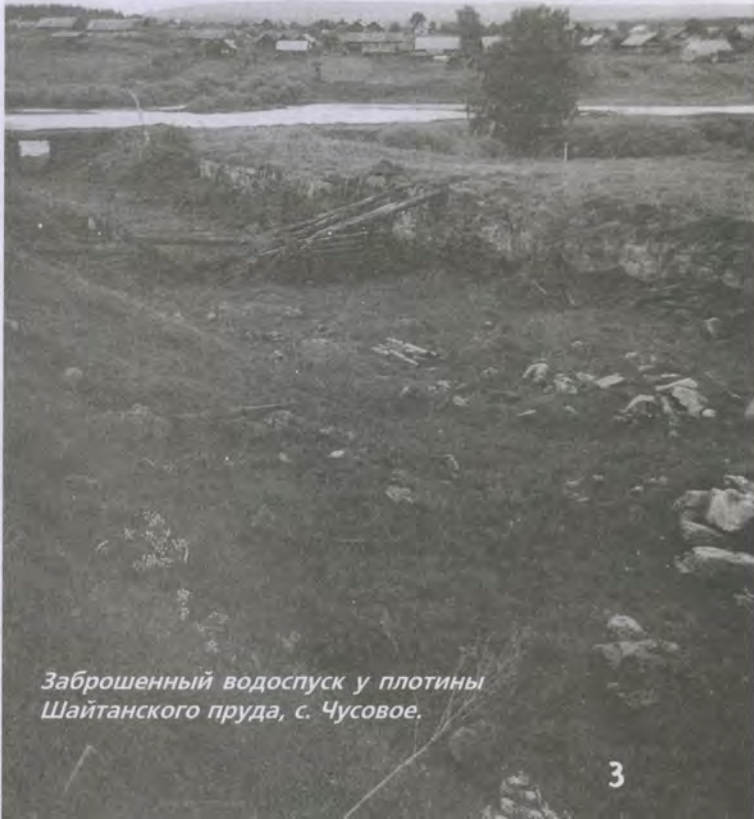
Гавань в Старой Утке располагалась между заводским прудом и Чусовой на речке Утке. Она примыкала к территории завода, а рядом находился плотнично-столярный цех. В гавани на сухом месте в осеннее и зимнее время сооружались и загружались металлом барки. По весне, при большой воде, гавань заполнялась водой из пруда, коломенки всплывали и по специальному каналу выводились в Чусовую.

Сохранились редкие и уникальные снимки фотографа Николая Трефильевича Филатова (1871-1955), на которых запечатлены гавань, барки и сплавщики перед отправкой каравана. Отец Николая, Трефилий Васильевич Филатов (1836-1900), был иконописцем, участвовал в Сибирско-Уральской промышленной выставке в 1887 году в Екатеринбурге. За иконы и церковные реквизиты награжден бронзовой медалью выставки. Во время пребывания в Екатеринбурге Трефилий Васильевич познакомился с Маминым-Сибиряком. Как явствует из записей Т.В.Филатова, Дмитрий Наркисович дважды побывал в Старой Утке. Первый раз — в августе 1887 года, второй — в июле 1889-го.

Шайтанская гавань Верх-Исетских заводов располагалась в квадрате между заводским прудом, Чусовой и двумя водоспусками из пруда. Гавань была мала и поэтому часть барок строилась и грузилась на противоположном берегу.

Межевская пристань в деревне Усть-Утка являлась самой удобной и благоустроенной. Гавань была вырыта параллельно речке Межевой Утке (чусовской приток). Весной открывался затвор на Межевой Утке, и вода поднимала тяжелые коломенки. С помощью шлюза суда правильно и спокойно

вылезла из воды своими двумя десятками избушек и теперь сушилась на солнечном пригреве. Гавань устроена, вероятно, из островка или песчаной косы, которая образовалась в самом устье Каменки; нижняя часть этой косы была соединена с крутым берегом, на котором раскинулась пристань широкой плотиной. Берега гавани сплошную обставлены деревянными магазинами для склада металлов, строившимися и совсем готовыми барками; везде валялись бревна, сложенные в желтые квадраты, свежий тес, обломки сгнивших барок, кучи пакли, козла и платформы спущенных в гавань барок».

Заброшенный водоспуск у плотины Шайтанского пруда, с. Чусовое.

текст, фото:
Геннадий УФИМЦЕВ

Геннадий Федосевич Уфимцев, доктор геолого-минералогических наук, профессор. Окончил Горный институт в Екатеринбурге. Автор около 500 научных работ. Живет в Иркутске.

ВРЕМЯ ВИДЕТЬ ЧУДЕСА

Это рукотворное: оголенная поверхность фронта выветривания в известняках у гор Далянь в Китае.

Вход в Верхнее ущелье Янцзы сторожит гора Куймен.

По белу свету

Я путешественник и счастливый человек. Счастливый, потому что имел хороших родителей и обеспеченное ими счастливое детство, когда отец брал меня в свои командировки по тайге — это были мои первые путешествия. Счастливый в выборе работы: после окончания Горного института в Екатеринбурге всегда сам выбирал ее по вкусу, — она всегда была связана с путешествиями. Есть путешественники-профессионалы и люди, путешествующие ради отдыха. Я выбрал среднее.

Познание мира всегда связано с видением его чудес, памятников природы, в которых в концентрированной форме заложены сведения о великих ее законах. И всегда это сопровождается встречей с прекрасным.

Вот каменный сфинкс, известняковая скала на борту речной долины в бассейне Оленека. Невозможно смотрит он в безбрежную сибирскую даль. Сколько лет он стоит над рекой и сколько еще про-

стоит? Все это надо вовремя увидеть, описать, зарисовать или сфотографировать и поделиться увиденным с другими. Оставить свидетельство.

Жизнь памятников природы неизмеримо более долгая в сравнении с человеческой, но и она конечна. Кроме того, явления природы изменчивы, и наблюдения за ними позволяют увидеть перемены. Помню, купил старую открытку: две скалы Сименза в Крыму с пометкой «...после землетрясения». Ага! Значит, что-то изменилось во время Ялтинского землетрясения 1927 года? Действительно, раньше скал было три. А вот в береговой зоне лежит большой камень, и изображения на разновременных открытках позволяют увидеть его перемещения под воздействием штормов.

Когда-то, будучи студентом, купил в букинистическом магазине на улице 8 Марта в Свердловске (теперь, к сожалению, этот магазин уже не существует) дореволюционное издание знаменитой «Истории Земли» Мельхиора Неймайра и вместе с этой книгой отправился в мысленное путешествие по местам геологических памятников нашей планеты. Почему-то запало в душу описание Флегрейских полей под Неаполем. И вот летом 2002 года я стою на северном берегу Неаполитанского залива, в мире вулканов, землетрясений, быстрых перемещений земной поверх-

РЕКА ВРЕМЕНИ

Глаза Будды на центральной ступе Сваямбунатха невозмутимо смотрят на мир.

го пепла, за одни сутки образовал на берегу залива гору. Теперь вулкан спит. Или отдыхает? Рядом, на дне Неаполитанского залива, — руины погрузившегося под уровень моря римского города.

Здесь, в Поццуоли, на Флегрейских полях, путешественник может увидеть удивительное по эмоциональному воздействию сочетание памятников при-

роды и творений античного времени.

А вот другая часть Евразии — китайская провинция Гуанси. Спокойно текущая река Лицзян. Вокруг — каменные столбы и колонны, «сахарные головы» высотой до 500 метров, нависающие над рекой и оформляющие зубчатую линию горизонта. Красота необыкновенная! И вдруг замечаешь, что

ности. Первая прогулка, конечно, в Сольфатару — эткий домашний вулкан внутри города Поццуоли, в который ведет прозаический проулок. Внутри кратера — кемпинг, кафе, где у телевизора во время демонстрации футбольного матча сборной Италии можно познакомиться с особенностями южно-итальянского темперамента, который сродни извержениям Везувия. А с другой стороны кратера чувствуешь запах сероводорода. Это работает главное чудо Сальфатары — многочисленные газовые и паровые струи с шипением вырываются из недр. Сольфатара — это еще и природная лаборатория минералообразования, где вулканический грунт насыщен самородной серой, а грифоны на месте выхода парогазовых струй — на заметку любителям камня! — сложены из ярко-красного реалгара, который не успевает под действием солнечных лучей преобразоваться в ярко-желтый аурипигмент.

А внизу, на берегу залива, стоят развалины храма Сераниса, построенного в античное время. В раннее средневековье он погрузился в море на глубину шести метров, что хорошо зафиксировано на колоннах ходами моллюсков-камнеточцев. Затем храм вновь «восстал» из воды — во время, предшествующее образованию вулкана-одногодневки Монте Нуово. Последний возвышается на 140 метров над северо-западным берегом Неаполитанского залива и выглядит вполне мирным образованием. А однажды стремительный подъем прибрежного мелководья, сопровождаемый выбросами вулканическо-

Сваямбунатх в катманду имеет и другое название - храм Обезьян.

Парогазовая смесь в вулкане Сольфатара

Гора Монте Нуово у Неаполитанского залива - это вулкан-однодневка.

Западный берег Малого моря Байкала с прорезью долины Сармы, из которой вырывается страшный ветер.

река чистая, с видимым дном и незамусоренными берегами — явление для Китая редкое. Красота окружающего ландшафта, видимо, определяет и жизнь человеческую на берегах реки Лицзян — желание сохранить этот сказочный мир, воспеть его в акварелях, графике, в словах.

То же самое видим на западе, в центре Малой Азии, где в районе города Гереме раскинулся «лес» каменных столбов, конусов и пирамид, образованных в вулканическом туфе. Внутри них в византийские времена созданы жилые помещения, кельи отшельников, подземные церкви и монастыри с великолепно сохранившейся православной фресковой живописью. Уничтожить эти творения человека в творениях Природы не поднялась рука даже во времена многовекового господства ислама: великое в природе определяет и величие человеческих помыслов.

Таких впечатляющих памятников много на планете: уединенно стоящие на ровной гольцовой поверхности скалы Маньпупуньера на Приполярном Урале, красная скальная стена Джеты-Огуза вблизи озера Иссык-Куля, Инский сад камней в Баргузинской котловине в Западном Забайкалье... Гора Манарага на Урале, вулканы и лавовые потоки на Восточных Саянах, Ленские Столбы — все эти уникальные явления на земной поверхности вводят путешественника в состояние творческой эйфории. Великие памятники природы — это носители ценнейшей научной информации в концентрированном виде. Каменные столбы и пирамиды Гереме в Малой Азии служат примером симметрии сложных явлений природы, изменений этой симметрии при преобразованиях морфологии ка-

менных пирамид от воздействия атмосферных процессов. А о таких явлениях природы, как Ниагарский водопад, Байкал или вулканы Камчатки, можно говорить бесконечно и ждать новой встречи с ними.

Есть памятники природы внешне незаметные. Вот кавказские минеральные воды — знаменитые горы-лакколиты: Бештау и Машук, Змейка и Железная. Сколько вокруг них и благодаря им создано литературных произведений и научных трудов, сколько еще будет создано! А рядом располагается внешне незаметный Кисловодский парк. Для специалиста, изучающего рельеф земной поверхности, это многообразный полигон: ступенчатость (ярусность) рельефа, оп-

Мунку-Сардык — высочайшая вершина в горах Восточной Сибири.

Храм Сераписа в Поццуоли присутствует на страницах всех учебников по общей геологии.

ределяемая различной стойкостью пород к разрушению; останцовые скалы — красные или серые, на выбор; пещеры-каверны, выстраивающиеся в протяженные ряды; и совсем уж редкое образование — эрозионный педимент, и прямо у «Серебряной струи»! Поверьте на слово, один месяц «творческого отдыха» в Кисловодском парке позволит создать объемный труд, который будет не обойден вниманием.

За годы своих странствий я видел многое: Байкал и берега Охотского моря, равным которым по суровой красоте, пожалуй, нет на земле; Командоры и Сихотэ-Алинь, Становое нагорье и Иссик-Куль, гранитные горы Центрального Казахстана и Алтай, Ниагару и Юрские горы, Гималаи и дельту р. Лены, вход в которую запирается уединенной скалой — памятником великой реке на конце ее пути. А сколько еще надо увидеть! Изучение памятников природы — это своего рода научная охота, и ее должно сопровождать желание иметь свой творческий «ягдташ» предельно наполненным, так, чтобы из него вновь вылетали на свободу статьи, очерки, фоторепортажи, потому что своим творческим счастьем всегда необходимо поделиться с другими. Путешествия — это лучший стимул творческого интереса.

О памятниках природы нашего Отечества, увы, мы знаем очень мало. Нет добротных и хорошо иллюстрированных описаний. Ушли в прошлое и стали библиографической редкостью фотоальбомы Гиппенрейтера. А выпускаемые сейчас — многим не по карману.

Есть надежный путь знакомить человека с природой и жизнью Отечества, более экономный и, надо сказать, эффективный — это выпуск почтовых открыток с видами природы. В Катманду я купил более полутора сотен открыток с видами Непальских Гималаев, и они очень помогли мне в моей научной работе. В городе Ниагара-Фолк мой «улов» был скромнее: около 25 открыток, и теперь я их демонстрирую своим студентам на лекциях...

А у нас? Из продажи практически исчезли открытки с вида-

ми природы Отечества. И молодое поколение теряет к нему интерес, а значит, не обретает и душевной устойчивости.

Всегда ли было так? До Октябрьской революции обществу был представлен Байкал во всех ипостасях на более чем 500 почтовых открытках. Строительство Кругобайкальской железной дороги было задокументировано с такими фотографическими подробностями, что соответствующие фотооткрытки сейчас являются носителями ценнейшей научной информации. Вспомним знаменитого уральского фотографа Метенкова, создавшего свод фотосвидетельств о примечательных особенностях природы Урала... Давайте надеяться, что метенковцы появятся во всех уголках нашего Отечества и вновь представят красоту его природы в самой доступной для знакомства и собирательства форме — на фотографических открытках.

Одинокий вулкан на поверхности Тункинской котловины в Восточном Саяне.

Малое море Байкала.

Глубокие заливы пролива Ольхонские Ворота на Байкале.

Подражание Б. Пастернаку

Среди дубов и тополей пирамидальных
душа с душой сошлись в тоске исповедальной.

Казалось, много места в маленькой каюте,
и придавались мелочам все свойства сути.

Свет умножался. В сумраке сияли свечи,
глаза цвели, белели зябко плечи.

И смех теснил, и горечь подступала,
и осень поджидала у причала,

но, не мигая, ночь смотрела за окошко,
и забывался поясок, а с ним и ложка.

2.

Радость — сладость.
Горе — море,—
ни перейти, ни выпить.
Гуляю
на солёном просторе
подобно дождю и рыбке.
Вся окольцована
с пят до носа
в белёдые кольца света.
Пела, пела, и вот —
безголоса:
вёсен для песен нету.
Скинута в море,
донное море,
в пучину зелёной лавы.
А где желанный
среди магнолий
бродит жираф-журавлик?

3.

Город

Окаянный,
опоённый
смехом,
пивом игристым,
город мой оживлённый
на проспекте тенистом,

где у столиков белых,
как снег,
как страницы,
легких замыслов смелых
преисполнены лица.

Но беседа любая
к ночи сон растравляет.
Я иду, напевая, —
пустота без трамваев.

И в теплу у июля,
И в покое у ночи
фонари улиц курят
вдоль кварталов рабочих.

Тротуары пугает
их молчанье. Двуколки
темноты разъезжают
по бумажным просёлкам.

Где-то здесь, не далече,
Моё счастье пасётся.
В ожидании встречи
Я встаю вместе с солнцем.

4.

Весна

Ну тебя, соломы стог! —
небо водянисто.
В небе жаворонок — бог
музыки искристой.

Впереди межа легла.
Земь — иссиня-чёрна.
Куропаточка бела
ходить неprovорно.

Пусть земля не зацвела.
Погляди на небо!
Зело эта жизнь мила!
Кукарешно лепа!

5.

Весна

Вот явилось — незагаданно,
Сердцем верила: придёт.
Белый день, цветы и радуга
затопила небосвод.

То ли осень, дол стригущая,-
ветер листьями оброс?
То весна, весна поющая
проморгалась ото слёз!

6.

Звезда

Сойки, ласточки, дрозды
спят пока,
а в зрачках полно воды
и песка.

В лунных бликах вся стена.
Сон глубок.
Темноты полутона
и порог.

Кого встречу — встречу ли? —
не забыть!
Ты, звездой меченый,
выдь!

Там за чёрною межой,
по прямой,
от реки свежо-свежо,
как зимой!

Ты гори, гори, звезда!
Колея.
Ночь — такая высота —
Не моя.

7.

Как мы долго ждали
тёплого объятия!
Встретишь на вокзале,
поцелуешь в брови.

Поцелуешь в брови,
скажешь о любви,
поведёшь, покажешь
матери да сёстрам.
Одаришь сердечком,
оденешь колечко.
Пойду-подбоченюсь
по лавочкам-печкам.
Помашу платочком,
зацвету цветочком
да состарюсь рядом
с милым голубочком!

Милый голубочек,
любезный дружочек!
Тебя ожидая,
выплакала очи!
Выплакала очи
да узнала горе!
Не прошла по суху,
да к прошла по морю!

А на море рыба,
рыба острозуба!
Отчего ж другого
видеть мне не любо?!
А другой-то лучше:
краше да богаче!
А его богатство — ничего не значит!

8.

Сижу да скучаю,
да всем докучаю.
Скажите, скажите!
Про всё доложите!
Про ясное солнце,
про месяц в оконце!
А за разговором
запевайте хором!
Пойте, пляшите,
меня веселите!
А и я одною
помашу рукою.
А и я другою
притопну ногою.
Раздайся, народ!
Пропусти меня вперёд!

Художник Светлана Абакумова.

Шпалы

А началось все с того, что я попросилась на Шихан. Так в народе Вишневые горы называются. Еще городок есть рядышком — Вишневогорск. А вообще находятся те места в Челябинской красиво-озерной, но очень радиоактивной (после Маяка) местности. Напросилась, наслушавшись хвалебных отзывов и предложений. Вроде все. Вроде поедем на вторую волну майских праздников.

Отгремели первомайские забавы — два-три коротких рабочих дня, выходного дня.

В дверь постучали.

— Да, войдите.

— Бери вещи, на Шихан едем. Чисто женским коллективчиком. Ночью идти по дикому лесу. В горах будете воду и дрова таскать.

Отправились знакомиться с группой и покупать необходимое. Попутно распределяем обязанности.

— Ты будешь завхозом и поваром — если суп пересолила, пинать будем. А Катя у нас будет медиком — в её задачи входит регулярный осмотр на клеща, даже если субъект осмотру сопротивляется, и быстрая починка стертых пяток и порванных рук.

— Я думаю, шамана мы выбирать не будем.

— А что делает шаман?

— Он отвечает за хорошую погоду. Если погода хорошая, его кормят сгущенкой и печеньем. Если погода портится — его пинают всем лагерем, обмазывают в сгущенке и печеньем обсыпают. Можно майонезом, если сгущенку жалко. И листиками-веточками, если печенья жалко.

А все остальные будете специалистами широкого профиля: где что принести, подмести, помыть, почистить... А если отказывается — вас пинают.

Ехали в электричке часа три, байки травили между собой и с пассажирами. Саня с дедком про политику выживался. Получил от окружающих ушей одобрение за качественно новые прогрессивные идеи.

В Уфалее столкнулись на вокзале со знакомыми — все туда намылились, до поезда пять часов тусоваться неохота, поэтому по четыре человека в машину — и уезжают. Нас, во-первых, шестеро (с багажом — двенадцать), во-вторых, денег нет столько, значит, располагаемся на отдых. Для начала надо поесть. Заказали-купили кипятка по «пол-литра на рыло». Как раз хватает, чтобы за-

варить кому лапшу, кому пюре, и запить остается. После еды пытались поспать. Не выходит — сиденья неудобные, голову положить некуда, подголовников нет, поделены между собой высокими подлокотниками. В общем предприняты все меры, чтобы никто не спал. Александр устроил курсы по вязанию узлов. Сели вокруг на стульчиках, каждая веревку мучает — это прямой, это контрольный, восьмерка, грейпвайн. Сходили, проветрились по ночной вокзальной площадке — площадью назвать язык не поворачивается. Наконец наш поезд объявили. Залезли, завалились в вагон с шумом, с грохотом (а хотели как тише). Хохотали над анекдотами Александра: «Я тебе что сказал? Остограммься, а не ополлитрись... Наконец, прихожан посылают с миром, а ты их куда послал?».

Выпрыгнули в Силаче в темь и пошли с фонариком искать дорожку. Собаки лай за версту подняли. Ходили-плутали, ручьи да грязь, за деревню выбрались и пошли. В кустах шорохи, Александр впереди с оружием, мы позади кучкуемся, притихли. В четыре вышли, в пять — полшестого светать занялось. Выяснилось, что кругалю дали, обошли

скалы по длине хребта. Ну, да ладно, главное, нашлись. Поднялись наверх к самому рассвету, внизу у подножия лес, дальше озера, лед еще не везде вскрылся. Солнце встает, живность в лесу расчирикалась. Утреннюю фотографию у Александра сделать не выпросила, он занялся возведением хозяйственных построек. Что тоже верно, поскольку продувает насквозь. Палатку поставили, скорее в ней кружком расселись вокруг горелки, готовим завтрак. Сварили кашу с изюмом-сгущенкой. Чай вскипятили. Посуду в предбаннике вышарили, утеплились по максимуму в штаны-носки-кофты — и спать (в семь утра). А встали в одиннадцать — солнце печет; палатку расстегнули, загораем на солнышке, ветер нагрелся, бабочки летают.

Как повара, меня отрядили на поиски воды. Шарились по лесу с Настей целый час, дошли до самых низов (или низин), уже отчаялись, думали с другой стороны к озеру податься, часа за три обернемся. На пересечении березок с сосновым лесом увидели: лужа блестит, ручеек рядом. Ключ! Пошли по течению, нашли почище, пошире, побольше, зачерпнули кружкой, попробовали. Нормальная вода. Набрали канистры и обратно. Обратно идти психологически легче — знаешь, откуда пришел, но физически нагрузочней — с полной тарой между камней в гору подниматься. На следующий день нам показали еще родник — он немного поближе и побольше, течение сильнее. Находится с другого края хребта. Но,

даже зная дорогу, за водой сходить надо не меньше часа.

Пока мы, отправленные за водой, отсутствовали, господин и две другие жены за дровами сходили, принесли бревно и устро-

или женские распилы складной пилой из коробочки, что твоя мельница (сфотографировано). Сам топором орудовал: на полешки — и ножом на щепочки. Досталось и нам, водоносам. По распилу на каждую руку. Два чурбана отчекрыжили. После чего снарядились с Катей за берестой, надергали её про запас — после нас еще кому готовой останется. Екатерина — самая спортивная из жен, кандидат в мастера спорта по скалолазанию.

Ветрище — с ног сдувает. Для костра нашли расщелину, по форме и глубине как ванночка, с трещиной по бокам. Саня обучил повара костер разжигать.

— Будем складывать таежник. Типа сруба из щепочек. Внутри поменьше, снаружи — побольше. Туда бересты. Она всегда заготавливается не с первой, так со второй спички. Сейчас, так вообще все просто — зажигалкой.

Вечером все жены ушли за водой. Купались, умывались, брызгались. Зубы чистили, носки-трусы стирали. Правда, потом высушить забыли повесить, так в рюкзаке мокрые увезли в город, как выяснилось. А которые повесили в горах на веревке, между двух деревьев натянутой, — ловили потом бегали; свои детали оставили внизу у подножий, где лагеря пермяков и спелеологов стояли. Бегали, клещей собирали, комаров кормили. А комары здесь (вообще на Шихане) не простые — гигантские, от шевеления не взлетают, приходится их бить. А внизу — господин водил нас туда на прогулку — комаров особен-

но много и они особенно злые. Наверно, потому, что их сверху ветром сдувает. Как и клещей. А спуск — вниз по трещине. Между скал всегда натянута стационарная веревка с узлами, руки ставишь над узлом, чтобы кулак не съехал, и нагружаешь веревку, упирая ноги в скалу. Переносишь одну руку над другим узлом, спускаешься. И так до земли. А там снег, грязь и сырость. И народу тьма-тмущая — у спелеологов вечные соревнования. А спелеологи вечно внизу. И таскают они по скалам свое вечное бревно — спасенного пострадавшего. И никто никогда не рискнет быть пострадавшим на месте этого бревна — ибо шандарахнут по пути так, что мало не покажется. И ничто уже не спасет. Вот.

Добрые люди сказали, что в связи с ремонтными работами десятого числа электрички из Уфалея отменили, будет только одна, утром в пять. А следовательно, в пять утра нам надо быть в Уфалее, чтобы уехать домой к рабочему времени. Те же добрые люди посоветовали уехать девятого вечером из Силача в одиннадцать сорок. Наш господин посомневался, но решил не послушаться добрых советов. А раз девятого предстоит обратная дорога, то День победы будет отмечаться сегодня.

Попели песен. Господин дал команду принести ему чудесного напитка для связок. Рылась по рюкзакам и в палатке с фонариком в районе полуночи, расталкивая двух спящих жен. Нашла бутылку под головой у спокойной средней жены. Вроде что-то осталось. Налили в кружку, подали с печеньем. У костра дети сидят, тоже чай пьют. Так и пошло — господин пел, периодически отпивая чая с печеньем. Голос его становился все звонче и ярче, а песни веселые чередовались с песнями грустными. Детей увели, уложили. Начались похабные анекдоты и грубые шуточки. Мы ушли спать, а спортсмены остались.

После завтрака отправились смотреть места скалолазные. Солнце греет, разделись до маек. На камнях сидели, пока Александр веревки вешал. Разморило. Совсем было пригрелись, да господин заставляет одевать системы и двигаться. Делать нечего, беседку натянула, полезла. Заползла и давай пищать, что сил больше нет, сейчас отвалюсь.

— Все тогда, отпускаясь, — говорит.

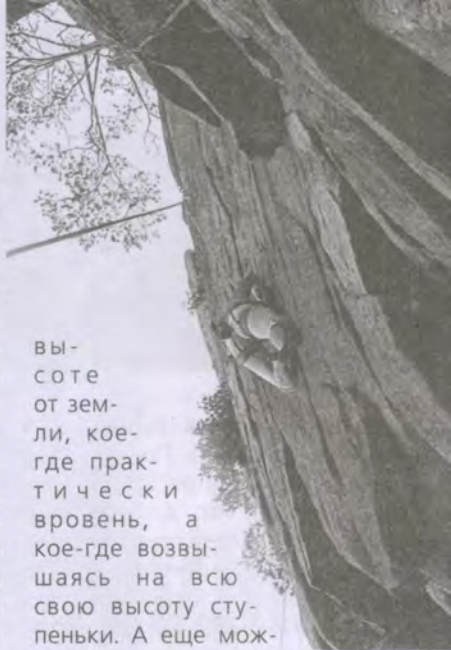
— Я отпускаясь боюсь! Ой, мама! — и смех, и грех, одним словом... Наконец земля под ногами.

— Вы тут развлекайтесь, а я лучше по воду схожу.

В этот день сварили суп еще вкуснее прошлого, потому что вбухали две тушенки и приправу «Карри». И по скалам налезали за весь день, спасаясь от голода бутербродом со шпротами и ближайшим соседским чаем с печеньем — это те, кто за водой не пошел. Зато, если весь день пролазить без перекуса и вбухать три тушенки на котелок, суп получится просто царский, уж поверьте.

А вечером, вняв добрым советам, в обратный путь отправились. Как бы к одиннадцати. Идем по лесу, разговоры разговариваем, слышим, прогудело что-то. Товарняк, думаем. На станции просидели час-другой — глухо. Спит деревня; которые песни поют, а которые нетрезвые по улицам шастают. Поймали мы одного нетрезвого, все попытали, когда, во сколько. Выяснили, что опоздали на поезд — это он гудел, когда по лесу шли. Ошиблись добрые люди с расписанием на пару часов или время местное с московским перепутали. А из Уфалея — в пять утра, и больше не будет. А на работу желательно выйти, да и дома дела. Делать нечего, придется одну народную забаву вспомнить.

И пошли мы по шпалам. Удовольствие неопишное — ночью по железной дороге, не зная еще, сколько километров предстоит, идти и спотыкаться. Вспомнили родственников, включая неучтенных в генеалогических корнях, строителей-железнодорожников, погоду, природу и многое-многое. Шпалы кладутся почему-то на разной

высоте от земли, кое-где практически вровень, а кое-где возвышаясь на всю свою высоту ступеньки. А еще можно было посчитать, сколько шпал от станции Силач до вокзала Верхнего Уфалея. А потом кто-то вспомнил, что я иногда балуюсь сочинительством, и спросил:

— А ты про нас напишешь?

— Конечно, какой разговор. И рассказ тот будет называться коротко и просто — «Шпалы». Как самое незабываемое впечатление от праздников.

Но вот показались уфалейские огни. На путеводный свет цели идти веселее, но долго. Прогулялись по ночному городку мимо неведомых строений заводов и предприятий. На вокзале, никого не стесняясь, вымылись под краном с технической водой. Господин купил билеты, свалились в поезде и проспали до самого Е-бурга. Пришли домой и проспали еще сутки. Отдохнули и на работу вышли. Сидим на работе. Хотим куда-нибудь еще съездить.

ДЕЛО о четырехстах рублях

В первой половине XIX века на Урале наблюдался интенсивный рост населения, превысивший средние данные по стране. Одной из причин, наряду с миграцией, стало естественное увеличение рождаемости. До середины XIX века среди жителей Шайтанского поселка, находящегося в Екатеринбургском уезде Пермской губернии (ныне г.Первоуральск), преобладала молодежь, причем мальчики до 12 лет составляли более половины всех лиц мужского пола.

Правительство, заинтересованное в росте населения страны (особенно мужского), стимулировало процесс воспроизводства. В апреле 1843 года Его императорское величество Николай I, узнав о том, что «в Шайтанском, дворянина Ярцова заводе, жена крестьянина Аверьяна Ярова в 27 и 28 числа прошлого февраля родила четырех младенцев мужского пола», высочайше повелел выдать женщине 400 рублей серебром. (ГАСО. Оп 32.Д.4326. Л.55-59).

Жест был поистине царским. После военной кампании 1812 года в России катастрофически не хватало средств, внешний долг к 1825 году достиг 102 млн. рублей серебром. Доверие к бумажным ассигнациям внутри страны резко упало. Это обстоятельство вынудило правительство в 1839-1843 гг. провести денежную реформу, которую осуществил министр финансов, а по совместительству «главноначальствующий» «Корпуса горных инженеров» Е.Ф.Канкрин. Главным платежным средством в стране стал серебряный рубль. Именно такие полновесные серебряные рубли Его величество и распорядился выдать шайтанской крестьянке.

27 апреля 1843 года о Высочайшем решении министр финансов уведомил своего подчиненного — «царя и бога уральского хребта», главного начальника горных заводов, генерала артиллерии Владимира Андреевича Глинка.

Но скоро письма пишутся, да не скоро дело делается. Царь стремился самостоятельно решать многие государственные вопросы, лично контролировать министерства и ведомства. В этом он опирался на огромный чиновничий аппарат, создав тем самым разветвленную бюрократическую систему. Все дела велись канцелярским порядком. Непрерывный бумажный поток, лившийся из центральных канцелярий, наводнял местные учреждения. Переписка могла длиться годами, разрастаясь до невероятных размеров. Историк В.О.Ключевский пи-

сал о некоем деле, один «экстракт» которого, приготовленный для доклада, составлял 15 тыс. листов. Для доставки этого дела из Москвы в Петербург наняли несколько десятков подвод, но по пути все дело, до последнего листа, все подводы, все извозчики пропали без вести.

Но крестьянке Яровой повезло: не прошло и полугода, как, получив распоряжение из министерства финансов, канцелярия начальника горных заводов Уральского хребта отписала господину министру финансов:

«Рапорт

Честь имею донести Вашему Сиятельству, что предписание о Высочайшем повелении и всемилоостивейшем пожаловании крестьянке Шайтанских заводов Яровой 400 рублей серебром мною получено и отдано для распоряжения.

*Главный Начальник Горных заводов
Уральского хребта
Генерал Глинка».*

Надо заметить, что генерал Владимир Андреевич Глинка — личность замечательная. Особое положение Урала и Екатеринбурга предоставляло ему огромную власть. Молва утверждает, что генерал был «вспыльчив, да отходчив, грозен, да милостив, и честен, и самостоятелен в поступках». «Царь и бог Уральского хребта» силу свою сознавал, и подчиненные о том знали, распоряжения старались исполнять быстро и непременно с докладом.

4 октября 1844 года берг-инспектор сообщает: «По распоряжению Вашего Превосходительства от 22 сентября за № 3072 Уральский берг-инспектор имеет честь донести. Всемилоостивейше пожалованные крестьянке Яровой, по случаю рождения ее четырех сыновей, деньги в размере 400 рублей серебром Исправником Ревдинских заводов получены из Екатеринбургского Губернского Казначейства, за вычетом 10% в пользу инвалидов и за отчислением страховых в сумме 1 рубля 79 копеек. Остальные 358 рублей 20 3/4 копеек выданы означенной Яровой с росписью».

На этом закончилось дело о всемилоостивейшем пожаловании крестьянке Шайтанского завода 400 рублей серебром, длившееся с 17 мая 1843 по 6 октября 1844 года.

Как распорядилась крестьянская семья царской милостью нам неизвестно. Наверное, деньги эти лишними для семьи Яровых не были.

Скульптор

Петр Петрович Вершинин родился 1 января 1900 года. Его первое отчетливое воспоминание раннего детства — икона Божией Матери с младенцем на руках. Икона висела в углу горницы обычной деревенской избы.

Сколько он себя помнил, всегда он пытался рисовать. В пять лет уверенно вырезал из дерева забавные фигурки разных зверей. Отец, недавно пришедший с русско-японской войны, считал это чистым баловством, но сыну заниматься искусством не запрещал.

В 1908 году Петр Вершинин, а тогда еще просто Петька, оказался в Москве. В тот год стояло необыкновенно жаркое лето. По городу ходили слухи об огромном метеорите, упавшем где-то в Сибири. Жители любовались необычайно яркими зорями и шептались о конце света.

Волею судьбы Вершинин попал в мастерскую известного скульптора и теперь рисовал с утра до вечера, лепил из глины и высекал из камня.

Скульптор, совершенно седой, но еще крепкий старик, был очень строг к своим ученикам. Особенно его раздражало, когда кто-нибудь подходил к тяжелой дубовой двери, окованной железными полосами. Она вела из дальнего конца коридора в огромный павильон, пристроенный к дому Скульптора. Что там находилось, никто не знал, и все только строили догадки. Некоторые пытались заглянуть в замочную скважину, но ничего не могли разглядеть. Если Скульптор заставал кого-нибудь за этим занятием, то немилосердно драл уши, как, впрочем, и за другие провинности. Многие, не выдержав этой строгости, уходили; так что к своим семнадцати годам Петр Вершинин остался единственным учеником — как самый терпеливый и самый способный.

Летом 1918 года Скульптор позвал Петра в свой кабинет. Петр вошел в маленькую комнатку, забитую книгами, и остановился у входа. Скульптор сидел за широким дубовым столом.

— Заходи, не стой в дверях, — устало произнес он и указал рукой на свободный стул. — Садись.

— Ты был моим самым лучшим учеником, — негромко сказал Скульптор и положил перед собой сцепленные крепкими пальцами руки. — Пришло время тебе стать на мое место.

— О чем вы, Учитель? — робко спросил Петр и заглянул в прозрачные глаза старика, но тот, казалось, не услышал его вопроса.

— Мастерская теперь твоя, — продолжал он. —

Весь инструмент, книги и вообще все, что здесь есть — твое. В ящике этого стола ты найдешь все необходимые бумаги...

Петр слушал Скульптора молча, его взгляд невольно приковала к себе маленькая скульптура в углу стола. Он видел ее впервые. В глаза бросались характерные николаевские усы и борода. Это была голова императора, высеченная из темного рога камня.

— Вот еще что, — Скульптор с легким стуком выложил на стол большой черный ключ. — Он о павильона. Там ты найдешь блок итальянского мрамора, который был вывезен из Пьетросанты. Он твой. Можешь извлекать из него все, что хочешь. Только никому не отдавай его и ни в коем случае не продавай.

Скульптор замолчал и посмотрел усталыми глазами на своего ученика. Петр не знал, что сказать. Он был удивлен и растерян.

Скульптор поднялся, протянул через стол широкую, крепкую ладонь:

— Удачи тебе, Петр! Прощай!

Ученик молча смотрел, как его Учитель накинул на плечи черный плащ и пошел к выходу. Проходя мимо стола, он подхватил бюст императора, и Петр с изумлением увидел, как фигурка рассыпалась между пальцами в серый прах. Скульптор казался тоже удивленным. Он остановился и показал запорошенную серой пылью ладонь.

— Кончилась эпоха, — глухо проговорил Скульптор и вышел из кабинета. Некоторое время были слышны удаляющиеся по коридору шаги, потом хлопнула входная дверь, и все стихло.

Петр посмотрел на свою руку и бросился догонять Учителя. Он выбежал на улицу — под дождем. Холодный ветер ударил в лицо. Рубаха мгновенно вымокла и прилипла к телу. До ближайшего угла пустынной улицы было приличное расстояние, но Скульптор исчез, будто его и не было.

Петр растерянно огляделся и вернулся в дом. Он сидел за столом в кабинете и смотрел прямо перед собой. В руках он задумчиво вертел черный ключ. Уход Учителя был полной неожиданностью. И почему он ушел именно сейчас, когда весь мир рушится и земля горит под ногами? А может быть, именно поэтому он и ушел?

«Надо бросить все и вернуться домой, — подумал Петр и посмотрел на ключ. — Вот только посмотрю, что там, за дверью».

За дверью оказался огромный пустой зал. Се

рый свет сочился сквозь большие окна в наклонной крыше. Штукатурка голых стен в некоторых местах отвалилась, обнажив старинную каменную кладку. Стена напротив входа представляла собой огромные деревянные ворота; широкие дубовые пластины стягивались мощными полосами железа. Не менее внушительно выглядел и железный засов, который обычный человек вряд ли смог бы сдвинуть с места.

Петр сделал несколько шагов по мощеному булыжником полу и остановился в центре зала. Под потолком затихло эхо шагов. По стеклам окон потоком струилась дождевая вода. Где-то звучно и монотонно капало.

«Где же мрамор?» — подумал Петр и осмотрелся. Справа от входа, в углу, он заметил нечто, укрытое куском серого холста. Когда холст упал на пол, Петр замер в восхищении: прямоугольный мраморный блок в рост человека сверкал белизной. Его грани были гладко отшлифованы. Ладонь ощутила твердость и прохладу благородного камня. В воображении один за другим стали возникать образы будущей скульптуры...

Громкий, требовательный стук во входную дверь оборвал течение мысли. Петр вздрогнул и поспешно набросил холст на мрамор.

Стук повторился.

— Сейчас-сейчас, — бормотал Петр. Он захлопнул дверь в павильон и никак не мог попасть ключом в замочную скважину.

Стук сменился сильными, размеренными ударами.

Наконец замок удалось закрыть, и Петр бросился по коридору, пряча ключ в карман брюк.

Входная дверь трещала под ударами. Едва был сдвинут засов, как она распахнулась, и в глазах зарябило от кожаных курток, бушлатов и шинелей. Петра молча оттеснили к стене и по-хозяйски прошли в дом. Два долговязых солдата в изношенных шинелях и старых папахах замыкали шествие. Их длинные винтовки царапали штыками потолок коридора, и известка сыпалась на пол за их спинами.

От такой бесцеремонности Петр растерялся, но ему ничего другого не оставалось, как закрыть дверь и пойти следом.

Процессия скрылась в кабинете Скульптора. Солдаты встали по сторонам входа. Винтовки они сняли с плеч и уткнули прикладами в пол.

— Вы позволили войти? — растерянно спросил Петр у часовых, но те, казалось, окаменели. Их бесстрастные лица ничего не выражали, глаза равнодушно застыли.

Неуверенно переступив с ноги на ногу, Петр набрался смелости и вошел в кабинет.

В кабинете находились всего два человека. Даже удивительно, как они могли показаться толпой?

Один — худой, в кепке и кожаной куртке — сидел за столом и смотрел в потолок. Другой — в

бушлате, брюках-клев и бескозырке — стоял у полка, разглядывая корешки книг и мраморные фигурки.

Увидев Петра, худой качнулся на стуле и скучным голосом произнес:

— Нам нужен Скульптор.

— Его нет, — сказал Петр, чувствуя, как пересыхает в горле.

— А где он? — худой сцепил пальцы рук, взгляд его стал пронзительным.

У книжных полок хмыкнул матрос. Он обернулся, сдвинул стволом револьвера бескозырку на затылок и вернулся к разглядыванию маленькой фигурки — обнаженный Венеры.

Петр посмотрел в глаза худому и пожал плечами:

— Скульптор попрощался со мной и ушел. Я не знаю куда.

— Странно, — со значением произнес худой и посмотрел на матроса. Но тот был слишком занят изучением скульптуры.

— Ну, а кто вы такой? — худой снова перенес взгляд на Петра.

— Я — ученик.

— Чей?

— Скульптора.

— Ага, — отрывисто произнес худой и устался в потолок. Петр невольно проследил за его взглядом и увидел, как на побелке расплывается темное пятно с большой каплей в центре. Капля росла, росла и вдруг сорвалась с потолка, полетела вниз и разбилась о стол. Мелкая водяная пыль брызнула во все стороны.

— Так, — удовлетворенно кивнул худой и вытер стол ладонью. — Значит, скульптуру вы тоже можете сделать?

Петр пожал плечами:

— Могу.

— Чтой-то он мне не нравится, — вдруг отозвался матрос, не оборачиваясь. Казалось, он готов был съесть фигурку Венеры.

Худой бросил на него вопросительный взгляд. Матрос с видимым сожалением отвернулся от полки, почесал лоб стволом револьвера и веско добавил:

— Рожа у него — самая ненадежная. Сразу видеть, что из ентих.

— Из каких? — спросил худой.

— Ясное дело — из каких. Из контры!

— Ты думаешь?

— А что тут думать? Я же говорю, рожа ненадежная — шибко умная. Шлепнуть его — и дело с концом.

Петр побледнел.

— К-как это шлепнуть? — заикаясь, пробормотал он.

— Обыкновенно, — сказал матрос и помахал револьвером.

— Ну-ка, обожди, — худой обернулся к Петру и быстро спросил: — Кто твой отец?

— Отец?.. — Петр глотнул воздуха. — Он кузнец.

— Кузнец? — недоверчиво переспросил матрос. В его глазах мелькнуло любопытство.

Заметив это, Петр быстро добавил.

— Он герой войны. Служил на крейсере «Варяг».

Эти слова произвели необычайное действие на матроса. Лицо его засияло широкой улыбкой. Раскрыв объятия, он шагнул навстречу.

— Дорогой ты мой товарищ! — он крепко обнял Петра за плечи. — Что ж ты сразу не сказал?! — и, обернувшись к худому, радостно сообщил:

— Это свой! Я враз... как только его увидел, враз почувал — свой!

Петр растерянно моргал глазами и переводил взгляд с одного незваного гостя на другого. Он понял, что никто не будет его ставить к стенке, но не мог понять, как ему могли поверить только на слово?

Матрос наконец успокоился, спрятав револьвер в карман бушлата, присел на подоконник и ободряюще подмигнул.

— Вернемся к нашим делам, — флегматично произнес худой. — Мы хотим доверить вам э-э... сделать скульптуру Вождя. Работа эта ответственная и секретная.

— Секретная?

— Да. Нежелательно об этом распространяться. Вы будете теперь под постоянной охраной. Всем необходимым мы вас обеспечим, только работайте.

— А-а... — начал было Петр, но, встретив холодный взгляд худого, осекся.

— Вы хотели что-то спросить?

— Да, — пробормотал Петр. — Вы какую организацию представляете?

Матрос оторвался от подоконника, с важным видом достал из кармана брюк бумагу, развернул ее и показал со словами:

— Наш мандат!

Из коридора донесся надрывный кашель одного из часовых. Белый лист бумаги слегка подрагивал в руке. Маячило слово: «МАНДАТ». Под ним — тонкие строчки сливались в сплошные полосы и совершенно не читались. Да и так ли уж важен смысл текста, когда револьверы в руках этих людей не допускали никаких возражений.

Петр сделал вид, что внимательно читает, что проникся смыслом этого документа, и кивком выразил свою готовность подчиниться представителям законной власти.

— То-то, брат, — со значением сказал матрос, бережно сложил бумагу и спрятал в карман.

Створки огромных ворот со скрипом раскрылись, и в павильон хлынул холодный ночной воздух по-

здней осени. Воздух был смешан с выкриками людей, с тархтением множества автомобильных моторов, светом фар и запахом выхлопных газов.

Петр стоял в глубине павильона, пожевывая и наблюдал, как внутрь зала на широкой дощатой платформе медленно выдвигается гигантская каменная глыба. Толстые канаты через систему блоков передавали усилия нескольких сотен людей на платформу, которая двигалась по каткам, сделанным из целых древесных стволов.

«Почему бы не привязать тросы к автомобилям?» — подумал Петр, но спросить об этом никого не решился.

Всем этим шумом-гамом распоряжался матрос. Он появлялся то там, то здесь в распахнутом бушлате, бескозырке набекрень, размахивал револьвером, и страшно матерился. В свете автомобильных фар постоянно мелькала его тельняшка. Забегая к павильону, он весело кричал Петру:

— Ничего-ничего, браток! Щас затянем!

Казалось, все это будет длиться до скончания века; глыба слишком медленно вползала под своды зала. И когда, наконец, платформа замерла в центре павильона, не верилось, что все закончилось. Мелькнула довольная физиономия матроса:

— Нут вот и все! Руби концы!!!

Канаты и блоки были убраны, створки ворот медленно сомкнулись, лягнули задвижки запоров. Шум еще некоторое время доносился сквозь стены, затем заурчали двигатели, шум стал удивительно тихим, и все стихло. Петр остался один на одной каменной глыбой. Жидкий свет лился из единственной электрической лампочки под потолком и отражался на гранях и выступах темно-серого почти черного камня. Петр шагнул на платформу и потрогал глыбу. Он удивился тому, что пальцы ощутили заметное тепло.

— Ничего камушек?! — вдруг раздался чей-то голос.

Петр отдернул руку и оглянулся.

В дверях стоял матрос. Руки — в боки, полубушлата — за спиной, тельняшка от шеи до впадины живота — в полной своей полосатой красе.

— Видал, какую махину втокнули! — матрос довольно оскалил зубы и медленно, вразвалочку двинулся по залу. Он остановился в нескольких шагах от платформы и, задрвав голову, посмотрел на вершину глыбы:

— Смогёшь Вождя изобразить?

Петр пожал плечами и пробормотал:

— Попробую.

— Смогёшь-смогёшь, — уверенно кивнул матрос, и его темные глаза задорно блеснули.

За неделю до этого дня он привел Петра на площадку, где проходил митинг. Люди стояли плотной массой. Все слушали невысокого лысого человека с бородкой, который бросал отрывистые фразы с балкона большого дома.

— Смотри, — сказал матрос Петру, кивая на балкон, — Вождь!

И он смотрел. Он старался запомнить выражение лица этого человека, манеру держаться, каждый жест и поворот головы. Вечером он исчеркал набросками стопку листов бумаги. Взглянув на рисунки, матрос одобрительно хмыкнул и сказал:

— Не зря я тебе поверил. Молодец!

И, возвращая листы, добавил:

— Вай!

Он недавно узнал это слово и теперь воспользовался возможностью его произнести.

Петр удивился, когда ему сказали, что надо вырубить из камня только голову Вождя. И теперь, стоя у глыбы, он пытался уловить в ее форме черты будущей скульптуры. Ему вдруг показалось, что камень действительно похож на человеческое голову. Нужно было только убрать все лишнее.

— Ладно, — матрос хлопнул Петра по плечу. — Бывай.. Да, чуть не забыл, — вдруг спохватился он и деловито достал из кармана какую-то бумагу. — Распишись-ка вот здесь в получении камня. — В другой руке у него возник «Паркер» с золотым пером.

Петр взял протянутую авторучку, положил лист документа на доску платформы и старательно расписался в указанной графе. Едва перо закончило свой чернильный бег и оторвалось от бумаги, как заныло сердце, потемнело в глазах, и страшная слабость охватила все тело молодого скульптора.

— Ты когда начнешь работу? — словно издали донесся до него голос матроса.

— Как только возведем леса, так и начну, — приходя в себя, с трудом ответил Петр.

— Ну-ну. Тогда до завтра, — он крепко пожал руку и пошел к выходу. — Бывай.

Оставшись один, Петр отошел в угол павильона и снял холстину с мраморного блока. Приятно было снова ощутить его гладкую, прохладную поверхность. Множество прекрасных изваяний скрывалось за этой непроницаемой гранью, но извлечь из толщи мрамора можно только одно из них. И что вырвется из каменной тверди — об этом можно только гадать. Но Петр был уверен — это будет прекрасная скульптура. Он старался не думать о черном монолите за спиной.

Леса вокруг глыбы возвели довольно быстро. Шаткие диски окружали камень в три этажа. С одного уровня на другой вели грубо сколоченные деревянные лестницы. Под потолком подвесили несколько дополнительных электрических фонарей. Правда, днем их можно было и не включать: вполне хватало солнечного света. Но сейчас был вечер, и фонари горели.

Ступени под ногами вздрагивали и скрипели. Перед глазами текла вниз темная шершавая шкура огромного камня. От него, как от живого суще-

ства, исходило ощутимое тепло. Петр выбрался на куполообразную вершину глыбы и принялся ее осматривать. Вся поверхность была испещрена мелкими выбоинами и лунками, но трещин нигде не было видно.

Молоток звонко ударил по резцу, сверкнули искры. Скол получился необычайно гладкий. Он глянцево поблескивал в электрическом свете фонарей.

«Почему же он теплый?» — недоумевал Петр, ощупывая камень. Внезапно ему показалось, будто из-под ладони, из глубины монолита просочился багровый отблеск. Молоток и резец выпали из рук. Металлический звон эхом заметался под сводом павильона. Петр вскочил и невольно сделал несколько шагов назад. Перед его взором на каменной коре вспыхнула какая-то надпись и тут же угасла, будто ее и не было. Может быть, ее и действительно не было; богатое воображение, усталость и волнения последних дней породили этот мираж, но непонятные огненные знаки, казалось, впились в мозг и вставали перед закрытыми глазами черной строкой.

Петр подобрал инструменты, с трудом спустился вниз, вышел из зала и, шатаясь, побрел по коридору. Черные знаки вспыхивали каждый раз, когда смыкались веки.

— Спать-спать, — бормотал он по дороге.

Раздеваться он не стал, прямо так лег на постель и провалился в бездну сна. Всю ночь его мучили кошмары, а когда утренний свет заставил раскрыть глаза, то Петр с удивлением обнаружил, что постиг смысл таинственной надписи:

Всё проходит!

Рано утром того дня, когда на мостовые выпал первый снег, а лужи затянулись тонким ледком, Петр Петрович Вершинин вошел в павильон, тщательно затворил за собой дверь и поднялся на леса. В руках он держал железные резцы и молоток.

— Убрать все лишнее, — тихо проговорил он и нанес первый удар.

Из-под сверкающего лезвия резца брызнули мелкие осколки. Перехватив резец поудобнее, Петр начал наносить частые ритмичные удары.

— Раз-два-три, — бормотал он себе под нос. — Раз-два-три-четыре.

Вскоре его лицо и руки покрылись темной тепловой пылью. Резец вздрагивал и вибрировал в сжатом кулаке. Металлический стук забивался в уши.

Петр опустил резец и перешел на другое место: — Все лишнее долой!

И снова раздались удары, и снова полетели мелкие осколки из-под резца. Звонкое эхо металось под сводом. Белый дневной свет неспешно

затекал через широкие окна в крыше и разливался по прохладному залу.

— Раз-два-три. Раз-два-три-четыре.

За окнами шел снег. Снежинки ложились на стекло, и время от времени их сдувал легкий порыв ветра.

За обедом Петр съел кусок хлеба, немного вяленой рыбы и запил все крепким чаем. После он снова принялся за работу. Теперь для него не существовало ничего, кроме резца, молотка и каменной глыбы. Еще было лицо Вождя, которое должно со временем проступить из каменного монолита.

Раз-два-три — стучал молоток. Раз-два-три-четыре — летели искры и осколки камня.

Поздно вечером, когда окна смотрели внутрь зала черными провалами, а электрические фонари освещали павильон желтым светом, Петр спустился с лесов, отошел к стене и принялся осматривать свою работу. На глыбе в некоторых местах виднелись небольшие пятна более темного цвета. Именно там поработал резец. В остальном камень был прежним.

«А вдруг мне придется всю жизнь работать над этим монолитом? — ужаснулся Петр, но тут же отогнал эту мысль. — Я буду работать от зари до зари. Без перерыва. Каждый день. И я сделаю эту скульптуру. Зато потом...»

Но он пока решил не думать «о потом».

Дни мелькали один за другим. Охрана, стоявшая на посту — у дверей дома, постоянно слышала стук молотка, который прерывался только на несколько ночных часов и вновь возобновлялся еще до восхода солнца.

— Ишь, молотит, — пробормотал часовой, пожилой солдат в старой шинели и дырявой папахе. Он опустил винтовку прикладом на мерзлую землю и, прижимая к себе локтем за ствол, пытался свернуть стылými, непослушными пальцами самокрутку. Второй солдат, помоложе, приплывал на месте от холода. С темного предрассветного неба сыпалась снежная крупа. Старая ворона, нахохлившись, сидела на заборе и коса смотрела на людей с оружием.

Петр потерял счет дням. Он перетаскивал кровать в павильон и теперь выходил из зала по утрам, чтобы умыться и забрать холщовый мешочек с суточным пайком, который оставляли ему в коридоре у входной двери. В полдень он откладывал в сторону инструменты, снимал серый рабочий халат, съедал обеденную порцию пайка и обходил пустой дом: заглядывал в большую комнату (когда-то здесь была спальня для учеников), потом заходил на кухню и в столовую, где уже давно не витал аппетитный запах какого-нибудь блюда. В кабинете Петр прикасался к корешкам книг, которые надеялся со временем прочитать, и смахивал пыль с многочисленных статуэток. Зачем он это делал? Может быть, чтобы на несколько минут

отвлечься от монолита, каменной пыли и звонкого стука молотка? Выйти из дома на улицу ему приходило в голову.

Обойдя комнаты, он спешил в павильон и брел за резец. Камень уже был обтесан со всех сторон, но еще трудно было в нем разглядеть человеческое лицо.

Однажды вечером в павильон вошел матрос. Он постоял несколько минут, разглядывая глыбу, потом неопределенно хмыкнул, развернулся и ушел. Петр проводил его взглядом, неподвижно постоял немного и снова принялся за работу.

Дни тянулись однообразной серой цепью какой-то неуловимый момент из глыбы выглянуло лицо Вождя. Это были еще грубые черты, но вполне узнаваемые. Увидев такую перемену в камне, матрос широко улыбнулся и махнул рукой Петру, который стоял на верхнем этаже лесов:

— Молоток, ваятель!

Петр отложил инструменты и быстро спустился вниз. Он ответил на рукопожатие и оглянулся на глыбу.

— Мы протянем тебе сюда телефон, — прошептал матрос. — Ежели что понадобится звони.

С этого дня паек стал значительно лучше. В холщовом мешке иногда находился даже сахар. Телефон действительно провели, и теперь на полу возле кровати — стоял черный телефонный аппарат. Первый раз им Петр воспользовался, когда вызвал рабочих, чтобы они убрали леса вокруг монолита. Вся последующая работа велась теперь с помощью переносной лестницы.

Солнце мелькало за мутными окнами. День сменялся ночью, дождь — снегом, тепло — холодом.

Однажды Петр спустился с лестницы и, обходя каменную голову вокруг, замер в нерешительности.

— Все, что ли? — в растерянности пробормотал он.

Молоток и резец выскользнули из ослабевших рук и мягко упали на пол, густо покрытый толстым слоем каменной пыли...

Странно устроен человек: он прилагает огромные усилия для достижения поставленной цели, тратит на это способности, талант, годы жизни. Порой самые лучшие; он страстно, всей душой, во всей сущностью желает добиться своего и наконец, когда цель достигнута, зачастую не испытывает счастья, только пустоту и усталость. Нечто подобное чувствовал и Петр, когда закончил работу. Правда, еще иногда обходил скульптуру, приставлял к ней лестницу, взбирался наверх и стучал молотком, снимая ту или иную неровность, но разочарование и ощущение какой-то потери не покидали сердце.

Он не мог однозначно сказать, нравится ему скульптура или нет. Скорее всего — да, нравится. Ведь и выражение лица Вождя, и характерный прищур глаз, и еще нечто — совершенно неувловимое, — все это заставляло поверить, что вот сейчас, сию минуту Вождь вскинет правую руку, укажет раскрытой ладонью на стену павильона и воскликнет:

— Вегной догогой идете, товагищи!

Нет! Все-таки чего-то не хватает. Самой малости. Какой-то неувловимой мелочи...

Петр отчаялся найти причину своего недовольства, махнул рукой, сел на кровать. Ногой двинул к себе телефонный аппарат, поднял трубку и крутанул ручку вызова. Телефон молчал. Петр снова покрутил ручку и даже постучал по вилке рычажков — ни единого звука не донеслось до слуха.

— Да что они там, — пробормотал Петр. — Поумирали все?

Он бросил трубку, встал с кровати и направился к выходу.

Под черным ночным небом царила выюга. Вся улица была завалена снегом. Высокие сугробы громоздились у стен домов. Голые ветви деревьев секли ледяной воздух. Невдалеке сквозь белые вихри маячила темная фигура часового.

Петр перешагнул порог и остановился на прямоугольнике желтого света, выпавшего из ярко освещенного коридора. Под каблуком скрипнул снег, мороз проник сквозь одежду и сковал тело. Фигура часового качнулась, и на свет вышел молодой солдат с винтовкой за спиной. Он держал руки в карманах долгополой шинели и прятал подбородок в застегнутые клапаны буденовки с большой красной звездой.

— Извините, — обратился к нему Петр. — У вас закурить не найдется?

Солдат кивнул бледным носом и сунул правую руку глубже в карман в поисках курева. Петр терпеливо ждал. Часовой копался в кармане, переступая по снегу валенками.

— Вот, пожалуйста! — он шагнул вперед и протянул мятую, но целую папиросину. Холодно блеснули грани примкнутого штыка.

Петр сделал первую затяжку и закашлялся. Из темноты вышел второй часовой — тоже в шинели, буденовке и с винтовкой за спиной.

— Может, зайдете в дом, погрееетесь, — предложил Петр.

— Не положено, — прохрипел второй солдат. — Да и сменят нас скоро.

— Ну, как знаете, — пожал плечами Петр. Он курил первый раз в жизни, и поэтому каждая затяжка вызывала кашель. Ритуал курения казался единственно возможным поводом, чтобы заговорить с охраной.

— А какое сегодня число? — спросил он.

— Двадцать первое, — ответил часовой, который дал папиросу.

— А месяц?

— Январь.

Чувствуя, что следующий вопрос прозвучит немного странно, Петр смущенно кашлянул.

— А какой сейчас год?

Солдаты переглянулись и в один голос произнесли:

— Двадцать четвертый!

Петр пробормотал слова благодарности и умолк. Ему хотелось еще поговорить, рассказать, что наконец-то работа закончена, скульптура готова, но он сказал только про молчащий телефон.

— Сменимся — передадим кому надо, — не слишком дружелюбно отозвался простуженный часовой.

Петр молча кивнул, бросил окурочек в снег, пожелал спокойной службы и вошел в дом.

«Спать-спать, — думал он, шагая по коридору. — Завтра со всем разберемся».

И вдруг остановился, будто натолкнулся на стену.

«Шесть лет! — с удивлением и ужасом подумал он. — Прошло шесть лет жизни, а я этого даже не заметил!»

На другой день, рано утром, Петр сидел на вершине скульптуры — на широкой лысине каменной головы — и убирал резцом едва различимые огрехи. Сегодня, едва проснувшись, он снова пытался позвонить, но телефон молчал. Петр еще подумал тогда, что, может, снова попал в немилость тем, кто ведал его судьбой? Чтобы отвлечься от мрачных мыслей, он решил немного поработать и теперь аккуратно стучал молотком по резцу. Он так увлекся, что не заметил, как в павильон вошел матрос... Увидев раннего гостя, он сунул инструменты в карманы фартука и быстро спустился по лестнице вниз.

— Доброе утро! — громко поприветствовал он, идя навстречу. А я решил тут кое-что подправить. Последние штрихи, так сказать...

Он осекся, встретив неподвижный, застывший взгляд матроса.

— Что случилось? — обеспокоенно спросил Петр. Матрос разлепил бледные губы и выдавил только два слова:

— Вождь умер!

Потом сделал несколько тяжелых шагов, опустился на кровать и закрыл лицо руками.

— Как умер?! — Петр растерянно оглянулся на скульптуру. Каменный Вождь живыми глазами смотрел на них и улыбался уголками губ.

Матрос опустил голову, его плечи вздрагивали. Петр не знал, куда девать руки. Он не испытывал каких-то особенных чувств к Вождю, он сожалел о его смерти — так же, как сожалел бы о смерти любого другого незнакомого человека. Он даже удивился своему спокойствию и, чтобы как-то утешить матроса, сказал:

— Я закончил работу. Теперь образ Вождя навсегда сохранится в этом камне.

Матрос поднял голову, провел ладонью по глазам и посмотрел на скульптуру.

— Да! Его образ теперь будет с нами всегда. Ты настоящий Скульптор.

Он встал и крепко пожал Петру руку.

* * *

Первое время Петр не знал, чем теперь себя занять.

Секунды монотонно капали в серой тишине павильона. Огромная голова следила за каждым движением каменными глазами и одним только своим присутствием давила на сердце. Пришлось снова перетаскать кровать из зала в спальню.

«Работа закончена», — каждый день мысленно говорил Петр и не находил себе места. Он с нетерпением ждал, когда отворятся тяжелые ворота и павильон освободится от монолитного образа Вождя. Но ворота не отворялись, и монолитный образ оставался в центре зала на деревянной платформе.

Время от времени приходили какие-то люди, осматривали скульптуру, обменивались мнениями и уходили, совершенно не замечая Петра Петровича Вершинина. А может, они только делали вид, что не замечают.

Однажды на пороге кабинета, где Петр читал книгу, появился матрос. Его было не узнать: морскую форму сменили серый костюм-тройка, шляпа и начищенные до зеркального блеска штиблеты.

— Здравствуй, товарищ художник! — широко улыбаясь, сказал он. — Все книжки читаешь? А я вот фотографа к тебе привел. Он будет статую твою фотографировать.

— А что, уже лето? — глядя на костюм, совершенно невпопад спросил Петр.

— Ну, брат, ты даешь! — рассмеялся матрос. — Совсем зачитался.

Петр немного смутился, но не удержался еще от одного вопроса:

— А как же бушлат, тельняшка и бескозырка?

— А-а, — с легким сожалением махнул рукой матрос. — Я ведь культуру представляю. Как-никак — должностное лицо.

И, проведя ребром ладони сверху вниз по пуговицам пиджака, добавил:

— Должен соответствовать.

Фотограф, сухонький старичок с блестящими глазами, одетый в плохо перелицованный костюм, деловито устанавливал свой аппарат на трехноглом штативе у стены павильона, сверкал магниевой вспышкой и переходил на другое место для следующей съемки.

Петр с интересом следил за его работой. Матрос, придерживая шляпу рукой, задрал голову. Он

молча рассматривал скульптуру. Наконец повернулся к Петру и хлопнул его по плечу.

— Не дрейфь! Сделаем тебе главным скульптором страны! Да что там страны — мира! Завтра эти снимки в газетах напечатают. Все о тебе узнают!

Снимки действительно напечатали. Газеты рассказывали о великом скульпторе, выходеце из рабоче-крестьянской семьи. А великое творение теперь уже известного мастера все равно оставалось стоять в павильоне.

По-прежнему каждый день в коридоре у входной двери появлялся ежедневный паек. Теперь он был не в мешке, а в картонной коробке. Продуктов стало гораздо больше, и Петр вдруг обнаружил в себе интерес к процессу приготовления пищи. В этом ему помогала толстенная «Поваренная книга», обнаруженная на книжных полках в кабинете.

«Во мне погибает хороший повар», — не раз думал он, помешивая какой-нибудь особый бульон.

Постепенно каменная голова Вождя в центре зала перестала угнетать. Петр с аппетитом ел, спокойно спал, читал книги, и казалось, ничто не сможет нарушить его душевного покоя. Но однажды ночью словно некая сила подняла его с постели.

В одном халате, со свечой в руке, готовой вот-вот погаснуть, он шел по темному коридору.

Павильон встретил жаркой тишиной. Луна заглядывала в окно, густые тени залегли на каменное изваяние, и лицо Вождя приобрело жуткое выражение. Но Петр не обратил на это никакого внимания, он направился в угол зала.

Пыльный кусок холста стек на пол, обнажив блок. Огонек свечи встрепенулся и погас. Серебристый свет луны упал на белоснежную кожу прекрасного итальянского мрамора, и мягкое сияние полилось из толщи благородного камня. Взгляд невольно попытался проникнуть сквозь непроницаемую поверхность и разглядеть в молочной глубине скрытую статую.

Петр прижался щекой к прохладной мраморной плоскости, ладони ощутили ее твердость.

— Кто ты? — спросили губы.

Он прислушался, словно ждал ответа. Вдруг его пальцы ощутили слабую вибрацию, слух уловил чей-то слабый вздох. Он отпрянул и оглянулся.

— Кто здесь?

В тишине павильона взволнованный голос прозвучал необычно громко. По лунному диску пробежало облако, и неровная тень пролетела через зал. Лицо Вождя ожило и исказилось ужасной гримасой.

Петр поежился и снова посмотрел на мрамор. Ему вдруг показалось, что внутри белого камня что-то шевельнулось и на миг проступила пре-

красная женская фигура. Потом все исчезло. Только любопытная луна заглядывала в окно.

— Чертовщина какая-то, — пробормотал Петр. — Надо принять снотворное и лечь спать.

Утром его разбудили голоса — несколько человек о чем-то громко спорили.

— Проходной двор какой-то, — недовольно пробормотал Петр, вылезая из-под одеяла. Он накинул на плечи халат, сунул ноги в истоптанные шлепанцы и вышел в коридор. Дверь в павильон была приоткрыта, и голоса доносились оттуда.

В зале перед изваянием стояли три человека. Все они были в одинаковых серых плащах до пят. Один держал в руках пухлый портфель из кожи с двумя никелированными замками. Как только Петр вошел в павильон, все трое повернулись к нему. Тот, что с портфелем, сверкнул стеклами пенсне.

— Вы кто? — резко спросил он.

— Как «кто»? — удивился Петр. В его голосе слышалось возмущение. — Я здесь живу. И работаю!

— А-а, — протянул человек с портфелем. — Скульптор! Вот вы-то как раз нам и нужны! — сказав это, он достал из кармана плаща синий платок, снял пенсне и принялся протирать линзы. Портфель ему пришлось зажать под мышкой.

— А в чем, собственно, дело? — спросил Петр.

— А дело в том, молодой человек, что вам оказано высокое доверие — вы должны создать скульптуру Вождя.

— Но ведь... — Петр растерянно указал на каменную голову. — Вот она! Я все сделал.

Человек водрузил пенсне на переносицу и пристально посмотрел на Вершинина.

— Мы знаем, — веско прознес он. — Но у нас сейчас другой Вождь, и нам нужна новая скульптура. Вы доказали свое мастерство... Так что — приступайте.

Петр чувствовал, как каменеет от этих слов; холод разливался по всему телу, и только сердце гулко стучало в висках.

Щелкнули никелированные замки портфеля, и в руки Петру сунули большую красную папку.

— Здесь вы найдете все необходимое для работы, — сказал человек в пенсне. — А если еще что-нибудь понадобится, звоните по телефону.

Они уже выходили из зала, когда Петр спохватился:

— Постойте! А как же материал?!

Они остановились и обернулись.

— Вы о чем?! — спросил человек с портфелем.

— Я — о материале! — сказал Петр и поймал себя на том, что глупо улыбается этим людям. — Из чего делать скульптуру?

Все трое многозначительно переглянулись, и один из тех, что все время молчал, вдруг заговорил неприятным скрипучим голосом:

— В свое время вам выдали монолит. Так?!

— Да, — растерянно проговорил Петр.

— Вы за него расписывались? — Человек извлек из кармана плаща какую-то бумагу, развернул ее и ткнул толстым пальцем в нижний угол листа. — Ваша подпись?

Петр поспешно приблизился и взгляделся в росчерк на бумаге. Он мог бы этого и не делать, так как был уверен, что там стоит его подпись. Но все равно он внимательно рассмотрел знакомый документ, а потом кивнул:

— Да, это моя подпись.

— Вот и работайте, — проскрипел человек, пряча бумагу в карман. Работайте по выданному вам материалу.

Казалось, эти трое не замечали гигантской скульптуры в центре зала.

— Но... — начал было Петр, однако три человека молча повернулись и вышли в коридор. Стук входной двери оборвал звук удаляющихся шагов.

— Как же так? — растерянно пробормотал Петр. Его слова утонули в пространстве огромного павильона, залитого рассеянным светом восходящего солнца.

Вдруг раздался сильный хлопок и эхом раскатился под сводами зала. Это выпала из рук Скульптора красная папка.

Петр сел за стол в своем кабинете, раскрыл папку и вынул из нее плотный лист картона, на котором было наклеено два снимка: Вождь анфас и Вождь в профиль. Такое размещение фотографий породило какие-то смутные ассоциации, но Петр отмахнулся от них и извлек из папки целую пачку фотоснимков. Все это были портреты: Вождь улыбается, Вождь набивает свою трубку, Вождь размышляет...

Петр перебирал фотографии, всматривался в лицо незнакомого для себя человека, и что-то очень смутное подсказывало — надо создать величественный, легендарный образ. Образ Вождя — каким его хотят видеть сейчас, каким он запомнится следующим поколениям и останется в веках...

«В веках, веках, веках...» — оглушительным пульсом застучало в голове, и Петр, отбросив фотографии, сжал ладонями виски. Но это не помогло.

«...веках, веках, веках...» — продолжало оглушительно биться в черепной коробке. Петр застонал, медленно поднялся из-за стола и, продолжая стискивать голову руками, двинулся из кабинета.

«...веках, веках, веках...» — продолжал издеваться чей-то голос. Он хохотал, он кривлялся, произнося на разные лады слово «веках», и холодной рукой копался в мозгу, наслаждаясь своей властью.

Петр закричал от неожиданного ужаса и бросился бежать по коридору. Он смутно помнил, как очутился в павильоне, как руки его стиснули мо-

лоток и зубило и как под ударами скорчилось в судорожной гримасе каменное лицо ушедшего в иной мир Вождя.

* * *

Он работал. Он работал так, как привык уже давно — начинал до рассвета и заканчивал глубокой ночью. Просто изменить черты лица уже готовой скульптуры совершенно не представлялось возможным: слишком разные лица были у вождей.

Петр не стал возводить лесов, он работал с высокой приставной лестницы. Снова из-под резца вылетали темные каменные чешуйки, снова в уши забивался звенящий ритм, и снова губы привычно отсчитывали:

— Раз-два-три. Раз-два-три-четыре.

Каменные черты сглаживались, теряли свою индивидуальность, и вскоре исчез характерный прищур, глаза ослепли, нос потерял свою форму. Казалось, лицо медленно оплывало, словно плавилось черным воском на ослепительном солнце, и сквозь старый образ проступал новый. И никакая сила не могла остановить эту странную метаморфозу.

Петр вдруг обратил внимание, что каменный монолит под резцом стал вести себя совсем по-другому. При слабом ударе удавалось отколоть лишь песчинку. Если же удар наносился сильнее, по камню начинали бежать трещины, отваливались крупные куски и с грохотом, от которого тревожно сжималось сердце, падали на пол.

— Вот чёрт! — пробормотал Петр и вытер лоб тыльной стороной ладони, сжимающей резец.

Камень пришлось рубить очень осторожно: одно неверное движение — и можно было загубить все. Но работа теперь сильно замедлилась; дни слились в один сплошной бесконечный день, наполненный кропотливым трудом.

Однажды из-под резца выскочил острый обломок. Петр, выронив резец, схватился за глаз. Кровь хлынула на лицо, стекла по подбородку и пролилась на темную поверхность монолита. Не отнимая ладони, Петр спустился вниз и вызвал по телефону врача. Мысль о потере глаза привела его в ужас, и он бессильно опустился на койку.

Врач пришел на удивление быстро. Это был пожилой седоватый мужчина в белом халате. В руке он держал небольшой медицинский чемоданчик.

— Ну-ка,— строго сказал он.— Покажите, что у вас там?

Но Петр еще сильнее прижал ладонь к ране; ему было страшно. Врачу пришлось чуть ли не силой убрать его руку от лица.

Петр зажмурился. Он почувствовал прикосновение твердых пальцев к своему лбу и услышал спокойный голос:

— Ничего страшного. Камень рассек вам только бровь. Сейчас ранку промоем, перевяжем, и будете в полном порядке.

— Спасибо, доктор! — поблагодарил Петр, когда все было закончено.

— Я не доктор,— сказал врач, убирая в чемоданчик белоснежный валик бинта.

— А разве есть разница? — удивился Петр.

— Есть,— врач слегка улыбнулся.— Доктор это ученое звание, а у меня его нет.

Он оглянулся на скульптуру, улыбка сошла с его губ. Он вдруг сказал:

— Вот и вы пролили свою кровь,— повернулся и молча вышел.

Петр спохватился из-за того, что не попрощался, и бросился следом, но врача уже не было.

— Странно,— пробормотал Петр и потрогал повязку на лбу. Постояв немного в коридоре, он вернулся в павильон — к своей работе.

Дни снова потянулись — один похожий на другой. Каждое утро в коридоре у входной двери Петр находил коробку с суточным пайком, завтракал, пробегал глазами по строчкам свежей газеты, которую с некоторых пор клали вместе с продуктами, и шел рубить камень.

Нельзя было сказать, что его не интересовало все происходящее за стенами мастерской, но он относился к тому, о чем печатали, несколько отстраненно. Ведь это было где-то там, а здесь — конкретное дело. Но однажды Петр прочел, что началась война. Он отставил стакан с чаем и перечитал газету. В его памяти сразу возникла родная горница... и отец, ковыляющий на своей деревянной ноге. А потом вспомнилась мать, как она сидела на лавочке у крыльца.

До боли в сердце Петр ощутил свое одиночество. Ему захотелось бросить все и вернуться домой. Но это означало расстаться с любимым делом, а он хотел рубить камень. И он пошел в павильон, взял в руки молоток и резец, и снова полетела на пол каменная крошка.

Работа была успокоением, работа была его жизнью. Ощущение своей власти над камнем придавало ему силы, и он рубил до боли в мышцах, до темноты в напряженных глазах, до свинцовой усталости, которой к концу дня наливались плечи. И, казалось, этому не будет конца. Но настал день, когда работа была закончена. Петр долго осматривал каменную голову Вождя, потом удовлетворенно кивнул и отложил резец.

Черты скульптуры вдруг ожили, и Петру показалось, что вот сейчас появится знаменитая трубка, Вождь выпустит клуб дыма и испытывающе посмотрит ему в глаза.

И вдруг странная мысль толкнула его в сердце. Разум отказывался в это поверить, но теперь Петр знал наверняка: сегодня не стало Вождя.

Вождь умер!

* * *

За окном шел дождь. По стеклу, извиваясь, текли бесконечные струи. В кабинете за столом сидел гладко выбритый седовласый мужчина и смотрел в замутневшее окно. Лицо этого человека было в морщинах, но оно не казалось старым. Глаза не были потухшими, наоборот, в них читались спокойствие и мудрость. И трудно было поверить, что этому человеку недавно исполнилось сто лет.

Петр Петрович вспоминал свою жизнь. Быстро она прошла. Как один день. Он ни в чем не нуждался, много работал, но не чувствовал удовлетворения от того, что успел сделать. Хотя сделал очень много — скульптуры всех вождей, которых пережил. Вот только вырубал он их из одного и того же камня, и с каждым разом скульптура получалась все меньше и меньше. И каждый раз, когда работа заканчивалась, вождь уходил из жизни, реже — терял свою власть.

Вот и сейчас на углу стола стояла небольшая каменная голова предпоследнего Вождя — все, что осталось от некогда огромного монолита. Петр Петрович закончил эту скульптуру перед самым своим столетним юбилеем.

«Как только я закончил, Вождь ушел на покой,— вспоминал он.— Если бы знали они все об этом, не пытались бы тогда увековечить себя в этом камне».

И вдруг мелькнула странная догадка: а что если это тот самый метеорит, который упал в Сибири — в далеком девятьсот восьмом году? Почему-то раньше об этом не думалось.

Лицо скульптора помрачнело: он вспомнил о мраморе. О великолепном мраморе из Италии, из Пьетросанты — откуда сам Микеланджело брал камень для своих скульптур.

Так и остался стоять в углу опустевшего зала этот прекрасный мраморный блок, как символ несбывшихся надежд.

В дверь постучали. Петр Петрович медленно поднялся из-за стола и пошел открывать.

С улицы вошли два молодых человека в одинаковых черных плащах и черных шляпах. Один из них держал в руке раскрытый зонт.

«Почти как тогда»,— мелькнуло в голове у Петра Петровича.

Люди молча прошли по коридору и вошли в кабинет.

— Чем обязан? — спросил Петр Петрович, входя следом. Пришедшие к тому времени успели уже расположиться. Один поставил раскрытый зонт в углу и стоял у книжных полок, разглядывая статуэтку обнаженной женщины. Другой похозяйски устроился за столом, положив шляпу рядом со скульптурой. Над его головой на потолке расплывалось темное пятно и зрела большая дождевая капля.

— Мы хотим сделать заказ,— сказал тот, что сидел за столом.

— Наверное, хотите получить бюст вождя? — с некоторым сарказмом спросил Петр Петрович.

Капля сорвалась с потолка и упала на стол.

— Ну почему же сразу вождя? — снисходительно улыбнулся молодой человек. Он механически провел рукой по столешнице и, посмотрев на ладонь, dokonчил фразу.— Руководителя страны.

— Понятно,— кивнул головой, громко проговорил Петр Петрович.— Может быть, вы мне его приведете, чтобы я мог срисовать его портрет с натуры, так сказать!

— В этом нет необходимости,— вдруг отозвался человек у книжных полок и повернул к Скульптору свое круглое лицо.— Мы принесли вам комплект фотографий.

— Ага! — почти радостно воскликнул Петр Петрович.— Тогда, может быть, мне еще и деньги за работу заплатят?! Мне хотелось бы получить небольшой аванс.

Молодые люди переглянулись, и тот, что сидел за столом, произнес таким тоном, словно говорил с маленьким ребенком:

— Вам обязательно заплатят. После работы. А аванс... Вы ведь стоите на государственном довольствии — вот вам и аванс.

С этими словами он поднялся из-за стола. Другой молодой человек взял в руки зонт и направился к выходу.

— Ну, а материал вы мне тоже предоставите?! — не сдавался Петр Петрович.

— Материал? — несколько озадаченно переспросил молодой человек у стола. Он уже надел шляпу и теперь доставал из-за ворота плаща большой черный пакет — должно быть, с фотографиями.

— Да, материал! — едва проговорил Петр Петрович.— Из чего прикажете делать голову вашему руководителю?

— Не «вашему», а «нашему»,— назидательно поправил молодой человек с зонтом.

— Вот именно,— по-своему согласился Петр Петрович.— И тем не менее, я хочу, чтобы мне предоставили материал!

— Это ваша подпись? — вдруг резко спросил молодой человек с зонтом и поднес к с глазам Скульптора изрядно потрепанный лист бумаги.

— Моя,— сквозь зубы ответил Петр Петрович.

— Вот и работайте по этому монолиту,— толстый палец постучал по истертому документу.— Камень за вами числится, и вы за него несете материальную ответственность.

— Мне, между прочим, не заплатили еще за прошлый заказ.

— Вам заплатят... в свое время,— пакет с фотографиями выразительно лег на стол.— Мы не смеем вас больше задерживать!

Молодые люди ушли, громко обсуждая странности придворного скульптора.

Петр Петрович дождался, когда наступит тишина, сел за свой стол и вынул фотографии из пакета.

— Ну что ж, молодой человек, — пробормотал он. — Работы здесь немного; посмотрим, чем все это закончится.

Из ящика стола были извлечены резец и молоток, каменная голова заняла свое место в центре стола, и раздался первый звонкий удар.

— Раз-два-три, — привычно отсчитывал Петр Петрович Вершинин. — Раз-два-три-четыре.

Но вдруг что-то произошло. Казалось, большая черная птица мелькнула перед глазами и задела лицо своим крылом. Повеяло страшным холодом. Скульптор выронил резец и несколько минут сидел неподвижно, прижимая ладонь к груди.

— Не-ет! — пробормотал Вершинин, медленно покачивая головой из стороны в сторону, и провел рукой по глазам, словно снимая призрачную пелену. — Так не может дальше продолжаться!

Петр Петрович поднялся из-за стола во весь рост и выкрикнул в стену:

— Так не может дальше продолжаться! С меня хватит!!!

Тяжелый молоток обрушился на каменную фигурку. Брызнули осколки. Ото лба через лицо скульптуры побежали тонкие трещины.

— Хватит! Хватит!! Хватит!!! — выкрикивал Вершинин, нанося удар за ударом. Он остановился только тогда, когда каменная голова превратилась в кучку мелких темных обломков.

— Я еще успею, — пробормотал Петр Петрович, глядя на то, что он сделал. — Я должен успеть осуществить свою мечту.

Схватив резец, он бросился из кабинета. Дрожащей рукой он вложил ключ в замок и отпер дверь мастерской. Холодом повеяло в лицо.

Скульптор сорвал кусок холста и отбросил его в сторону. Прекрасный блок мрамора дождался своего часа. Вершинин приставил резец к белой искристой поверхности камня и нанес первый удар.

Он быстро втянулся в привычный рабочий ритм. Его руки действовали точно и решительно. Огромные куски лишнего мрамора отваливались из-под резца, падали на пол, разбиваясь на тысячи осколков, но это не пугало Скульптора, как раньше. После неподатливого черного камня мрамор показался ему мягче глины.

Он работал по наитию, без всяких эскизов; слишком долго зрел в душе

художника этот образ. Он вдруг погрузился в странное состояние — эйфорию от своей работы. Время потеряло для него всякий смысл. Он упивался своим счастьем.

И когда был нанесен последний удар, Вершинин отбросил в сторону инструменты и отошел подальше, чтобы взглянуть на плод трудов своих. Старый скульптор, весь покрытый белоснежной сверкающей пылью, смотрел на свое детище: новый Вождь стоял на пьедестале в полный рост, и тремив взгляд сквозь сотворившего его человека.

Лицо Скульптора искажилось от ужаса. Руки больше не служили Петру Петровичу Вершинину, они ему не принадлежали.

— Как же так?! — растерянно пробормотал он медленной, неверной походкой вышел вон из мастерской. Лицо его горело, как от пощечин.

— Как же так?! — бормотал он, шаркая по коридору. — Я же не хотел. Не хотел!

Он отворил дверь и вышел на улицу — по дождю.

— Этого не может быть! — еле слышно шептали немеющие губы.

Скульптор уходил прочь по мостовой, не обращая внимания на лужи и грязь.

Больше его никто не видел.

Художник Светлана Абакумова.

текст: Ирина Морозова
фото: Олег Новосёлов

В каждом уважающем себя городе есть местная достопримечательность.

Город Кунгур, что в Пермской области, до недавнего времени славился Кунгурской ледяной пещерой. До недавнего – потому что третий год в этом милом провинциальном городке проходит мероприятие всероссийского масштаба – фестиваль воздухоплателей. Мне повезло: я побывала на третьем фестивале «Небесная ярмарка Урала-2004», который проходил с 27 июня по 3 июля. Помимо обычных полетов впервые в истории воздухоплавания в небе над городом прошли командные соревнования «Воздушные баталии».

Я ехала за впечатлениями, их и получила: меня поджигали, тушили шампанским, и в итоге присвоили титул – графиня Липовая. Впрочем, обо всем по порядку.

В небе над Кунгуром

От Екатеринбурга до Кунгура 300 километров пути. На хорошей машине три часа «лету». Чтобы подняться в небо в утренние часы с шести до десяти утра (в дневное время из-за резкой смены теплого и холодного потоков летать на аэростатах опасно), прибыть на место надо было к пяти утра. Машина у нас, конечно, хорошая, но мы все равно опаздывали, на целых 15 минут. Как бы без нас не улетели! Не улетели. В общей суматохе сборов никто и не заметил, что мы опоздали.

– Мы из Екатеринбурга, журнал «Уральский следопыт», – важно представляюсь я, пытаюсь всех ошеломить своей значимостью. Ошеломить не получилось. Оказывается, до нас здесь уже побывали

журналисты из Перми, Екатеринбурга, близлежащих городов Лысьвы и Соликамска, и даже из Москвы: команда НТВ участвовала в баталиях на своем шаре. Несмотря на то, что мы были не первые, нас тоже ждали и были рады видеть.

– Вот ваш пилот, Саша Турицын. Полетите на аэростате «Ярмарка», воевать будете за армию желтых, – пристроил меня спортивный директор шоу Андрей Вертипрахов.

Если честно, мне все равно за кого воевать, лишь бы в небо подняться. И я – довольная и счастливая, что пока все получается, – усаживаюсь в машину вместе с пилотом Сашей, и мы отправляемся к месту старта на центральный стадион города.

ЗАВОДИЛА

У каждого проекта есть автор или, если хотите, заводила. Это тот человек, на энтузиазме которого все и держится. Именно заводила придумывает, убеждает, уговаривает, а порой и заставляет окружающих поверить в себя, а значит, и в свой проект. У фестиваля «Небесная ярмарка» тоже есть такой человек – Андрей Вертипрахов. Капитан военно-воздушных сил, списанный на землю по здоровью, вернувшись в родной город Кунгур, просто не смог жить спокойно. Очень скоро он стал директором Дома туризма. Так в его руки попал аэростат «Ярмарка», купленный бывшим мэром города для привлечения туристов. Конечно, небо манило к себе бывшего летчика, и Андрей стал летать на аэростате, прошел школу обучения в Москве, получил удостоверение пилота аэростата. Кстати, таких школ в стране всего две: в Москве и Великих Луках. Пилотов, которые прошли в них обучение – 80, из них летают всего 40 человек. Являясь действующим пилотом, Андрей решил поучаствовать в седьмом чемпионате России по воздухоплаванию в Великих Луках. Ему предрекали 19 место из 19, как новичку. Но он, удивив всех, в первый же день стал первым.

Несмотря на то, что по итогам соревновательной недели он опустился на 10 место, хороших впечатлений домой привез массу. Тогда-то Андрей и решил, что такие соревнования можно проводить и в Кунгуре. Он убеждал, уговаривал, заставлял и три года назад организовал все-таки первую «Небесную ярмарку». Тогда в ней принимали участие всего 6 шаров, в основном, друзья Андрея. Но лиха беда начало, первый блин оказался настолько не комом, что весть о нем разнеслась далеко за пределы Пермской области. В этом году в фестивале принимали участие 10 аэростатов: три команды из Москвы, две из Казахстана, по одной из Ханты-Мансийска, Химков, Великих Лук и две кунгурские команды.

Здесь уже вовсю кипит работа. Кто-то проверяет вентилятор (им загоняют воздух в аэростат), кто-то – горелку на газе (она подает теплый воздух), а кто-то уже раскладывает шар во всю его длину и мощь – впечатляющее зрелище!

Наконец, все приготовления завершены. Огромных размеров шар игриво покачивается над землей, готовый в любую минуту сорваться и улететь. Маленькая корзиночка, в которой нам предстоит лететь, по сравнению с ним кажется игрушечной. Она то и дело подпрыгивает, пытаясь оторваться от земли. Но еще не время, и корзинку удерживает на земле импровизированный якорь – ЗИЛ 131, это же и машина сопровождения, к которой наше средство передвижения по небу пока прочно привязано канатом.

– Ну, кто летит – быстро в корзину! – Командует наш капитан Саша. И пять человек (все мужчины, кроме меня) дружно погружаются в короб размером 1,4 x 1,4 метра, в котором помимо нас разместились еще три баллона с газом. Ничего, в тесноте да не в обиде.

– Все готовы!?

– Готовы!!!

– Вперед!!!

Путы сброшены, мы свободны, и наш шарик взмывает в небо как вырвавшаяся из клетки птица.

ПОЛЕТ

Время старта – 7 утра. Надо мной облака, подо мной еще не совсем проснувшийся город. С высоты он кажется идеально чистым и аккуратным. Ровные, как нарисованные, улочки, расчерченные, как по линейке, огороды, и невообразимо пушистые и кудрявые деревья, словно из сказки.

– Вижу цель, иду на цель, – перебивает мои наблюдения Саша. Это он по радиации связался с машиной сопровождения, связь с которой должна поддерживаться постоянно. Ведь на этой машине нам еще обратно возвращаться после посадки. Но до этого еще далеко, и мы неумолимо приближаемся к цели. Вот она, я тоже ее вижу – белый квадратик с цифрой пять, где-то далеко под нами. Командир готов к бою, он сегодня и за пилота, и за штурмана, и за бомбардира – три в одном. Все остальные члены экипажа – гости, как и я. Вот мы совсем близко, Саша берет маркер*, раскачивает его на ветру и бросает в цель. Одна секунда, две, три... Ура! Мы попали! Прямо в пятерочку!

Кстати, в «кабине» нас пять человек. Летим со скоростью пять метров в секунду. Максимальная высота, на которую наш шар может подняться – пять тысяч метров. И, наконец, мы точно поразили цель номер пять. Так что пока мы круглые отличники, и в отличном настроении плывем дальше. Именно плывем, потому что наше плавное и, казалось бы, неторопливое скольжение над землей иначе назвать языком не поворачивается.

Высота сто метров, которую при желании можно регулировать, что мы и делаем, постепенно поднимаясь. А вот с направлением сложнее. Аэростат полностью во власти ве-

тра. Как ниточка с иголочкой – куда господин ветер, туда и мы. Но сегодня «Господин» к нам благоволит, и мы поражаем еще две цели.

– База, как слышно? Мы отбомбились. Курс – старый пермский тракт. Мы молодцы!

Мы действительно молодцы. Бой для нас закончен, можно расслабиться, и мы, не замеченные противником, благополучно покидаем пределы города. Направление юго-западное. Свесившись из корзины, я смотрю вниз, а мне совсем не страшно. Что это там внизу такое белое? Неужели ромашки?! Действительно, они самые, мои любимые полевые цветы. Я впервые вижу ромашки с высоты триста метров над землей! Красиво, незабываемо: леса, поля, туманный горизонт. И где-то там, в голубой дали, плывут еще четыре величественных, гордых собой шара. Как будто в такт моему настроению из радиации полилась музыка. Конечно, с помехами и треском, а все же приятно. Это постарались ребята с машины сопровождения. Специально для нашего пилота Саши они заказали песню на радио. И теперь все вместе мы ее слушаем и нам от этого очень здорово.

– Всем пригнуться! – Командует капитан. И мы устремляемся в верхушки деревьев: березы, ели. Вот они иголки, веточки. Я трогаю их руками и даже успеваю сорвать шишку.

– Еще раз пригнись! – И мы снова врезаемся в чащу лесную. Корзину болтает из стороны в сторону, как на качелях, импровизированный пол уходит из под ног. Того и гляди вывалишься. Цепляясь за ветви могучих деревьев, аэростат притормаживает, чтобы благополучно приземлиться.

Еще минута, две – и наша корзина плавно касается земли. Пару раз подпрыгивает, как детский мячик... Все, полет окончен, все живы, никто не выпал и наши ноги снова встают на твердую почву.

* маркер – красная ленточка длиной около метра, шириной 10 сантиметров, на один конец которой пришит мешочек с песком.

НОУ-ХАУ

Новшество последнего фестиваля «Небесная ярмарка Урала» в том, что впервые в мире победители соревнования определялись не в личном первенстве, а в командном зачете.

Это ноу-хау – тоже заслуга Андрея Вертипрахова. «Я всю ночь не спал, – в шутку говорит он, – и придумал первую мировую воздушную войну».

Все 10 экипажей поделили на две армии: «Синяя птица», главнокомандующий Антон Морев (граф Кунгурский), воевала под синим флагом, а «Армия Ермака», главнокомандующий – Валерий Шуленко (граф Питерский), – под желтым флагом. Воюющие армии захватывали мосты, заводы, банки, поражали цели и аэростаты противника. Преследовали адмирала, роль которого взяла на себя команда НТВ, а на центральной площади города каждый вечер проходило торжественное награждение отличившихся пилотов.

Выстрел из пушки известил о начале церемонии, и все 10 храбрых пилотов (9 графов и одна графиня) выстроились на сцене для получения настоящих медалей: золотых, серебряных, бронзовых. Публика в восторге, пилоты в предвкушении, ведь после награждения им снова предстоит боевой вылет.

С земли тоже интересно наблюдать за полетами аэростатов: один уже далеко, другой поближе, еще один прямо над нами, а последний чуть задержался на старте, но уже готов сорваться и улететь. Вот и все, все шары, превратившись в маленькие шарики, скрылись за горизонтом, значит и нам пора домой. Отдыхать, набираться сил для следующего приключения. Ведь никогда не знаешь, что ждет тебя за поворотом. Надеюсь, приятный сюрприз.

ПОСВЯЩЕНИЕ

О том, что новичкам в первый полет надо брать с собой бутылку шампанского, меня предупредили заранее, а вот зачем... Сказали – узнаю позже. Время пришло.

Итак, наш шар аккуратно сложен и упакован в чехол, и нам, новичкам, предлагают поудобнее на него усесться. Что мы и делаем, с некоторой опаской, конечно, а вдруг подвох.

– По старой доброй традиции в воздухоплаватели посвящаются, – торжественно объявляет наш капитан, и показывает на нас. – Но сначала предыстория. В 1763 году братья Мангольфье собрали аэростат и взяли в полет Людовика XVI. Зрелище, увиденное королем с высоты птичьего полета, очень ему понравилось. И находясь в небе, он сказал:

«Дарю вам титул графов и все земли, над которыми мы пролетаем». Когда аэростат приземлился, Людовик понял, что слишком много земли отдал. И тогда он добавил: «Эти земли ваши, когда вы над ними пролетаете».

После такого рассказа нас, действительно, посвящают. Воздухоплавание связано с огнем, поэтому каждому новичку подожгли локон волос, тут же потушив огонь шампанским. Полеты невозможны без мягкой посадки, и нам на голову надевают венки из травы. И пока мы сидим облитые, ошеломленные, с травой на голове, Саша Турицын провозглашает:

– Нарекаю тебя, Олег, – граф Гипсовый, тебя, Сергей, – граф Березовый, а тебя, Ирина, – графиня Липовая. В ваше вечное пользование отдаются все липы и березы, над которыми мы пролетали, а так же бывший гипсовый завод. В нашем полку прибыло. Гип-гип, ура! Гип-гип, ура! Ура-а-а-а!

Ну вот, сорок минут назад я была просто Ирина, а теперь – графиня. Хоть и Липовая, а все равно приятно.

Владимир ГОЛДИН

Новый обелиск «Европа-Азия»

На тысячи километров протянулся Урал с севера на юг. Сколько троп, лесных дорог пересекает его с запада на восток и обратно — сказать трудно. Но во сколько таких пересечений делают железные дороги и асфальтированные автотрассы, наверно, подсчитать не сложно. И на каждом или почти на каждом таком пересечении стоит обелиск, обозначающий условную границу Европы и Азии.

Автору этих строк посчастливилось пересекать эту невидимую грань Европы—Азии в разных местах —

от Приполярного до Южного Урала. В 2003 году появилось еще одно такое памятное место. В сентябре вошла в действие автострада на севере Урала, которая соединила города Горнозаводск и Качканар, Пермскую и Свердловскую области. Дорога там существовала давно, но была разбитой и неудобной (кстати, на перевале этой дороги нередко можно было увидеть снег и в июле месяце). Сейчас прямое широкое шоссе облегчило труд шоферов.

На месте условной границы континентов поставили памятник-монумент. Высотой он восемнадцать метров. Буквы, обозначающие континенты, впечатляющих размеров — 2,8 метра. А над ними символы: Европа — грифон, Азия — лев (архитектор А.Заюзаев). Обелиск возвышается над автострадой, возле него — смотровая площадка, удобный подъезд. Невольно притормозишь, невольно остановишься и будешь сожалеть, что нет под рукой фотоаппарата. Таких таежных знаков-символов на Урале много. У каждого из них своя биография и своя судьба. Иные живут недолго и в небрежении исчезают.

Хочется верить, что судьба этого пограничного обелиска будет счастливой. И его не украсят варварские надписи: «Здесь был...».

Редакция журнала «Уральский Следопыт» объявляет о проведении фотоконкурса

Рассматриваются работы, удовлетворяющие следующим требованиям:

1. соответствие следующим темам:

- * Урал — горная страна
- * Городской пейзаж
- * Мы — уральцы
- * Заповедные земли
- * На грани...
- * По следам предков

2. предоставление информации о снимках:

- * Условное название снимка, краткое пояснение
- * Дата съёмки (если известно)
- * Район, запечатлённый на снимке, если это важно
- * Объект (если известно)
- * Персонаж (если известно)

3. Информация об авторе

- * ФИО Автора, почтовый адрес, контактный телефон
- * Указать характеристики используемой фототехники и др. обеспечения

4. Формат снимка

не менее 300 x 200 мм (желательно приложить слайд или негатив) или файлы, записанные на CD-R, DVD в формате .jpg 3072 x 2048, tif 300dpi 200 x 300.

Итоги конкурса подводятся 1 раз в полугодие по каждой теме с публикацией снимков-победителей. Призы от спонсоров.

Присланные работы не рецензируются и не возвращаются. Редакция оставляет за собой право использовать снимки, предоставленные на конкурс для публикации. Часть фотографий, присланных на конкурс, размещаются на сайте photo.uralstalker.ru

Тактика и техника движения

В ПОХОДЕ

Построение группы

Проводники выбрали направление движения. И — в путь.

Построились цепочкой. Впереди цепочки два дежурных проводника и старший проводник, который будет контролировать их действия. Эта «тройка» будет двигаться чуть впереди группы (в пределах видимости). С ней сблизиться не надо, она может делать остановки для ориентирования. Замыкающим становится наиболее опытный и сильный участник, задача которого — не допустить разрыва группы. Он должен быть все время последним, а в случае необходимости (например, у кого-то оторвалась лямка рюкзака и ее нужно быстро отремонтировать) — остановить группу.

Чтобы нормально пройти маршрут, сохранить силы, мы должны продумать режим, организацию движения, распорядок дня.

Руководитель идет в любом месте цепочки. Но в группе должно быть заведено «железное» правило: при подходе к препятствию группа останавливается, руководитель осматривает (оценивает) препятствие и дает команду на обход или прохождение.

Организация движения

Самое удобное время для передвижения — первая половина дня, с 8 до 12 ч. В это время летом еще не жарко и не тяжело идти. До 16.00 группа отдыхает. С 16.00 до 19.00, когда жара уже спала, продолжает движение.

Примерный распорядок дня

Подъем дежурных — в 6 часов.

7.00—7.45. Общий подъем группы, зарядка, уборка территории, туалет.

7.45—9.00. Подготовка к выходу, завтрак.

9.00—12.00. Движение по маршруту. Экскурсии.

12.00—16.00. Большой обеденный перерыв, обеденный отдых.

16.00—18.00. Движение по маршруту, экскурсии.

18.00—20.00. Выбор и подготовка места ночлега, ужин.

20.00—22.30. Свободное время. Приведение в порядок походных записей. Уточнение плана на завтра. Песни у костра.

22.30—23.00. Вечерний туалет.

23.00. Отбой.

Режим движения

После выхода с места длительного привала (ночлег, обед) первый переход длится примерно 15—20 мин. Короткий привал необходим, чтобы участники проверили, все ли у них в порядке: обувь, подгонкой рюкзака.

Далее группа движется по 45 мин. Через каждые 45 минут движения устраивается 15-минутный привал.

Таким образом, в утренние часы вы сделаете переход, в вечерние — 2. Если у вас запланированы экскурсии, то ходовое время сократится.

Темп движения

В зависимости от условий местности и погоды надо проходить 3—3,5 км в переход (45 мин) из расчета 13—15 мин на километр.

Во время движения не надо петь, кричать, собирать цветы.

Интервал между идущими — примерно вытянутая рука, чтобы в случае внезапной остановки впереди идущего не врезаться носом в его рюкзак.

Направляющий — «номер один» в цепочке, идет своим спокойным равномерным шагом и должен выдерживать этот темп. Помните: первым идет самый слабый, маленький, у которого длина шага гораздо короче, чем у высокого.

Можно назначать специальных хронометристов. Они будут вести в своих блокнотах учет ходового времени и давать команды на привалы.

Ритмичность движения — это главное средство сохранения сил. На хорошей дороге она выражается в постоянной скорости, без рывков и остановок. На спусках скорость движения увеличивается, на подъемах — уменьшается. Изменять ритм следует плавно, постепенно набавляя скорость с началом ее перед концом перехода.

Шаг туриста должен быть спокойным, свободным, естественным, тело слегка наклонено вперед, чтобы уравновесить вес рюкзака. Руки должны быть свободны от ношения каких-либо предметов.

ов (все в рюкзаке). В руках может быть только пеньшток.

Преодоление естественных препятствий требует обилия сил группы, организованности, взаимопомощи.

Как уже было сказано, на преодоление препятствий группа выходит по команде руководителя. Здесь главное — продумать вопросы безопасности.

Первые, прошедшие препятствие, не продолжают движение, а ждут, когда вся группа пройдет препятствие. Взаимопомощь может осуществляться при помощи руки товарища, поддержки двух товарищей при высоком перелазе, путем протягивания альпенштока или веревки. Помните: вы не просто преодолеваете очередное препятствие (крутой спуск, крутой подъем и т. п.), это важные, очень важные воспитательные моменты. Не случайно один из законов туристов гласит: «Помоги товарищу — и тебе станет легче». Взаимопомощь может выражаться и в разгрузке (и в полном освобождении от груза заболевшего, ослабевшего) при подъеме по крутому мокрому склону и т. д.

Естественным препятствием на маршруте в плохую погоду могут оказаться и обыкновенная тропа с глинистым грунтом, и обыкновенная лесная дорога, где ставшие мокрыми и скользкими корни деревьев будут немалой опасностью на пути туристов.

Главный принцип безопасности в походе — соблюдение правил организации и проведения похода, дисциплина, организованность, взаимопомощь.

Ни из каких стратегических соображений не опускать деления, разрыва группы.

Движение

по сильно залесенной местности

По частому лесу, густому кустарнику группа двигается компактно, с интервалом, обеспечивая своим безопасность, но дающим возможность не потерять впереди идущего.

Каждый должен внимательно следить за впереди идущим, держать необходимую дистанцию, чтобы ветки деревьев не хлестали по лицу. Для защиты от веток и сучков лучше двигаться в штормовке. Хорошо надеть шапочку с большим плотным козырьком (она защитит глаза). Поваленные деревья осторожно перелезают или перелезают через них.

Необходимо помнить, что подгнившие деревья — скользкие и хрупкие (в них легко

можно провалиться). На таких участках следует особое внимание обратить на одежду и снаряжение — торчащие из карманов рюкзака колышки могут привести к травмам. Не должно быть ничего цепляющегося.

Преодоление водных преград

Для перехода через реку надо найти мост или кладь. Если кладь не имеет перил и неустойчива, то первым ее переходит кто-то из опытных туристов. Он проверяет переправу и организует страховку прохождения других участников с помощью руки или шеста или вспомогательной веревки.

Вброд можно переходить неглубокие и неширокие ручьи и речки, где уровень воды чуть выше щиколотки, причем переход осуществляется в обуви. После того как ручей пройден, из ботинок выливают воду, протирают тряпочкой, меняют стельки и надевают сухие носки.

Преодоление крутых склонов

Подъем в гору — молча. Ждать товарищей, помогать друг другу. На крутые склоны удобнее подниматься наискось. Если подъем затяжной — «серпантином»: то левым, то правым боком к склону.

При подъеме ногу рекомендуется ставить на всю подошву, а не на носок.

Движение по шоссе

Движения по шоссе следует избегать. Если же попадают такие участки, надо идти строгой цепочкой по обочине, лицом к движущемуся транспорту.

Движение по заболоченным участкам

Сильно заболоченные участки следует обходить. В случае острой необходимости их преодолевают по тропам после тщательных расспросов местных жителей. Обязательно берут с собой надежные длинные жерди для подстраховки.

в писатели

Земля наша держится трудами людей скромных, незаметных, в силу каких-то обстоятельств не получивших признания общественности. Таким человеком в начале XX века в Екатеринбурге (Свердловске) был Александр Иванович Шубин.

Александр Иванович родился в 1884 году в семье екатеринбургского мещанина. Отец, доверенный фирмы Губкина (чаеоторговец), получил домашнее образование вместе с племянником бездетного миллионера, владел свободно английским языком, писал масляными красками портреты родственников, имел обширную библиотеку. Дома бывал редко, а полжизни провел в Кяхте и Китае.

Мать увлекалась сценическим искусством: ставила домашние спектакли, делала декорации и шила костюмы, была активным членом екатеринбургского музыкального кружка, участвовала в постановке первых в Екатеринбурге опер – «Князя Игоря», «Русалки», «Роберта-дьявола».

Среда для развития молодого человека была самая подходящая и удивительная по разнообразию: со стороны отца – крестьяне, кузнецы, столяры, служащие; со стороны матери – художники, артисты, учителя, передовые люди коммерческого мира.

С детства жизнь Саши поделилась на городскую и деревенскую. Он часто жил у родственников в Бисертском и Невьянском заводах. «С детских лет – любовь к природе до самозабвения, писание «стишин», попытка к лесному бродяжничеству, к рыбалке», – писал А.Шубин. Обучаясь в реальном училище, юноша увлекался толстовством, стал посещать нелегальные кружки самообразования... и пошел в народ.

В 18 лет Александр порвал навсегда со своей средой. Ушел в ученики к помещику-толстовцу В.А. Соловьеву, специализировался по маслоделению и полеводству. Набравшись опыта, сам «сел на землю»: пахал, сеял, держал хозяйство. Женится на дочери бедняка.

В годы первой русской революции Александр Иванович распространяет литературу по деревням, пишет корреспонденции в газету. Участвует в созыве пятисотенного схода в деревне Буньковой для предъявления крестьянских требований: «Земля ничья»; пишет петицию в 1-ю Государственную Думу... Такая активная деятельность привлекла внимание жандармерии. Шубин подвергся очередному обыску, ему запрещают занимать должность сельского писаря.

В 1908 г. А.Шубин вынужден вернуться в Екатеринбург. Семья испытывает крайнюю нужду, пока только физический труд может принести доход. Александр работает в Екатеринбурге ломовым на своей

А.И. Шубин.

лошади, затем в железнодорожных мастерских, по му копает колодцы. Но где бы он ни трудился, везде собирает материал для своей будущей работы: пишет стихи, статьи и упорно стремится прорваться в печать. Его интересы окончательно сформировались, а цель определена – журналистика.

Покинув Екатеринбург, он в течение двух лет ботаает репортером и фельетонистом в тюменской газете «Вестник Западной Сибири», стремясь поскорее перейти к журналистскому ремеслу.

В 1913 году Александр Шубин – редактор ежедневной газеты «Зауральский край» в г.Екатеринбурге, 28 лет. В то время в городе выходило две ежедневные газеты, между ними всегда была жесткая конкуренция. С приходом Шубина в «Зауральский край» резко возросло количество литературно-поэтических публикаций и число авторов, сотрудничавших с газетой.

К моменту Февральской революции политические взгляды А.Шубина совпали с программой революции. В своих статьях в журнале «Уральское хозяйство», где Шубин работал в качестве редактора, он выступал против анархии, за Учредительное собрание, вскрыл причины гражданской войны: «Война внутри страны», – писал он 10 декабря 1917 года, – как известное началось благодаря желанию одной партии бытия власти». В статье «Великая годовщина», посвященной Февральской революции, Шубин писал: «Ядовитые вихри большевистской демагогии смяли все, твоимое революционным народом, скрылось то светлое, порождало единодушие, и страна наша залилась токами братской крови».

Конечно, подобные заявления не остались незамеченными партийными и чекистскими органами. Шубина уже в 1917 году арестовывают за политические ошибки, допущенные в журнале «Уральское

бе хозяйство». В 20-е годы его арестовывают четырежды.

Карьера журналиста-администратора сходит на нет, о литературная деятельность, напротив, широко развивается. Александр Иванович, даже будучи под арестом (1922), сумел организовать издание журнала «Порыв» — дома для заключенных (конечно, журнал выходил от редакцией заведующего учебно-воспитательной частью), где он опубликовал несколько статей.

Между арестами А.Шубин успевает съездить в составе североуральской экспедиции в район реки Оби (приток Оби), выступить составителем справочного сборника «Свердловск в кармане», много пишет публикуется в «Крестьянской газете», журналах «Колос», «Уральская новь», «Товарищ Терентий». Любовь к природе «до самозабвения» у Шубина раскрылась в журнале «Уральский охотник». Он, пожалуй, впервые на Урале поднял в прессе проблему охраны рек и озер края, писал статьи для любителей рыбной ловли.

Когда в Екатеринбурге возникла идея издать сборник «Дореволюционный фольклор на Урале», его составитель В.П.Бирюков пригласил к сотрудничеству Александра Ивановича Шубина, «как известного краеведа», и Шубин приносит ему варианты сказок фима Колпакова из села Шарташ, самоучки-минералога из Каслей Свиридова, ямщика Сысои Ивановича. Сказы публикуются только в примечаниях, но и то спасибо. Сохранились для истории.

Лебединой песней в творчестве А.И.Шубина явилась повесть «Зеленый товар», опубликованная накануне гибели писателя. Тема Малышевских изумрудов, единственного в России месторождения, не утихает в прессе до сегодняшнего дня. Проблемы собственности, добычи, переработки, хищения и сбыта изумрудов остро стоят и в XXI веке, а все это нашло отражение в повести «Зеленый товар». Так об изумрудах никто не писал ни до Шубина, ни после него. Жаль, что повесть «врага народа» не переиздавалась после первой ее публикации.

Обладая способностями редактора-организатора, журналиста и писателя, Александр Иванович был личностью незаурядной, и потому к нему всегда тя-

нулись творчески одаренные люди. И он всегда шел навстречу.

Николай Георгиевич Шушканов (1900-1937), выходец из крестьян Верхотурского уезда, активный селькор «Крестьянской газеты», впоследствии автор ряда книг и ответственный секретарь главной редакции «Истории фабрик и заводов» (в начале 1930-х годов), признавал, что «обязан своим выдвижением старому уральскому журналисту А.И.Шубину».

Поэты В.Молчанов, В.Макаров, выходцы из деревень Троицкого округа, увидели свои первые стихи на страницах «Крестьянской газеты» при поддержке Шубина, и они же получили первую публичную поддержку в критической статье «Узорщики слова», автором которой был все тот же А.Шубин. Перечень можно продолжить: поэт В.М.Шумской, писатель Шохин, художники И.Л.Вандышев, Сабуров, С.П.Коноплев...

Наступил 1937 год.

Последний раз Александра Ивановича подвергли обыску в 1935 году. Привычно-поднадзорный, Шубин был готов к визиту работников НКВД. Но на этот раз все было намного серьезней. Его арестовали 23 августа, а 21 сентября 1937 года человека, не признавшего за собой никакой вины, без доказательств расстреляли.

Вот одна из «стишин» Александра Ивановича Шубина.

Небо темно-синее... Ярких звезд мерцание...
Снегом убеленные горы и поля...
В ельнике, пихтовнике звука нет — молчание,
Спит моя родимая Мать сыра Земля...
И молчанье сонное редко нарушается,
Разве санный полоз визгнет где-нибудь
Или треск послышится — верно, лось скитается,
Может, ищет место — где-то отдохнуть...
...Небо темно-синее... Ярких звезд мерцание...
Снегом убеленные горы и поля...
С сердцем обручается елей, пихт молчание...
Спит моя родимая Мать сыра Земля.

«Уральское хозяйство», 1918, № 23.

Редакция газеты «Уральский край».
А.И. Шубин третий справа в ижнем ряду.

* * *

К кому меня приговорит весна?
К каким глазам без дна и без надежды?
Любовь уже не та, что были прежде,-
Счастливые, вне времени и сна.

Всё кажется: передо мной — стена.
А мы с тобой быть счастливы могли бы?..
В твоих глазах я бьюсь, как в сетке рыба.
Скажи мне: в этом наша ли вина?
Весна...

* * *

*Угрюмый город спал, неприбран...
Нина Ягодинцева*

По неприбранной комнате мрачного зимнего города
Мы шатались с тобой поутру, на дома натываясь.
Я подумал вчера о тебе: «ослепительно гордая»,
Но ты оказалась такая... совсем не такая...

Коммунальная кухня — Плотинка — предел суеты,
Парила, рыжела водой
из раскрытого настезь крана.
За витриной окна безнадежно-весенне орали коты,
Но мы наплевали на них.
Мы легли с тобой слишком рано.

Непрямая простынь твоей черно-серой весны,
Одеяло поверх — тоже серое мягкое небо...
Приходящие сны... Преходяще-ушедшие сны...
Ни любви, ни зрелищ. ни свежего круглого хлеба.

Нелюбви моей давней шестая, седьмая ли серия,
Ни к чему мне о прошлом твоём —
бессердечно — расспросы.
...Из сырой коммуналки угрюмого города серого
Ниприкаянность душ
нас неверно и молча выносит —
В осень...

* * *

Твой автобус. Пожатье руки, —
Это по-русски...
Мягкость губ. Шелковистость щеки...
На закуску...
Нам не надо ни жестов, ни слов,
Ни звука.
Я не знаю, на сколько стихов —
Разлука.
И на сколько мы жизней вперед
Одиноки?
...Если время на время замрет,
Выйдут сроки,
Как река, пересохнет жизнь,
Стихнет пламя —
Просто молча к виску прикоснись
Губами...

Случайная Муза

Владимир Мишину

Похмельное «Еще!..»,
Нетрезвое «Уже...»,
Сухая бледность щек
И губы в неглиже.
Он лишний... и хмельной
В коллекции твоей,-
Усталый и больной
Барачный соловей.
Неверен сердца стук...
Но как ему, скажи,
На скользком льду разлук
Не растерять души?
Предчувствие строки,
Несмятая постель...
Ночные городки
И неба акварель.

* * *

*Если бы тебя ничего не держ
ни семья, ни работа, ты, навер
был бы путешественни*

Нет, родная, я не пилигрим;
Я свое отбрел, отбрел, —
Мы ведь только в юности горим...
...Я сегодня именем твоим,
Память, на ночь глядя, бредил.

Было время: бродни — на носки,
Было дело: бродни — о любви...
Больно было от хмельной тоски,
И сбегал от гробовой доски
Я в тайгу — попробуй излови!

Я сбегал от невлюбленных глаз.
Я не знал, что мой побег — обман.
Вдалеке от сумасшедших трасс
От тебя меня спасал не Спас,
А трезвящий, как рассол, туман.

...Я вернулся. Но не стало проще.
Ты — напротив. И вино — в крови...
...Я совсем не знал тебя на ощупь.
...Я устал бежать от нелюбви.

* * *

Друзья уходят как по разнарядке.
Как в тире, их выщелкивает бог.
Пустеют стихотворные тетрадки...
Быть может, подвести пора итог.

И мне? На всякий случай... Незаметно.
 Ни слова — никому. И лишь к тебе
 Прорваться строчкой в сумасшедшем ветре —
 К единственной родной в моей судьбе.

Друзья уходят как по разнарядке...
 Я знаю: не исчезнешь. Не уйдешь.

...Останусь я строкой в твоей тетрадке,—
 Такой же неприкаянный, как дождь.

Дозволь тебя не полюбить —
 Красива слишком.
 Терзаться: «Быть или не быть?»—
 Оставь мальчишкам.

А мне такие игры — боль,
 Их мало ль было?
 Но каждого из нас с тобой
 Дорога била.

Мы под истошное: «Держись!»
 Идем по краю.
 И я пока еще, как в жизнь,
 В любовь играю.

Душа утонула в снегу. На бегу
 Зарылась в холодный, неверный.
 Но если скажу, что мне плохо — солгу.
 Да нет же! Я счастлив... наверное...

Мне просто чуть легче, когда ты со мной:
 Не помню, что в будущем — небыль.
 ...Но крылья твои за моею спиной
 Уносят меня в небо.

Февраль. И томик Пастернака.
 И вариация тоски,
 Как вариация строки.
 И черно-белая собака —
 Тремя штрихами — у ворот.
 Назад — ни шагу. И вперед...
 Чернил достать... Раскрасить синим...
 Шутом не стать. Казаться сильным,
 Смотреть, как снег лошадка месит...
 Шептать судьбе: «А ну, ударь!»
 ...А в небе черном — рыжий месяц,
 Как покосившийся фонарь.

(Не)случайное

Неспальных вагонов струится негромкая речь,
 Становятся прошлым, становятся сном полустанки.
 И надо ли памяти мелкие встречи беречь —
 Еще не решил. Это позже. А нынче — баранки,
 Несладкое лакомство детства. И сахар... и чай...

И та, что напротив... Огромные «карие вишни»
 И тонкие пальцы... И я подмигну: «Не скучай!»,
 Не предполагая, что я в этой встрече не лишний.

Быть может, на память я ей напишу пару строф,
 Черкну в уголочке блокнота: «Попутчице. Лично».
 «Не думай,— скажу,— не надейся,
 что это любовь...

Зачем я тебе?» И она улыбнется привычно.
 Ответит, что в жизни вчерашней мы были,
 мы жили, и пульс —

Один на двоих, и одна на двоих сигарета...

«Но путь этот чертов — неверный,
 немыслимый путь!—

Опять разлучил»,— сообщит мне она по секрету.

Я выйду в рассвет и, наверное, я оглянусь,
 Меж пальцев дрожащих устало сомну сигарету.
 Я знаю, что в этот вагон я уже
 никогда не вернусь,—

Он в прошлом, как вся предыдущая жизнь,
 и не стоит об этом.

И знаю до боли, что если судьба — под откос,—
 Всплывут, задыхаясь, как без кислорода подлодка,
 Бельё полустанков случайных,
 и терпкость волос...

...Круги под глазами. Неприбранный стол.
 Недопитая водка...

Не надо мне сумерек зимних,
 Весною — осеннюю грусть...
 По капле я пью твое имя,
 Всё пью и никак не напьюсь.

Я пью твое имя по капле —
 Целебный апрельский настой.
 Пытаю себя: не ослаб ли?
 Неужто пора на постой?..

Постой... Может, просто с другими
 Себя разметать по траве?
 ...По капле я пью твое имя.
 Остались последние две...

Сбегаешь ты в город — большой, суетливый,
 Неверный.

— Родная, ты думаешь, будешь счастливой?

— Наверное...

— Ты думаешь, легче в купеческом, древнем?

— Бензинном...

— А может, махнем на безлюдье, в деревню?

— В предзимье?

Да я ж там с тоски...

(...Сероглазая девочка-вичка

В купейном уюте. А мне — сквозняки

Электрички.)

Но, может быть, я поднимусь над судьбою,

И всё — по другому:

Ты станешь русалкой, и я за тобою —

Как в омут...

Екатеринбургская операция

Минуло 85 лет после грандиозного сражения периода Гражданской войны на Урале. События стали историей, и ей предстоит взглянуть на них беспристрастно.

Это решающее сражение (5–20 июля 1919 г.) разворачивалось на всем пространстве Среднего Урала. Проведение операции было продиктовано сложившейся ситуацией на левом фланге Восточного фронта к июлю 1919 года.

Инициатива в сражениях на этом фронте с конца апреля и особенно с наступлением лета все прочнее удерживалась и закреплялась за красными, особенно с момента взятия ими Уфы. Одной из коренных причин неудач белых стала несогласованность действий командования их Западной и Сибирской отдельных армий — соответственно на центральном и северном участках фронта. А одна из причин — сепаратистское поведение командующего Сибирской армией генерал-лейтенанта Р.Гайды. В то время, когда Западная армия откатывалась к Уральскому хребту, он не хотел помочь ей и двинул часть войск на запад, на Глазов. Согласия на это он добился заверениями достичь стратегического успеха и обеспечить прорыв белых войск на Москву. Возник большой разрыв между этими соединениями, угрожающий тяжелыми последствиями.

В этой ситуации Ставка Верховного правителя России и Верховного главнокомандующего всеми сухопутными и морскими силами адмирала А.В. Колчака передает командование Западной армией генерал-лейтенанту М.К.Дитерихсу и подчиняет ему в оперативном отношении Сибирскую армию, как и Камскую речную боевую флотилию. 7 июля генерал Гайда вообще был отстранен от командования Сибирской армией (10-го сдал все дела). Дитерихс принял меры по усилению координации действий обеих армий, но они оказывались крайне затруднительными, ибо наступавшая на запад Сибирская армия под ударами красных откатывалась на восток.

Командование Восточного фронта красных, не прекращая активных действий на центральном участке фронта против Западной армии, силами 2-й и 3-й армий наносит новый удар по Сибирской армии. 1 июля белые вынуждены были оставить Пермь и Кунгур. А в первых числах июля 2-я (красная) армия успешно провела красноуфимскую операцию,

которая завершилась 4 июля взятием ею Красноуфимска. Со следующего дня начались боевые действия 2-й и 3-й армий в русле уже сравнительно длительной екатеринбургской операции.

Соотношение сил сражающихся сторон было ким: 2-я и 3-я армии насчитывали 40,3 тыс. штыков, 5,7 тыс. сабель, 226 орудий, 961 пулемет, а их противник — Сибирская армия — 34,1 тыс. штыков, 5,1 тыс. сабель при 154 орудиях, 538 пулеметах. Превосходство красных, особенно в огневой мощи, было весьма значительным. К тому же надо иметь в виду и то, что «бацилла разложения» в процессе неудач сильно влияла на снижение боевого духа белых войск, а успехи красных, наоборот, позитивно влияли на состояние их морального духа. Сыграли свою роль большевистское подполье и партизанское движение.

Екатеринбургская операция проводилась практически одновременно со златоустовской, закончив

Г.А. Вержбицкий

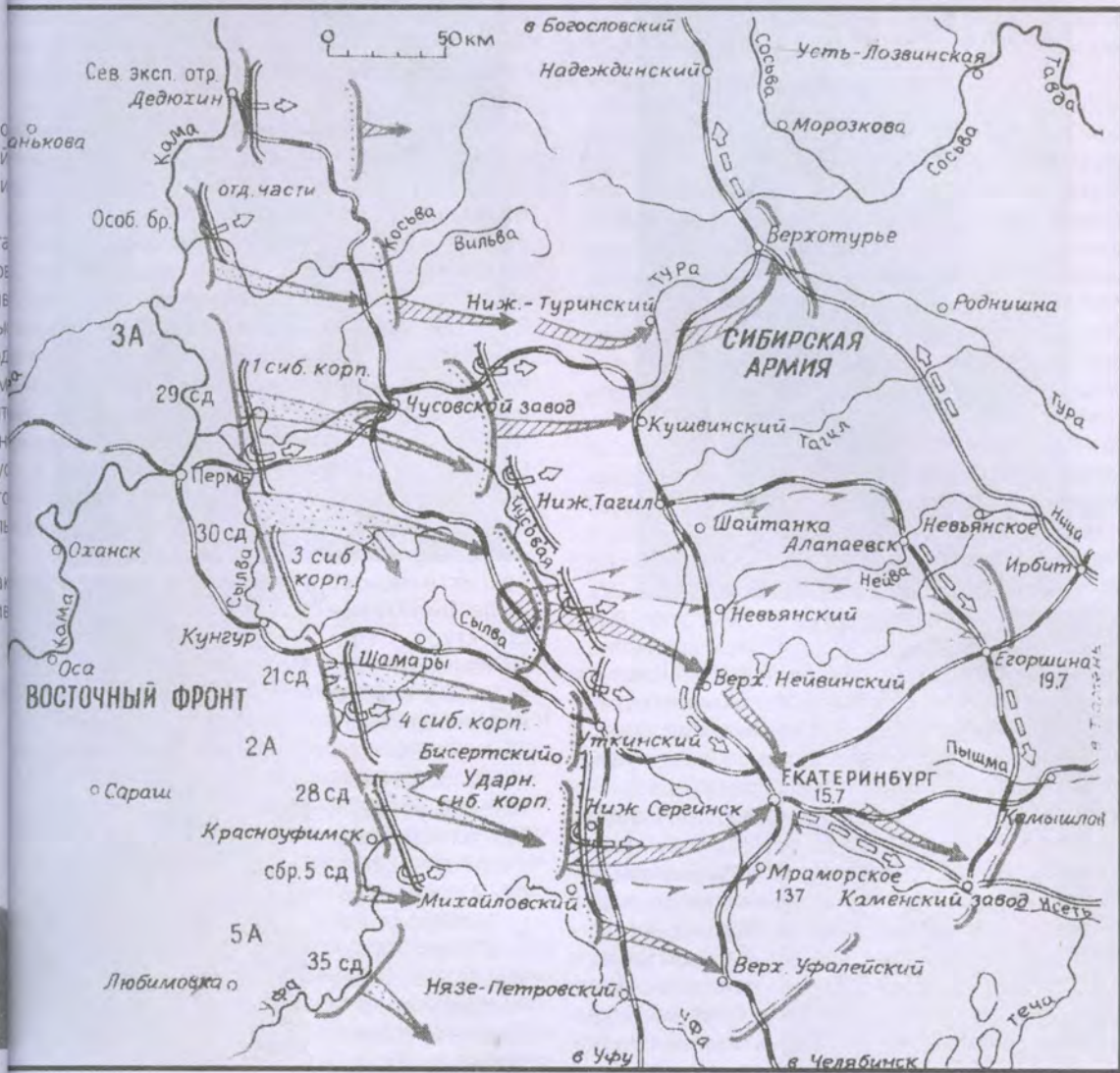

И.С. Смолин

шейся чуть раньше. И вначале важно было обеспечить успех наступления 5-й армии на район Златоуста и разгром уральской и уфимской групп противника в этом районе. 2-я армия должна была оказывать самое решительное содействие 5-й армии в выполнении этой главной задачи, повернув свой правый фланг в направлении на ст. Ункурда. Этот район должен был стать линией стыковки 5-й и 3-й армий. 3-й же армии предстояло «в кратчайший срок овладеть районом Лысьвенский — Калино — Чусовской». Фронт 2-й и 3-й армий заметно смещался юг, с центральным острием их действий — на Екатеринбург, а южным — в сторону Челябинска.

Следует подчеркнуть, что екатеринбургская операция развертывалась не только на подступах к центру Уральской области, но и на широком простр

Екатеринбургская операция 5-20 июля 1919 г.

Положение войск сторон к 5 июля

Направления ударов Советской Армии 5-10 июля

Положение войск сторон к 11 июля

Направления ударов советских войск и отход белогвардейских войск 11-20 июля

Положение советских войск к исходу 20 июля

Рейды кавалерийских групп Томина (3А) и 28 сд.

опе к северу и югу от него. Конечная задача отнюдь не сводилась только к взятию Екатеринбурга, а заключалась в уничтожении противника на пространстве всего Среднего Урала.

Какими были боевые составы сражающихся армий? К июлю Сибирская отдельная армия имела (с 25 апреля 1919 г.) две группы — «Северную» и «Южную» (командующие, соответственно, — генерал-лей-

В.М. Азин

тенанты А.Н.Пепеляев и Г.А.Вержбицкий). В Северную группу входили: 1-й Сибирский отдельный корпус (командир — генерал-майор Б.М.Зиневич), 8-й Камский армейский корпус, 27 июня фактически свернутый в 15-ю Воткинскую дивизию (командир — генерал-майор В.М.Панов, начдив — полковник Г.Н.Юрьев), и отдельные части. В Южную группу входили: 3-й Сибирский корпус (командир — генерал-майор И.С.Смолин), 4-й Сибирский армейский корпус (командир — генерал-лейтенант П.П.Гривин), Сводный Ударный корпус и отдельные части и подразделения. В тесном контакте с Южной группой Сибирской армии в июле некоторое время действовал с частью сил, в основном кавалерийских, командир 2-го Уфимского армейского кор-

Н.Д. Каширин

пуса Западной армии генерал-майор (в дальнейшем — генерал-лейтенант) С.Н.Войцеховский. Сибирская армия, ее корпуса имели по 2-3 стрелковых дивизии, отдельные бригады и части. В частности, в ее Южную группу входила Красноуфимская (Златоустовско-Красноуфимская) отдельная партизанская бригада (командир А.С.Рычагов).

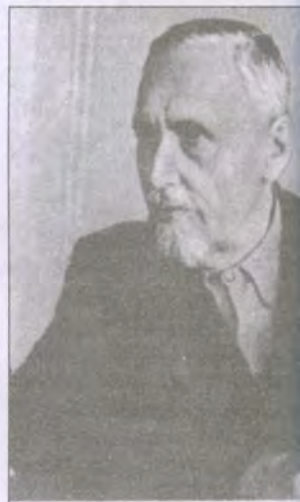
Чем же располагали красные? 2-я армия (командующий — В.И.Шорин) к рассматриваемому времени имела в своем составе 21-ю стрелковую дивизию (начальник — Г.И.Овчинников), 28-ю стрелковую дивизию (В.М.Азин) и 5-ю стрелковую дивизию (В.Ф.Карпов), отдельные части и подразделения. 2-я армия (начальник — С.А.Меженинов) состояла из 29-й и 30-й стрелковых дивизий (В.Ф.Грушецкий, Н.Д.Каширин), формирующейся 51-й стрелковой дивизии, в состав которой вошел и Особый экспедиционный отряд С.В.Мрачковского, участвовавший в Екатеринбургском сражении (начальник — В.К.Блюм), Особой бригады (командир — М.В.Васильев) и отдельных подразделений.

Как видим, состав армий белых и красных отличался, но у тех и у других в основе была дивизионная структура. При этом дивизий у белых было больше, но они были малочисленней.

Наиболее ожесточенными были бои на непосредственных подступах к Екатеринбургу. Взять город должна была 2-я армия. С севера ее поддерживали и части 3-й, стремительно продвигавшиеся в юго-восточном направлении. 2-я армия, ее 28-я, 21-я Пермская и 5-я стрелковые дивизии нанесли удары по двум Сибирским и Сводному Ударному корпусам Южной группы Сибирской армии.

К 11 июля дивизии 2-й армии вышли на рубежи Михайловского, Бисертского заводов. Их попытке прорваться на подступы к Екатеринбургу не удалось. Здесь на укрепленных рубежах сопротивление белогвардейцев оказалось особенно упорным. Двухдневные кровопролитные бои на фланге Сибирского и Сводного Ударного корпуса. Усилия красной армии здесь и далее способствовали активизации партизан.

В районе Михайловского завода действовал партизанский отряд численностью до 300 человек под командованием И.П.Макарова. В июне 1919 года партизаны следили телефонно-телеграфные ст...

Г.И.Овчинников

Как это было

РЕКА ВРЕМЕНИ

В.К.Блюхер

между Михайловским и Нижнесергинским заводами, надолго лишив военное командование белых связи. При подходе к Михайловскому заводу частей 5-й дивизии они организовали крушение воинских эшелонов, в одно из них попал штаб конного соединения. После вступления в Михайловск Красной армии все молодые партизаны влились в ее ряды. Забегая вперед, скажем, что вскоре, при приближении к Сысертскому заводу, красным содействовал в успехе Новоипатовский партизанский отряд И.Е.Сумина.

Решающий успех сражению принес маневр 3-й бригады (командир — Крупенников) 28-й дивизии при поддержке частей 5-й дивизии. Горными проходами ее 250-й полк вышел к станции Мраморская и занял ее, перерезав железную дорогу между Екатеринбургом и Челябинском.

Успех сопутствовал и азинцам на северном участке укрепленной линии обороны белых — у Новоуткинска, где сопротивление противника также было сломлено. Частью сил Азин обеспечивал успех наступления по железнодорожной линии Кунгур — Екатеринбург. Белые не успевали отводить эшелоны с имуществом. Одно-

Я.Ю.Ренфельд

му из полков дивизии, продвигавшемуся вдоль этой железной дороги в районе Новоуткинского и Билимбаевского заводов, оказывал помощь партизанский отряд Ф.К.Дубинкина. Здесь удалось захватить 16 белогвардейских эшелонов с продовольствием, обмундированием и боеприпасами.

Возникла реальная возможность прорвать оборону противника западнее Екатеринбурга и вступить в город. В приказе начдива 28-й ставилась задача достичь этой цели 14 июля. Наступали по Московскому (Сибирскому) тракту — кратчайшим путем. Авангардную группу возглавил сам начдив Азин. Ее составляли полки 2-й бригады (командир И.П.Пурин). Головным был 247-й стрелковый полк Я.Ю.Ренфельда с кавалерийскими подразделениями. Под ударами азинцев с большими потерями, сопротивляясь, отступали Красноуфимская отдельная партизанская бригада полковника (в дальнейшем генерал-майора) А.С.Рычагова, 11-й Оренбургский казачий полк, части атамана Б.В.Аненкова. К исходу 14 июля группа азинцев ворвалась в город, заняла большую часть его, западную и центр. За этот подвиг 247-й полк был награжден орденом Красного Знамени. Тогда же был награжден и 250-й стрелковый полк, действовавший в тот момент на юго-западных подступах к городу.

В штурме города участвовали и подоспевшие бригады и полки 21-й дивизии. Ее авангардные силы наступали вдоль железнодорожной линии Кунгур — Екатеринбург. Дивизия Г.И. Овчинникова,

овладевая станциями и разъездами, стремилась предотвращать разрушение мостов и железнодорожного полотна. Бойцы и командиры Пермской дивизии, в частности, предотвратили уже подготовленный взрыв железнодорожного моста через Сылву у ст. Шамары. Главные силы дивизии, таким образом получили возможность переправиться на левый берег реки, укрепиться в районе станции и села Шамары и продолжить наступление в юго-восточном направлении.

14 июля авангардная 1-я бригада дивизии (командир — М.С. Гейц) прорвалась к железнодорожной станции Екатеринбург-II (Шарташ), завязала тяжелый бой с противником, преградившим путь в город бронепоездом и броневиками. Удалось овладеть и поселком Верх-Исетский завод, выйдя на за-

С.М.Меженинов

падную и юго-западную окраины Екатеринбург. Авангардным был 184-й стрелковый полк. Его красноармеец И.П. Ермаков вспоминал: «Взяли дер. Решеты, в темноте подошли к дер. Палкино. Колчаковцы отстреливались с ближайших возвышенностей. Под пулеметным и ружейным огнем перекинули артиллерию на другой берег реки Исети и в два часа ночи вышли к станции Сортировочная. Вот родной Верх-Исетский завод, вот Екатеринбург».

Итак, часть города с его центром были заняты. Из центра города, с почтамта, В.М. Азин сообщил об этом командарму В.И. Шорину. Но в некоторых частях города, в частности, в районе железнодорожной станции Екатеринбург-1 боевые действия велись еще и ночью. Полностью город был освобожден к утру.

Будучи не в состоянии отправить со станции Екатеринбург все эшелоны, в том числе с ранеными, белые подожгли сортировочную платформу и пакгауз. Пожар угрожал эшелонам, станции. Рабочие-железнодорожники рано утром потушили пожар и предотвратили бедствие. В городе и близ него было захвачено 3,5 тыс. пленных и большие трофеи. 15-го июля на Кафедральной площади Екатеринбурга при большом скоплении рабочей, беднейшей части населения состоялся парад войск. К его завершению подоспели головные подразделения 226-го стрелкового полка им. И.М. Малышева и 30-й дивизии. Остальные силы 2-й и 3-й армий на некоторое время сконцентрировались в Екатеринбурге и его районе. 2-я армия была расформирована. Несколько ее соединений были переданы в состав 3-й армии, остальные направлены на Южный фронт (туда же выехал и В.И. Шорин).

Красные взяли все североуральские города и заводы региона. В некоторых из них большевистские подпольные организации и группы организовали партизанские отряды, наносившие удары в тыл белых. Надеждинский завод, например, вообще был освобожден партизанами накануне выхода к нему красноармейской части. Там возник отряд из коммунистов, сочувствующих им рабочих, а также левых эсеров, которым командовал А.И. Никитин. Отряд не только захватил в Надеждинске власть, но и совершил рейд вдоль железной дороги до Новой Ляли, а затем, вернувшись на родной завод, встретил красноармейскую часть.

К 13 июля соединения 3-й армии вышли на рубеж реки Чусовой. Чтобы ускорить их продвижение, командование армии во главе с С.М.Межениновым сформировало конную группу из кавалерийских частей 30-й и 29-й дивизий под командованием Н.Д.Томина численностью почти в 3,5 тыс. человек, с двумя орудиями и 44 пулеметами. 14 июля группа вышла в прорыв, образовавшийся после разгрома 7-й Сибирской стрелковой дивизии 3-го Степного сибирского корпуса, в ста километрах восточнее Кунгура устремились в тыл противника. Одна ее колонна ринулась на Невьянск, а другая — на станцию Шайтанка. В течение трех дней красные конники прошли около 150 километров и вышли к горнозаводской железной дороге. Были взяты Верхне-Тагильский, Не-

вьянский, Висимо-Шайтанский и другие заводы. Упеху опять-таки содействовали повстанческо-партизанские отряды и подпольные группы. Партизаны, рабочие-повстанцы помогли красным взять Невьянск, Верх-Нейвинск, Реж, Усть-Утку и другие города и заводские поселки.

Группа Томина двинулась затем на Алапаевск. Егоршино, нанося удары в тыл отступавшим частям белых, и здесь в районе Алапаевска конной группой помог организованной в подполье отряд до 200 человек во главе с Г.Черепановым. В ожесточенном бою Томин разбил силы белых (в основном — ослабленные части упоминавшейся 7-й дивизии).

19 июня красные вышли на станцию Егоршино двинулись на Ирбит. И этот город был взят почти ходу — опять с помощью партизанского отряда ААГДова, который насчитывал до 350 человек. Затем были взяты Камышлов, Долматово, Кунгур. Здесь по приказу командования 3-й армии продвижение групп было остановлено.

После захвата участка железнодорожной линии южнее Екатеринбурга правофланговая 5-я дивизия (В.Ф.Карпова) 2-й армии также добивалась успеха. Она с боями продвигалась по северным пределам Челябинской области. Дивизии противостояли левые фланговые части Южной группы генерала Г.А.Вербицкого.

Наступление дивизии на Нижне-Уфалейский Верхне-Уфалейский заводы было также успешным. Полки красных продолжали продвигаться на Кунгур, занимая Касли, Тюбук, Кунашак, Нижнепетропавловское. В эти дни 43-й стрелковый полк 3-й бригады, которым командовал будущий Маршал Советского Союза В.И.Чуйков, в упорном бою 19 июля разбил группировку противника, которая встала на пути бригады в районе Кажакюля (так назван населенный пункт в документе). Было захвачено около тысячи пленных, 12 пулеметов. Полк Чуйкова был награжден почетным революционным красным знаменем.

За 15 дней екатеринбургской операции войска красных заняли весь Средний Урал и часть Южного Сибирская армия была обескровлена, оказалась в критическом состоянии. Колчаковское руководство было вынуждено провести срочную реорганизацию фронтового соединения. 22 июля Северная группа преобразуется в 1-ю Сибирскую, Южная — во 2-ю Сибирскую, а Западная — в 3-ю Сибирскую армию. Командующими ими были назначены, соответственно, генерал-лейтенант А.Н.Пепеляев, генерал-лейтенант Н.А.Лохвицкий и генерал-майор (впоследствии также генерал-лейтенант) К.В.Сахаров. Перестроена была система управления армиями. В эти дни Ставка урезается, непосредственное руководство армиями возлагается на главнокомандующего чуть раньше Восточного фронта и его штаб. С 14 июля главнокомандующим был назначен генерал-лейтенант М.К.Дитерихс (одновременно — начальник штаба главнокомандующего А.В.Колчака). Белые начали интенсивную работу по пополнению армий и повышению их боевого состояния.

Предстояло грандиозное челябинское сражение

КТО НЕ ВЕРИЛ в дурные пророчества

Часть вторая
Попавшие куда надо
(2001 год)

*...Что сказать, чего боюсь
(А сновиденья - тянутся)?
Да того, что я проснусь -
А они останутся!..*

В.Высоцкий. «Мои похорона»

1

Заместитель начальника Управления ФСБ по Свердловской области полковник Лисицын собрался домой. Когда он, встав из-за стола, протянул руку к выключателю настольной лампы, зазвонил телефон.

(Полковник не любил верхнее освещение. Задерживаясь на службе, как раз в этот раз, часов до девяти или десяти, он предпочитал работать при свете настольной лампы.)

То, что полковнику сообщили по телефону, заставило его снова сесть за стол. Он посидел, потер пальцами виски, потом набрал номер научно-технического отдела управления.

— Научно-технический отдел, майор Шевченко, — ответила трубка.

Майора Шевченко Лисицын немного знал, приходилось работать вместе, и даже вспомнил имя и отчество.

— Валентин Григорьевич, добрый вечер! Лисицын. Дежуришь или домой собираешься?

— Домой, товарищ полковник.

— Вынужден тебя задержать. Позвони домой, предупреди и выходи во двор к машине. Съездим в Кольцово.

— Что случилось?

— В машине объясню.

Через четыре минуты они встретились во внутреннем дворе УФСБ, сели на заднее сидение стоящего перед воротами джипа, ворота открылись, и машина выкатилась на улицу.

С виду это был обычный «Чероки», на каких лю-

бят ездить «новые русские» и новые отцы нации (если не всей ее, то по крайней мере в отдельно взятом регионе). На самом деле машина была изготовлена по специальному заказу, оборудована самыми совершенными средствами связи, а люк на крыше служил не для вентиляции (зачем она при наличии кондиционера?), а для спутниковой антенны. Установленный внутри компьютер мог подключаться по радиоканалу как к Интернету, так и к внутренней сети УФСБ. Двигатель у «Чероки» и так не хилый, но у этого лошадиных сил было побольше, чем в моторе истребителя, на котором полковник Кожедуб в мае сорок пятого догнал и сбил реактивный «Мессершмитт». Передние сидения отделялись от задних перегородкой со стеклом, которое, впрочем, полковник Лисицын никогда не закрывал: водители в УФСБ были проверенные.

Свернув на площадь 1905 года, джип пересек ее, потом один квартал по улице 8 Марта, поворот налево на улицу Малышева — и можно было лететь по ней до конца, до выезда на дорогу, которая тридцать лет назад связала город с аэропортом Кольцово. Тогда ее называли «Пять минут Америки».

Выдвинув через лючок на крыше мигалку и врубив сирену, водитель гнал по Екатеринбург под девяносто. Лисицын в это время объяснял майору ситуацию:

— Вкратце дело выглядит так: примерно в тридцати километрах западнее Кунгура на высоте четыре километра с мелочью внезапно появился самолет, летящий курсом 110 со скоростью около шестисот километров в час.

— Как так внезапно появился? — не поняв Лиси-

(Продолжение. Начало в №6, 2004).

цына, перебил Шевченко.— Виноват, товарищ полковник.

— А вот так! Не было его, а потом одновременно засеки четыре РЛС! Это было,— полковник посмотрел в записную книжку,— в двадцать один час тридцать четыре минуты... И без чинов, пожалуйста.

— Понял, Евгений Петрович.

— Диспетчерская служба сразу же начала его вызывать, через шесть минут он ответил. Теперь начинается интересное. Отвечает по-русски. Называет себя «Ем-12». Вероятно, это тип машины. Была в свое время такая манера в некоторых КБ: в испытательных полетах экипажам не давали специальных позывных, а использовали тип самолета. «Ем» — это Емшанов. Так он сказал. Видимо, фамилия главного конструктора.

— Не помню такой,— покачал головой Шевченко.

— А вот я, кажется, помню. Только вот когда это было?... Ну, теперь совсем интересное: он запросил у диспетчера свои координаты, текущее время и дату. Вплоть до года!

— Ну, дает!.. А самолет большой? — спросил майор.

— Большой. «Ту-154», «Ил-76» — примерно так. Только скорость маленькая. Около шестисот, я сказал.

— Действительно, интересно... И где он сейчас?

— Ведут в Кольцово. Наверное, уже на подходе. Я велел поддержать его в воздухе до нашего приезда, если горючего хватит. Приедем — будут сажать.

Записал зуммер радиотелефона. Полковник поднял трубку. Выслушав сообщение, он включил компьютер и сказал Шевченко:

— Сейчас его покажут. Сняли на видео в воздухе.

Полковник щелкнул клавишами и посмотрел на дисплей. Затем чуть повернул дисплей к майору, чтобы тот тоже мог увидеть. На экране был самолет, какого Шевченко не видел ни разу. Судя по пропорциям, чуть ли не довоенной постройки: крыльев с таким размахом уже давным-давно не делали. Шесть винтов располагались не в ряд, два ближайших к фюзеляжу винта заметно выдавались вверх. Большая площадь остекления, кабины с обзором назад, круглая башенка из какого-то похожего на оргстекло материала перед хвостовым оперением,— судя по всему, это был старинный бомбардировщик. Он поворачивался на экране (видимо, снимавшие облетели его кругом), и Шевченко заметил створки бомболюка и пулеметы.

— Что скажешь? — спросил Лисицын.

— Жил игуанодон весом восемьдесят тонн,— ответил майор, чуть улыбувшись.— И дружил он с птицею птеродактилицею.— И, повернувшись к полковнику, пояснил: — Детский стишок. Это я к тому, что он на птеродактиля похож.

— Видел когда-нибудь такое?

— Нет, Евгений Петрович.

— А я видел. Точно, он и есть. Этот еврей еще никак не хотел называть меня «гражданин младший лейтенант».

Сотрудники ОКБ Емшанова, осужденные за участие в шпионском заговоре с целью передачи самолета ДБР-1 США, были разбросаны по разным тюремным КБ (авиация, ракетостроение, ядерная физика, радиолокация) и в них работали до марта 1955 года, когда все они, включая Савушкина, были освобождены постановлением Военной коллегии Верховного Суда СССР. Версия о шпионском заговоре была признана недоказанной: Вяткин, главный свидетель, исчез, результаты экспертизы найденных на севере области останков подвергли сомнению, но перепроверить их было уже невозможно. Хотя обломки самолета не нашли, вероятность взрыва в воздухе не исключалась, а в США он так и не появился. Обвинения были сняты со всех, даже с Маркова и Завадского: неясно было, считать ли их вражескими агентами или жертвами катастрофы. После реабилитации кто-то вернулся в Новокаменск, кто-то уехал в другие места, кто-то остался работать в тех же конторах, уже вольными.

Судьба двух человек из ОКБ была иной. Во-первых, Юрий Михайлович Емшанов умер в октябре 1950 года, во время следствия. Сотрудники его, поняв, что от них требуется, быстро сознавались и давали нужные показания; он один упорствовал и от всего отказывался. Работавший с ним следователь не был сторонником широко распространенных тогда методов работы, поэтому Емшанова не били и даже не очень выматывали ночными допросами. Его просто прижимали все новыми и новыми показаниями его сотрудников, обвинявших лично Емшанова в руководстве заговором, пока одной октябрьской ночью его смерть не положила всему конец. Сердце.

И Исаак Яковлевич Шерхебель. Он не был освобожден в марте 1955 года и отсидел полностью свои тринадцать лет. Почему его тогда не освободили — кто его знает? Может, были какие-то зацепки в деле, не позволившие окончательно снять подозрения. Может, попался в Военной коллегии какой-нибудь сугубый антисемит. Шерхебель не был единственным евреем в ОКБ, но только у него имя, отчество и фамилия были такими вызывающе еврейскими. Есть и еще одна версия, совсем уж фантастическая.

Будто бы в тот день, когда было подписано постановление о реабилитации, в машбюро Военной коллегии пришел с утра некий молодой человек в чине лейтенанта, генеральский сын, устроенный в аппарат Верховного Суда по протекции.

Аппарат в те дни работал напряженно, реабилитации шли косяком, как когда-то приговоры, но с утра еще было относительное затишье. Отпечатанные накануне бумаги лежали на столе для готовой работы, а лейтенант выпендривался перед машинистками, демонстрируя им возможности жидкости для исправления опечаток, впоследствии известной в канцеляриях СССР под названием «Штрих». А тогда это был страшный дефицит, заграничная редкость.

Постановление со списком работников ОКБ Емшанова лежало сверху, и Шерхебель был в нем

¹ Радиолокационная станция.— Авт.

следним, потому что в бюро не было ни Яковлева, ни Юрьева, ни Щукина, ни какого-нибудь, на случай случая, Шульги.

— А сейчас мы уберем отсюда Шерхебеля, — сказал лейтенант, замазывая фамилию, — и впишем вместо него Шпунтубеля.

(Тем самым он показал, что отчасти знаком с ютницким инструментом.)

— Там нет никакого Шпунтубеля, — сказала машинистка, печатавшая постановление накануне.

— Ну и ладно. Значит, совсем уберем, — и он замазал имя и отчество.

— Что ты делаешь? — закричали машинистки. — испортил первый экземпляр!

— А, ерунда! Через три минуты высохнет, напечатаете снова прямо поверх этого.

В это время зазвонил телефон: лейтенанта искали и звали на свое место. Он ушел, а машинистки не решились печатать «поверх этого». Одна из них взяла новый лист и начала перепечатывать сликотом. В это время в машбюро вбежал взмыленный курьер, и как раз за этим постановлением. Ему разрешили посидеть и подождать, но он не сидел на месте, а спонялся по машбюро, пока не наткнулся на корреktированный «Штрихом» документ.

— Да вот же оно! — воскликнул курьер, схватил папки и убежал так быстро, что никто не успел его остановить.

Так и подписали постановление. Потом, когда обнаружилось, что в первом экземпляре Шерхебеля нет, а в остальных он есть, его убрали из копии простой карандашной резинкой: копирка хорошо стирается.

Как бы то ни было, Исаак Яковлевич отбыл свой срок, занимаясь в шарашке радиолокацией, там же защитил докторскую диссертацию, за одну из работок был включен в список на Государственную премию, затем вычеркнут из него, как недостойный (лион же!), и вышел на свободу осенью 1963 года. Узнал, что их шпионский заговор признан не имевшим места быть, и подал заявление на реабилитацию: тринадцать лет ему, конечно, никто не вернет, так хотя бы доброе имя.

Компетентные товарищи неторопливо рассматривали заявление, а пока Шерхебеля подключили к одной экспертизе. В апреле 1964 года в очередной раз активизировалась работа по так называемому «делу ДБР-1», и кому-то пришла в голову новая мысль: выяснить, для чего в действительности была предназначена аппаратура, установленная на самолете Завадским. В качестве эксперта привлекли Шерхебеля, как крупнейшего в стране специалиста по радиолокации.

Руководящую роль в экспертной комиссии играли представители КГБ. Шерхебель был (де-юре) бывший шпион, доверять ему было нельзя, и никак нельзя было давать ему эти материалы. Де-факто он видел неоднократно, ничего нового из них извлечь не мог, а шпионский заговор, в котором он участвовал, признан, пусть даже в другом документе, не

имевшим места в действительности. Из этого сложного положения вышли с присущим КГБ изяществом: документы Шерхебелю все-таки дали, а самому молодому члену комиссии — младшему лейтенанту Лисицыну Е.П. — поручили за ним присматривать.

При первом же разговоре у них случился небольшой, но неприятный конфликт. Когда Шерхебель назвал Лисицына «товарищ младший лейтенант», того передернуло от обращения «товарищ», произнесенного евреем, и он сказал:

— Гражданин младший лейтенант.

— Нет уж, мы не в лагере! — возмутился Шерхебель.

— Ну, Исаак Яковлевич, это не так трудно исправить.

Лисицын блефовал, «исправить» было достаточно трудно, но Шерхебель поблел. В конце концов они сошлись на том, что будут звать друг друга по имени-отчеству. Так и звали — при почти тридцати годах разницы.

Дальше младшему лейтенанту Лисицыну было неинтересно, ни в физике, ни в электронике он не разбирался, но один из последних разговоров хорошо запомнил.

— Я, конечно, не физик, а радиотехник, — говорил Шерхебель, — но на основе всего того, что знаю, берусь категорически утверждать: если установка изготовлена точно по этим чертежам, она не может быть предназначена для противодействия радиолокации. Или Завадский совершенно не разбирался в вопросе, что я исключаю.

— Для чего же она могла предназначаться? — спросил Лисицын.

— Из известных мне физических процессов — нет, ничего не приходит в голову. Какое-то чудовищное нагромождение... Хотя я, как уже говорил, не физик, могу чего-то не учесть.

— А если дать волю фантазии? — не отставал Лисицын.

— Фантазия — штука скользкая, — заметил Шерхебель. — Вы знаете, сейчас в разной фантастической литературе пишут про параллельные миры и тому подобные вещи. Так вот, если бы меня спросили, для чего предназначена эта установка, и предложили бы на выбор готовые ответы: для защиты от радиолокации или для перехода, скажем, в параллельный мир... Я бы, наверное, скорее выбрал параллельный мир.

Само собой разумеется, экспертиза закончилась ничем. В официальном заключении о параллельных мирах не было ни слова. Младший лейтенант Лисицын к тому времени насмотрелся схем и чертежей самолета, и все это ему до чертиков надоело.

Шел уже ноябрь 1964 года, и Шерхебель понимал, что вопрос о реабилитации сейчас не ко времени¹.

Он проработал еще двадцать лет в самых секретных организациях, занимавшихся радиолокацией и противодействием оной, и везде его, бывшего шпиона, без проблем принимали на работу

¹ В октябре 1964 года Н.С. Хрущев, инициатор реабилитации и разоблачения культа личности Сталина, был снят

и оформляли допуск к любым материалам. Дважды руководство представляло его к правительственным наградам за выполненные разработки; оба представления были отклонены из-за его шпионского прошлого. В 1990 году Шерхель снова подал заявление о реабилитации, с тем же результатом. В 1992 году он умер.

Посмертные реабилитации у нас случаются — когда есть кому ходить и добиваться. Детям и внукам Исаака Яковлевича делать это из Израиля и Канады не совсем сподручно. Де-юре Шерхель бывший шпион, виновный в передаче самолета ДБР-1 («ЕМ-12») в США. А поскольку разветвленный шпионский заговор, охватывавший все КБ, признан не существовавшим в природе, получается, что он сделал это в одиночку.

3

На освещенном пятачке у поста ГИБДД топтались лейтенант с волшебной палочкой и сержант с радаром. На конце палочки для усиления волшебства был прикреплен амулет — белый кружок с красным отражателем в середине.

Гаишники скучали. Стационарный пост, о котором знает весь город, а знак предупреждает за полкилометра, — это не засада в кустах. Здесь хорошо ловить дальнобойщиков, а с радаром делать нечего: кто ж станет так нахально нарушать? Даже те, кто спешит в аэропорт, сделают это позже, после поста. Да и у радара, к слову сказать, была вторую неделю просрочена поверка, и любой юридически грамотный водитель, читавший закон «О единстве измерений», без проблем оспорил бы этот штраф.

Внимание лейтенанта привлекли огни машины, шедшей со стороны Екатеринбурга: слишком уж быстро они приближались. Он обернулся к сержанту — оказалось, тот тоже заинтересовался машиной и уже навел радар.

— Сто сорок семь, — сказал сержант. Разрешенная скорость на этом участке была восемьдесят.

Лейтенант перехватил жезл, чтобы сигнал выглядел убедительнее, и шагнул к проезжей части. Он уже вытянул в сторону нарушителя жезл, когда тот включил мигалку и сирену и резко прибавил скорость. В свете прожектора они с сержантом увидели номер, и лейтенант понял, что чуть не совершил непростительную ошибку.

Это был хорошо известный им номер — из списка номеров, который каждый сотрудник ГИБДД обязан был знать наизусть. Они представления не имели, кому он принадлежит, и могли только догадываться об организации, стоящей за всем этим, но машины из списка не имели права останавливать ни при каких обстоятельствах. Даже если бы водитель при них начал гоняться за пешеходами по тротуарам и давить их.

Лейтенант шарахнулся назад и по немыслимой траектории увел жезл за спину. На желании вытянуться и приложить руку к козырьку он поймал себя уже тогда, когда машина, набирая скорость, пронеслась мимо. Сержант поднял ей вслед радар.

— Летают, заразы, — зло сплюнув, проворчал лейтенант.

— Зашкалило! — с восхищением сказал сержант, посмотрев на табло радара.

4

— ... Этот еврей все не хотел называть меня «гражданин младший лейтенант».

Лисицын снял трубку радиотелефона и вызвал диспетчерскую службу аэропорта.

— Выясните, на сколько у них хватит горячего, — сказал полковник и, дождавшись ответа, приказал: — Поводите кругами минут двадцать, а потом ведите в Новокаменск.

Потом сказал водителю:

— В Новокаменск, и как можно быстрее.

Водитель резко прибавил газ, включил мигалку и сирену. Машина промчалась мимо поста ГИБДД, где лейтенант-гаишник выплясывал какую-то чечетку на асфальте и одновременно чесал себе жезлом между лопаток.

— Евгений Петрович, зачем в Новокаменск? Там же закрытый объект, — сказал Шевченко.

— Вот и хорошо, — ответил Лисицын, — прошу обеспечить охрану. И шума меньше. Представляешь — сажать такое чудо в Кольцово? Там же толпа народа, наверняка иностранцы... Журналисты какие-нибудь набегут, как всегда. Зачем нам эта шумиха?

— А что за история — этот «ЕМ-12», и вообще?

— Это, Валентин, самое темное дело из всех, которые я видел, — помолчав, ответил Лисицын. Он обрисовал майору вкратце основные этапы «дела ДБР-1»: исчезновение самолета в 1950 году и экспертизу в 1964-м.

Майор молчал, рассказанное полковником действительно было необычным даже для него, физика, закончившего Новосибирский университет. Он спросил невпопад:

— Для чего у него два мотора такие огромные. Прямо башни какие-то.

— Винты подняты вверх, в этом месте подвешиваются крылатые ракеты. У него еще стойки шасси очень высокие, — ну, увидишь потом. А в этих, как ты сказал, башнях размещаются генераторы, которые питают противорадарную установку. Или не противорадарную... Видишь, сейчас еще темнее. Вообрази: ты на моем месте, тебе звонят из Среднеуральска и сообщают, что какой-то тип ходит по Исетскому озеру — по воде, аки посуху. Ну, и весь сопутствующий ассортимент: сияние и остальные чудеса... Что ты подумаешь насчет этого?

— Во всяком случае, не о втором пришествии.

— Ага, значит, в чудеса не веришь?

— Не верю, Евгений Петрович.

— А первый вопрос, который ты задашь себе какой будет?

— Ну... с помощью каких технических средств он это делает.

— Сразу видно, что ты технарь. А я опер, и перепрошу, о чем я себя спрошу, — почему весь этот балаган именно на Исетском озере, а не на городском

руду, например, где у него было бы гораздо больше рителей. Причем спрошу независимо от того, буду ли считать его жуликом или поверю в чудеса. У удотворцев, знаешь, тоже могут быть непонятные цели... Вот и сейчас я себя спрашиваю: почему они выбрали именно «Ем-12»? Учти, он не просто похож — он точная копия, я тогда на эти чертежи посмотрелся... Тот же самый или другой такой же? Тот был набит электроникой, а этот? Работает ли эта электроника, вот прямо сейчас? И для чего она работает? Одни вопросы, а ответов нет.

— «Они выбрали» — это кто?

— Кто его послал. Ведь вылетел же он откуда-то! Шевченко попытался представить, кто и с каким заданием мог послать этот самолет, ничего не придумал и спросил:

— А какова моя роль в этом деле?

— История темная, связана с техникой, может быть, еще и с физикой. Без вашего отдела, чую, не обойтись. Только у вас специалисты нужного профиля. Ты, например.

— Но ведь наш отдел не занимается расследованиями. У нас другие задачи.

— Знаю, — ответил Лисицын. — И тем не менее придется тебе к этому подключаться. Иначе не раскрутим. Поработаешь немного опером. А я тряхну тариной — следователем.

Лисицын помолчал и добавил:

— А раскрутим дело, майор, — быть тебе подполковником.

«А вам, Евгений Петрович, генералом», — подумал Шевченко.

Впереди показали огни Каменска-Уральского. Водитель притормозил и свернул направо, к Новокаменску.

5

Лучи прожекторов скрестились в воздухе на самолете и опускались вниз вместе с ним.

Изображение, увиденное майором Шевченко в машине на маленьком экране компьютера, не давало истинного представления о размерах самолета, нем он казался небольшим. Здесь — наоборот, огромным. Шевченко видел и «Ил-96», и «Боинги», от этот казался сейчас чуть ли не больше их всех.

— Монстр, — сказал майор вполголоса.

Двигатели работали совсем тихо. Монстр коснулся колесами полосы, побежал по ней; Шевченко ожидал, что сейчас двигатели заревут в полную силу и он начнет тормозить реверсом, но этого не произошло. Видимо, в то время, когда был создан тот самолет, реверс тяги еще не практиковался.

«Это когда ж его построили?» — подумал майор.

Самолет катился к дальнему концу полосы, постепенно замедляясь. Шевченко быстро прикинул решил, что ее длины хватит, чтобы затормозить и без реверса. В конце полосы ждал пикап со светящимся транспортом над кабиной:

ЗА МНОИ

FOLLOW ME

Пикап привел монстра на стоянку метрах в сорока от места, где остановился джип и где его ждали вышедшие из него офицеры. Звук моторов смолк, остался только свист постепенно замедляющихся винтов. Открылся люк, из него выпала алюминиевая лесенка, и по ней спустились двое. Больше никто изнутри не показывался.

— Двое, — сказал полковник. — Было трое, но одного они выкинули.

Майору на секунду стало не по себе, потом он вспомнил, что у выкинутого был парашют.

Они шли через поле от самолета, освещенные аэродромными прожекторами, один чуть впереди, другой на полшага сзади и правее, и выглядели в высшей степени нелепо в своих унтах, меховых куртках и теплых штанах в эту майскую ночь. И было видно, что тот, который шел сзади, несмотря на парашют и остальное, — немолодой и абсолютно штатский человек. Шедший впереди, несомненно, был военным летчиком.

Марков остановился за два шага от полковника, в котором он безошибочно признал главного из здесь присутствующих. Приставив ногу, он щегольским движением бросил правую руку к виску и открыл рот, чтобы рапортовать об успешном завершении испытания машины времени. И застыл с открытым ртом.

Фуражка полковника сразила его наповал, только что буквально не повалила.

В резком свете прожекторов цвет петлиц на плащах офицеров терялся, казался почти черным. И общевоинская эмблема с венком и звездочкой ничего не говорила пилоту, такие мог носить кто угодно. И кокарда на околыше фуражки была пусть незнакомая, но понятная, со звездой и дубовыми листьями вполне советского образца. А вот выше!...

На тулье фуражки, прямо над советской кокардой, широко раскинул крылья двуглавый орел с царскими коронами над головами, и точно такая же птица украшала собой фуражку майора. Марков, разинув рот, глядел на орла и не знал, должен ли он обратиться «товарищ полковник» или «господин полковник», и как вообще понимать это соседство звезды с орлом.

— Куда мы попали, Алексей Иванович? — чуть повернув голову вправо, спросил Марков хриплым шепотом, который услышал, казалось, весь аэродром.

Алексей Иванович не знал, что ответить. Еще в воздухе, когда он вел переговоры с землей, он заметил одну странность, о которой не решался сказать пилоту: все диспетчеры упорно называли Молотов Пермью, а Свердловск Екатеринбургом.

За профессора ответил полковник.

— Куда надо, — сказал он, криво улыбнувшись, и не столько даже от этих слов, сколько от интонации, с какой они были произнесены, профессору стало не по себе.

6

Полковник Лисицын сидел в своем кабинете, и на столе перед ним лежали листы распечатки допроса подозреваемых, выполненного с применением полиграфа — аппарата, более известного широкой публике под названием «детектор лжи». Слева

на листе — собственно распечатка вопроса: вопросы и короткие ответы. Вопросы ставились так, чтобы отвечать на них только «да» или «нет». Справа были цифры и значки, соответствующие сигналам в многочисленных каналах регистрации аппарата, еще правее — карандашные пометки и комментарии специалистов, расшифровывавших записи. На последних двух листах было напечатано заключение.

Лисицын перечитывал распечатку в четвертый раз, потому что заключение не укладывалось у него в голове. Если свести все мудреные психологические термины, коэффициенты и вероятности к компактно сформулированной сути, то эта суть выглядела так: подозреваемые либо действительно начали полет 13 января 1950 года и перенесли на 51 год вперед с помощью машины времени, либо, по крайней мере, искренне в это верят. Как и в то, что никто их не забрасывал на территорию Российской Федерации, никакого шпионского задания они не получали и вообще всего лишь спасаются от сталинских репрессий.

В другом заключении — психиатрической экспертизы — утверждалось, что оба подозреваемых психически здоровы, адекватно реагируют на окружающую действительность и не находятся в состоянии гипнотического транса.

Из всего этого следовало, что в середине двадцатого века какой-то малоизвестный физик, действуя в одиночку, создал машину времени, которую после этого никто в мире (!) за пятьдесят лет (!) не смог повторить. И обманул при этом мощнейшую государственную машину — СССР!!!

В последнее Лисицын не мог поверить никак. Он был скорее готов допустить, что наша разведка проморгала соответствующие разработки в США, и там создали биороботов, которых уличить с помощью детектора лжи невозможно. Роботы не лгут, они просто так запрограммированы, что в таком-то случае на такие-то вопросы надо отвечать таким вот образом.

Лисицын позвонил Шевченко.

— Валентин Григорьевич, зайти ко мне, обмозгуем, что у нас получается, — сказал он, когда майор взял трубку.

— Шевченко появился через несколько минут.

— Садись, — сказал полковник. — Сейчас распоряжусь насчет кофе.

Он распорядился и вернулся к бумагам.

— Итак, психология у меня здесь, — полковник похлопал ладонью по стопке бумаг на столе. — Что у материаловедов?

— Самое характерное — заклепки. Они дают именно время сборки самолета, а не возраст отдельных деталей. Срезали около сотни штук. Получается, что самолет собран максимум два года назад, — сказал Шевченко, открывая принесенную с собой шапку. — Но, что характерно, электроизоляционные и вообще неметаллические материалы — свойственные именно сороковым-пятидесятым годам: эбонит, бакелит, дельта-древесина...

— Ты скажи прямо: сорок девятый год постройки исключается?

— Не исключается, если допустить, что они перенесли во времени.

Лисицын поморщился.

— Что ты заладил: если допустить, если допустить? А ты не допускай!

— Можно и не допускать, но и отвергнуть совсем тоже нельзя. Их версия наилучшим образом объясняет все.

— Естественно! Они же старались, чтобы объясняла. А что ты скажешь о принципе причинности?

— Принцип причинности, Евгений Петрович, идея из философии. А философия, я считаю, — не наука.

— Однако!.. А что говорит твоя наука физика?

— Интересная гипотеза. Особенно насчет многомерного времени. И против расчетов не могу ничего сказать.

— Ты как это себе реально представляешь — многомерное время?

— А современная физика редко имеет дело с предметами, которые можно реально представить. Она больше строится на расчете, чем на представлении. И потом, Завадский говорит, что нет противоречия между путешествиями во времени и принципом причинности.

Адъютант принес кофе.

— И ты веришь его рассказам о начальном расположении частиц или о взрыве бумажки на станции Собакевичи? — спросил полковник, размешивая сахар в чашке.

— Взрыв в Собакевичих был, я запрашивал в архивах. Остальных деталей сейчас, конечно, не выяснить. Большинство материалов уничтожено еще в сорок девятом году, живых свидетелей не осталось... А вы видели заключение дактилоскопической экспертизы? — спросил Шевченко.

— Нет.

— Отпечатки всех пальцев Маркова были в картотеке. Соответствуют полностью. Отпечатки пальцев Завадского снимались уже после исчезновения самолета, с предметов в квартире, того аппарата в кухне. То есть стопроцентной гарантии, как в случае, когда пальцы снимают с человека непосредственно, нет. Но опять же все соответствует. Учтите, что и фотографии в личных делах полностью соответствуют.

— Вот фотографии-то как раз не должны соответствовать. Пятьдесят лет ведь прошло.

— Для нас пятьдесят лет. Для них — час.

— Опять ты... Черт знает что — эта твоя экспертиза! Как такое можно подделать? Ну, фотографии, но пальцы-то... — Полковник выгнул из вороха бумаг на столе заключение медиков. — Возраст пилота около тридцати пяти лет, профессора — около шестидесяти. По данным из личных дел, Завадский родился в 1893 году, Марков — в 1916-м. — Он достал калькулятор, начал считать, пробормотал: «А если сбросить пять-десять лет?» — снова нажал кнопки. Потом бросил калькулятор в ящик стола, обернулся к Шевченко и твердо, как Станиславский, сказал:

— Не верю! По собственному опыту скажу: чем лучше версия подозреваемых объясняет все на свете, тем скорее она — вранье.

— А какова ваша версия, Евгений Петрович?

— Какова моя версия? В какой-то стране, названия которой я пока не знаю, но догадываюсь, одобрили двух агентов, максимально похожих на Аркова и Завадского. Фотографии они как-то были — это не так сложно. Возможно, сделали и пластические операции для полного сходства. Медики проверяли их на этот предмет?

— Такой вопрос перед медиками не ставили, — ответил Шевченко.

— А надо было поставить... Они вылетели отку-то, нейтрализовали наши РЛС своей установкой, долетели до Кунгура, а там или она отказала, или в их задание входило ее выключить.

— Но ведь вы же знаете, что установка не для того.

— Откуда? Со слов Шерхебеля? Я теперь впол-допускаю, что и он врал. А если не врал — для чего она? Кто-нибудь знает? Для путешествий во времени? Опять же со слов этого так называемого профессора Завадского, верить которому у меня пока нет никаких оснований.

Шевченко помолчал, потом сказал:

— Есть способ проверить слова Завадского...

— Предложить ему продемонстрировать работу своей машины? Думаешь, я не предлагал? Юлит и выставляет условия в расчете на то, что окажутся нас неприемлемыми.

— Мне так не показалось.

— Ты знаешь, что он ответил, когда я предложил прогуляться в прошлое лет на пять-шесть? Забил, во-первых, что надо строить другую машину эта, видите ли, может только в будущее...

— Вполне возможно, — вставил Шевченко.

— ... И потребовал таких энергоресурсов — весь годовой бюджет управления уйдет на эту прогулку тебе?

— Мне он говорил примерно то же. А как насчет не-близкого броска в будущее? Скажем, на месяц-другой.

— Тоже не лучше. Момент выхода он берется разделить с точностью плюс-минус две недели, а момент выхода — вообще туман. Получается, что для этого эксперимента надо на месяц закрыть воздушное пространство, причем непонятно еще, на какой территории. Кто на это пойдет?

Шевченко молчал. Полковник поставил на поднос пустую чашку и неожиданно спросил:

— А что, Валентин Григорьевич, может, вколоть чего надо, они и расколются?

Шевченко внимательно посмотрел на полковника и неожиданно жестко ответил:

— Против этих методов, Евгений Петрович, я буду исторически возражать.

— Это почему же?

— Потому что после «чего надо» возможны неопределимые психические сдвиги у пациентов.

— Ну, съедут с катушек — кому они нужны? Разве только тем, кто их послал, — ты о них беспокоишься?

Шевченко посмотрел на полковника еще внимательнее, понял, что не стоит объяснять ему раз-

ницу между человеком и кроликом, и сказал совсем не то, что собирался:

— Нет. Я беспокоюсь об интересах своей страны. Если хотя бы на минуту допустить — а я допускаю, — что Завадский владеет технологией перемещения во времени, эта технология должна достаться нашей стране. Как это сделать, если он, как вы выразились, съедет с катушек, — я не представляю. Потому и буду возражать

— Ну и ладушки, — неожиданно покладисто сказал полковник. — Не будем им ничего колоть... Я тут прозондировал кое-какие возможности — скорее всего, нам дадут воздушное пространство для эксперимента.

Полковник замолчал, потом сказал негромко, как будто сам себе:

— Он думает, что у Конторы¹ не осталось влияния, — а вот тебе, накося!

Пальцы полковника шевельнулись, как будто он хотел сложить кукиш; но показывать его было некому, разве что майору.

— Как они там? — неожиданно спросил Лисицын. Шевченко пожал плечами:

— Живут. Читают. Телевизор смотрят. Сейчас их поселили вместе в одном из коттеджей.

— Разговоры прослушивают?

Шевченко поморщился. Заниматься прослушиванием разговоров, даже говорить на эту тему ему было противно. В студенческие годы он относился к Конторе со смесью не очень сильной нелюбви и очень сильной брезгливости. И в связанный с ней НИИ пошел потому лишь, что его соблазнили работой по созданию технических средств, предназначенных как раз для противодействия подслушиванию и подглядыванию. Потом его, конечно, привлекли и к разработке технических средств противоположного назначения, несмотря даже на сильное сопротивление; ну, Контора и не таких уламывала.

— Ничего интересного, так, все о текущих делах, — ответил Шевченко.

— Учти, Завадский — тот, а не этот — с помощью довольно простого аппарата нейтрализовал прослушивающую аппаратуру у себя в квартире.

— Этот нейтрализует без всякого аппарата — они просто выходят на улицу.

— Ну, это уже неважно... Значит, так, — подытожил полковник. — В течение двух ближайших дней я окончательно утрясу вопрос с экспериментом. Потом берем машину, едем в Новокаменск, обрабатываем этих. И я хочу, Валентин, чтобы ты съездил со мной. Посмотрим вместе на их реакцию.

7

Когда кассета кончилась и на экране появилась надпись, сообщающая, что фильм снят на пленке Шосткинского объединения «Свема», Марков нажал кнопку на пульте дистанционного управления, и телевизор переключился на какой-то сериал.

¹ Полковник имел в виду Контору Глубокого Бурения (сокращенно К.Г.Б.). — Авт.

— Ну, и как вам это все, Алексей Иванович? — спросил пилот.

Завадский молча показал пальцем на дверь. Они вышли на крыльцо, Марков достал пачку «Беломора», Завадский — «Явы». Марков щелкнул зажигалкой, они закурили.

Дом, на крыльце которого они стояли, одноэтажный, на две квартиры, был построен в начале семидесятых годов в числе целой улицы таких же, и коттеджами их называли по незнанию: никто тогда толком не представлял, что такое настоящий коттедж. Вода в них была только холодная, горячая — из газовой водогрейной колонки, душ — через два квартала в городской бане, остальные удобства — в глубине двора.

— Черт, никак не могу привыкнуть к куреву с фильмом. И «Беломор» у них какой-то не такой.

— «Как вам» — вы что имеете в виду, Володя? — спросил Завадский. — Этот фильм?

— Ну, и фильм, и вообще...

— Вообще — интересная эпоха. Кое-какие вещи я даже не мог себе представить... Что интереснее всего — так это названия, которые они дают таким небольшим музыкальным коллективам; они еще их называют группами. Взять хотя бы вот это: «Запрещенные барабанщики».

— А что такого?

— Ну, во-первых, там не только барабанщики. А во-вторых, какие же они запрещенные, если все их совершенно свободно слушают?

— Выпендриваются ребята...

— Или вот еще: «Мумий Тролль». Как вам?

— Тролль — это, кажется из сказок. То ли датских, то ли норвежских.

— А мумий — что такое? Мумия мужского пола?

— Алексей Иванович, я вообще-то имел в виду серьезные вещи!

— Вы знаете, если судить по передачам радио и телевидения, то это как раз наиболее значимое, что есть в этом обществе. Если же о том, что имели в виду вы... Лисицын нам не верит.

— Не верит, — подтвердил Марков. — А Шевченко, похоже, верит.

— К сожалению, Шевченко майор, а Лисицын — полковник. Наверное, зря я тогда не принял вашего предложения — махнуть на сто лет. В конце концов, бензина в баках осталось еще чертова уйма.

Профессор замолчал. Молчал и пилот, потом неожиданно спросил:

— Алексей Иванович, а вам не кажется, что вообще все это зря?

Профессор внимательно посмотрел на него и сказал:

— Я, похоже, понял, для чего майор дал нам посмотреть именно этот фильм — «Бегство мистера Мак-Кинли»

— Для чего?

— Чтобы внушить нам мысль, что не нужно было бегать в будущее, а надо было честно выполнять в

своем времени предназначенную нам роль: удерживать почву для исторического процесса.

— Ну, не надо так грубо, Алексей Иванович...

— Надо, Володя. Надо! Я, знаете, вижу свою роль несильно иначе, уж извините за нахальство. А удовольствием быть я не хочу.

— Алексей Иванович, пока мы там проскакивали год за минуту, здесь люди в космос летали! Вас меня тоже простите за нахальство, но и я, наверное, смог бы.

— Вот о космосе забудьте. Его вы не увидели бы ни при каких обстоятельствах.

— Почему?!

— Во-первых, возраст. Вспомните, сколько лет было тому же Гагарину или Титову в шестьдесят первом. И сколько было бы вам.

— Береговой летал аж в шестьдесят девятом. Он фронтовик, как и я.

— Во-вторых, нас бы посадили на следующий день после полета. Не сомневайтесь, сведения самые точные. Даже если бы вас выпустили году в пятьдесят четвертом — четыре года лагерей здоровья не прибавляют. А отбор по здоровью очень жесткий... Я уже не говорю о том, что такой эпизод не украшает биографию будущего космонавта, на которого смотрит весь мир... Но дело даже не в этом.

— А в чем?

— А в том, что вас бы не реабилитировали ни в пятьдесят четвертом, ни в пятьдесят пятом, ни позже. Вас бы вообще не реабилитировали. Вы же собирались отстреливаться. Вспомните — револьвер под подушкой. Если бы вы стали сопротивляться аресту, то мотали бы свои двадцать пять лет без всякой реабилитации. И вышли бы на свободу в семьдесят пятом, уже после совместного полета американцами...

Марков обескураженно молчал. О револьвере он забыл, «кольт» остался в далеком прошлом. Завадский продолжал, как гвозди вколачивал:

— Володя, в нашем отечестве, если вы невиновны и вас посадят по обычному обвинению, государство еще может вас простить. И выпустит на волю с неуклюжими извинениями. Но если вы даже будучи невиновным, станете сопротивляться аресту, а тем более с оружием, — вам этого не простят никогда.

8

— Я собрал вас, господа, чтобы сообщить вам пренеприятнейшее известие, — сказал Лисицын голосом городничего из «Ревизора». — Но прежде чем сообщить его вам, я хотел бы уточнить некоторые позиции. Вы, Алексей Иванович, — он обернулся к Завадскому, — утверждаете, что при перемещении на два месяца в будущее беретесь обеспечить точность выхода: во времени — плюс-минус две недели, а в пространстве о точности говорить вообще не приходится?

— Не совсем так, Евгений Петрович, — осторожно ответил профессор. — Я тут посчитал и пришел к вы

оду, что по времени можно ограничиться плюс-минус неделей. Что касается пространства, то при перемещении на такой срок точка выхода будет максимум в двадцати километрах от первоначального положения. Если для надежности взять двукратный запас — получается круг радиусом сорок километров.

Пилот посмотрел на профессора с удивлением: он не знал об этих расчетах. Но и полковник удивился не меньше. Профессор, вопреки его ожиданиям, похоже, шел навстречу следствию, облегчая условия эксперимента.

Полковник глянул

на Шевченко. Завадский это движение истолковал по-своему и поспешно добавил:

— Но это только на высотах до пяти километров! Выше воздушное пространство можно не закрывать, я ручаюсь!

— Очень хорошо,— сказал Лисицын, усилием воли заставив себя вернуться к намеченному плану разговора.— Я, со своей стороны, уполномочен сообщить вам, что разрешение на проведение след-

Художник Оксана Войтюк.

ственного эксперимента получено, даже без тех правок, которые сейчас внес уважаемый профессор и которые, будь они известны раньше, сильно упростили бы дело. — Он многозначительно посмотрел на Завадского. — Я бы хотел, чтобы вы, капитан, и вы, профессор, подготовили самолет и установку как можно быстрее.

Полковник внимательно смотрел на пилота и профессора, пытаясь понять их реакцию на сообщение. Первый явно обрадовался; но и второй, похоже, тоже был доволен. Если, конечно, это не было какой-нибудь чрезвычайно хитрой игрой.

— Два дня, товарищ полковник, — сказал Марков. — Но надо вот это, — он достал из кармана и протянул полковнику листок бумаги. Видно было, что листок уже давно лежит в кармане у пилота. Лисицын развернул бумажку, увидел сверху заголовок: «Необходимые материалы». Он пробежал глазами список, ожидая встретить какую-то экзотику, — нет, ничего особенного: авиационный бензин, смазки нескольких сортов, дистиллированная вода, спирт, аккумуляторная кислота с пометкой «может не понадобиться», ветошь...

— Все получите, — сказал полковник. — Вам, профессор, что-нибудь нужно?

— В списке у капитана Маркова учтено, — ответил Завадский.

Когда за пилотом и профессором закрылась дверь, полковник обернулся к майору Шевченко и сказал:

— Нет, ты только глянь, Валентин, какая выдержка! Я даже начинаю его немного уважать.

— Пилот, похоже, доволен, — ответил Шевченко.

— Пилот — святая простота, профессор ему мозги запудрил, а он верит. Завадский — вот кто у них главный! Интересно, как он теперь будет выкручиваться? Ведь понимает же, что все кончится пшиком...

— Он вас загипнотизирует, Евгений Петрович, — сказал Шевченко, старательно пряча улыбку, — и внушит, что два месяца прошло.

— Спасибо, предупредил. Об этой стороне я не думал, — ответил Лисицын совершенно серьезно, и Шевченко пожалел о своей шутке. Лисицын в это время обернулся к майору из оперчасти Новокаменска, за все время беседы не проронившему ни слова:

— Вас, Николай Фомич, я бы попросил проследить за этими. Им сейчас самое время дать деру.

— Проследим. Никуда они не денутся, Евгений Петрович.

— Кто из управления полетит во время эксперимента? — спросил Шевченко.

— Я прежде всего, — ответил Лисицын. — Валентин Григорьевич, проследи, чтобы срезанные заклепки были восстановлены.

9

В списке Маркова нашлась-таки экзотика — одну из смазок уже лет сорок как не выпускали.

Шевченко привлек к делу техника с аэродрома, тот посмотрел характеристики и предложил замену, с которой пилот неожиданно легко согласился. Других проблем не возникло, и утром первого июня все было готово к эксперименту.

Они шли через поле к самолету, освещенные ярким июньским солнцем, и выглядели в высшей степени нелепо в своих унтах и меховых куртках в этот летний, пусть и довольно прохладный, день; но кабина «Ем-12» не герметизировалась и не отапливалась, а на высоте четырех с лишним километров холодно даже летом.

Шли не строем, а как попало, кучками: пилот с профессором впереди, Лисицын старался держаться ближе к нам, а сзади на некотором расстоянии — старшина Федоров (бортмеханик) и старший сержант Гришин (стрелок-радист), два бойца невидимого фронта. За спиной у них висели короткоствольные автоматы. Полковник нес свой ПМ в руке и пистолет был на боевом взводе. Карман куртки оттягивала граната. Полковник сунул ее туда на самый крайний случай, причем даже сам не знал, на какой. Из-за этого он чувствовал себя неловко перед остальными, поэтому никому о гранате не сказал.

Перед самолетом все сгрудились, первым полез в люк Марков, за ним полковник, профессор, потом уже Федоров и Гришин. В самолете случилось маленькое столпотворение: Марков усадил Лисицына в кресло второго пилота, Завадский протиснулся мимо них в штурманскую кабину, а Федоров с Гришиным в это время топтались у люка, не зная, куда идти. Марков рассадил и их, все наконец заняли свои места, подключили разъемы шлемофонов к переговорному устройству и начали обычную проверку, подготовку к полету и запуск двигателей. Через пятнадцать минут все шесть винтов вращались, все шесть двигателей были прогреты, и Гришин запросил разрешения на вылет.

— Вылет разрешен, — услышал Лисицын в наушниках шлемофона. Он повернулся к Маркову и сказал:

— Я бы предостерег вас, Владимир Павлович, от необдуманных действий, — и покачал стволом пистолета.

— Я бы тоже вас от этого предостерег, товарищ полковник, — ответил Марков. — Фюзеляж — силовой элемент, лишние дырки в нем ни к чему. А если ненароком высадите стекла, в кабине будет неуютно, придется очки надевать. — Он похлопал рукой в перчатке по очкам, поднятым на лоб. Пока полковник придумывал достойный ответ, Марков добавил слова двигателям, и самолет тронулся с места.

Не следовало бы, конечно, так разговаривать капитану с полковником, тем более полковником ФСБ, но Маркову было уже до некоторой степени наплевать. Его нервировал снятый с предохранителя пистолет, а оттопыренный карман куртки полковника наводил на нехорошие мысли. О гранате, например.

Когда самолет набрал высоту четыре километра и лег на заданный курс, профессор сказал в переговорное устройство:

— Сейчас включаю генераторы, заряжаю емкости. Через десять-пятнадцать минут прыгнем в плен на два месяца. Для нас это примерно десять секунд. Я предупрежу.

Полковник внимательно следил за пилотом и профессором, постоянно переводя взгляд с одного на другого. Профессору, как он считал, пора уже объявить, что слова о перемещении во времени были шуткой и ничего не будет, но тот молчал, якобы полностью занятый якобы пультом управления своей якобы машины времени. Следовательно, у него была наготове пакость, но какая? Пилот, незаметный, как Чингачгук, вел самолет, он почти не двигался. Лисицыну оставалось только надеяться на свою реакцию и пистолет. Гришин и Федоров изредка обменивались фразами — Лисицын вышлал их в наушниках. Он не был уверен, сможет ли в случае необходимости обратиться к ним, или Завадский каким-то образом заблокирует ему связь; сам он на его месте, во всяком случае, непременно сделал бы это.

— Федоров! — на всякий случай позвал полковник. Тот немедленно ответил:

— Я!

— Гришин!

— Я!

— Проверка связи.

Ожидание становилось невыносимым, и полковник уже собирался потребовать от профессора открыть карты, но тот вдруг сказал:

— Готово! Отсчет начинаю с пяти, на ноль включаю машину времени, и прошу не пугаться. Через пять секунд выключу. Все меня слышали?

Экипаж вразнойбой ответил. Профессор начал:

— Пять... четыре...

Полковник мельком взглянул на Маркова — тот сосредоточенно смотрел на приборы, — затем на Завадского. Профессор спокойно сидел перед пультом, правая рука лежала на одном из тумблеров.

— ...три...

Марков включил освещение в кабине, но Лисицын этого не заметил.

— ...два...

«А ведь он так и будет сидеть и считать», — вдруг пришло в голову полковнику. — «А на ноль Марков меня чем-нибудь отоварит».

Он резко повернулся к пилоту. В этот момент развучало «Ноль», и на стекла кабины упала тьма; эта тьма была не такая, как ночная, которая имеет глубину, а в глубине видны звезды. Эта тьма расплзалась тонкой пленкой по стеклу, давила на него, пыталась влезть внутрь. Лисицыну казалось, что он видит, как гнутся стекла. Страшным усилием воли он сдержал в себе желание стрелять по стеклам из пистолета, а когда кончатся патроны, перезарядить снова стрелять.

В шлемофоне было слышно, как Гришин что-то

очень быстро бормочет — похоже, он молился. Федоров молчал, с места бортмеханика ему не было видно, что происходит снаружи.

— Приехали, — голос Завадского неожиданно раздался в шлемофоне, и тьма за стеклами исчезла. Самолет шел на северо-восток, и прямо по курсу из-за горизонта выглядывал край солнца.

— Утро, — сказал Завадский. Как будто другие этого сами не видели.

«Сколько же времени?» — подумал полковник. Он посмотрел на часы — тринадцать тридцать семь. Они вылетели в двенадцать пятьдесят четыре. — «Четыре, полпятого? Когда он успел? Или уже вечер, солнце садится?»

Он уставился в приборную доску перед собой. Ничего он не понимал в этой путанице, но ему повезло, он сразу наткнулся на компас. Самолет шел на северо-восток, навстречу восходу. Похоже, профессор его на самом деле загипнотизировал и продержал в трансе до утра.

«Но ведь бензина же не хватило бы! Ничего не понимаю».

Гришин уже не молился, только какие-то всхлипы доносились из наушников.

— Старший сержант Гришин! — полковник услышал в наушниках голос Маркова. Гришин ответил через полминуты, не меньше:

— Я!

— Запросите наши координаты, точное время и дату.

— Время и дату отставить, — поправил полковник. Он, как мог, оттягивал этот момент.

Когда Гришин назвал координаты, полковник приказал возвращаться на базу.

В это время Завадский, нанеся местоположение самолета на карту, нажал кнопку, отключающую его с Марковым от остальных членов экипажа, и быстро сказал:

— Володя, снос по горизонтали — всего около километра к югу. Как высота?

— Уменьшилась на триста пятьдесят метров.

— Отлично! Я, кажется, начинаю понимать... Все, подключаю полковника. — Завадский отпустил кнопку.

...Самолет снижался, на полковника надвигалась взлетно-посадочная полоса. Колеса коснулись бетона, мимо пронеслись поле, стоянки, диспетчерская, ограда и ворота, и полковник, повернув голову, мельком увидел, как по дороге от городка к аэродрому мчится «уазик».

Когда самолет зарулил на стоянку и Марков выключил двигатели, Лисицын нетерпеливо отстегнул ремни, но пилот сказал ему:

— Подождите, товарищ полковник, винты остаются.

Лисицын с места второго пилота видел винты левого крыла. Первый — самый дальний — уже остановился, второй еще медленно вращался, третий, ближайший к фюзеляжу, казалось, не остановился никогда.

Все-таки наступил момент, когда и этот винт едва крутился, и в это время до Лисицына откуда-то издадала донеслось:

— Товарищ полковник! На выход.

Он обернулся к Маркову — тот стоял уже без шлемофона, а из штурманской кабины поднимался профессор. Полковник поднялся с места и направился к люку. Пистолет он по-прежнему держал в руке.

Марков отодвинул крышку люка, просунул вниз лестницу и шагнул в сторону, пропуская полковника. Тот спустился на бетон. В сорока метрах стоял тот самый «уазик», рядом с ним люди, и к самолету быстро шел, почти бежал Шевченко. Полковник сделал несколько шагов ему навстречу и остановился, опустив пистолет.

— Евгений Петрович!.. — крикнул на ходу Шевченко.

— Время! — перебил его Лисицын. — Время и дата.

— Двадцать шестое июля, — Шевченко посмотрел на часы, — Шесть сорок. Местное. Мы вообще-то ждали чуть позднее, хорошо, что я здесь...

Лисицын обернулся к самолету. Экипаж уже стоял на бетоне: профессор с пилотом у люка, бойцы невидимого фронта чуть в стороне. Полковник встретился взглядом с профессором, и ему показалось, что он может читать мысли.

Ну, что, полковник, спрашивал его взгляд Завадского, убедились? Или двух месяцев недостаточно? О чем речь, поехали дальше! Хотите в 2050 год? Встретим там столетний юбилей этого «дела», будь оно неладно! Только сразу предупреждаю: обратно я вас не верну. И еще: без Володи не поеду. Только вместе. Он единственный близкий мне человек в этой стране заперченных барабанщиков и мумий мужского пола...

— Не верю, — сказал полковник, но прежний убежденности в голосе у него не было. Слышал бы его сейчас Станиславский, он бы ему ответил:

— А я не верю, что вы не верите, Евгений Петрович!

— Топливо слить, самолет на консервацию. Распорядитесь, Валентин Григорьевич, — сказал полковник. Обернулся к Маркову. — Капитан Марков, ключи от самолета сдать майору Шевченко, — и тяжело двинулся к машине, на ходу засовывая ПМ в кобуру. Граната в кармане колотила его по правому боку.

10

8 августа 2001 года в 16 часов 14 минут полковник Лисицын почувствовал, что устал, как собака. Начиная с 11 мая, он постоянно задерживался на службе, прихватывал и выходные — все из-за этого давно похороненного, а теперь неожиданно всплывшего «дела ДБР-1». А летом у него вообще не было ни одного выходного: сначала эксперимент съел сразу восемь недель, а потом — две недели бесплодных попыток найти хотя бы какое-то разумное

объяснение его результатам.

Все-таки прав был Шевченко, когда допускал, что Завадский владеет технологией перемещений во времени. Лисицын до упора отстаивал альтернативные версии, в конце концов из всех осталась одна — гипноз. Но показания других участников эксперимента, в том числе оставшихся на земле, записи РЛС и установленного на самолете без ведома профессора и пилота бортового самописца — все однозначно указывало на то, что самолет со всеми, кто летел в нем, перенесся во времени вперед на 55 суток без какой-то мелочи. Допустить, что Завадский охмурил всех и вся, в том числе не подверженные охмуру приборам, — значило признать за ним сверхчеловеческие возможности. К такому допущению полковник не был готов. Оставаясь на позициях материализма, ему легче было признать, что можно путешествовать во времени.

Все же Лисицын подверг себя тщательной проверке у психиатра.

— Может быть, что он меня гипнотизировал? Можно установить, было ли это раньше? — спрашивал Лисицын врача. Тот осторожно отвечал:

— Ни один специалист не скажет вам этого. Отдаленные последствия гипноза зависят как от способностей гипнотизера, так и от того, насколько внушенное объекту в состоянии транса противоречит его собственным установкам. Но я попытаюсь успокоить вас с другой стороны. Человека можно загипнотизировать, когда он, во-первых, сам этому не противится, а во-вторых, когда у него достаточно высока внушаемость. У вас, Евгений Петрович, она практически нулевая. У меня еще не было пациентов с такой низкой внушаемостью.

Теперь в деле лежало заключение, утверждающее, что пациент Лисицын Е.П., 1941 года рождения, полковник ФСБ, психически здоров, адекватно реагирует на окружающую действительность и не находится в состоянии гипнотического транса.

То, что профессор все время говорил правду, полковника не радовало, а наоборот, угнетало еще больше. Случались у него дела, когда подозреваемые оказывались невиновными и он со спокойной душой их отпускал. В таких случаях, достаточно редких в его практике, он даже слегка радовался за бывшего подозреваемого. В этом деле было совсем не так. Возможно, окажись Завадский на проверку шпионом, полковник стал бы к нему лучше относиться.

Во всяком случае, в этом самом темном деле из всех, которые когда-либо вел Лисицын, можно было поставить точку, поэтому в 16 часов 26 минут, поставив в известность начальника управления и позвонив домой, чтобы не теряли, полковник, попросту говоря, свалил со службы, намереваясь провести остаток этого и весь следующий день на даче возле Каменского Уральского, порывачить на Синаре!

¹ Река, протекающая по Челябинской, Свердловской и Курганской областям. — Авт.

Приехав на дачу, Лисицын пожевал привезенные из города бутерброды, попил чайку из термоса, побродил по саду, раздумывая, идти ли ему на реку сразу или отложить рыбалку на завтра. Потом плюнул на вечернюю рыбалку (утром нахватаем) и завалился спать.

Но утром навестать не удалось. Лисицын не продрал, и поначалу даже чуть-чуть клевало, мелочь, правда, а потом как отрезало. Погода не нравилась полковнику: жарко, душно, ветра нет, воздух влажный, во всем видно, что после обеда соберется гроза. Но же Лисицын просидел с удочкой чуть ли не до полудня, больше из упрямства, потом бросил это бесперспективное занятие и пошел на дачу. Пойманную мелочь отдал соседке — для кошки, — сам спойнано, не торопясь, приготовил обед, поел, а потом (от ведь гнусная привычка!) включил компьютер и стал в очередной раз просматривать материалы своего набившего оскомину дела, которое все не отскало полковника.

На юго-западе небо затягивало серо-фиолетовым, за окнами темнело, а полковник сидел перед экраном, правой рукой чуть-чуть двигал «мышку», перед ним пробегали едва ли не наизусть заученные строки тактико-технической характеристики «ЕМ-12»:

максимальный взлетный вес... бомбовая нагрузка... полная... размещаемая внутри фюзеляжа... на внешней подвеске... максимальная дальность полета с полной бомбовой нагрузкой... то же с бомбовой нагрузкой на внешней подвеске... максимальная скорость... дальность полета самолета-снаряда... вооружение... Промелькнувшая вдруг мысль поставила его быстро открутиться ТТХ назад, к дальностям полета. Полковник еще раз читал эти строки, уже осмысленно. Дальность полета с бомбовой нагрузкой на внешней подвеске — те самые самолеты-снаряды, древние крылатые ракеты — 24000 километров. Двенадцать тысяч туда и двенадцать обратно; вот и в примечании написано, что с этой нагрузкой самолет проходит половину указанного расстояния. Дальность полета самого самолета-снаряда — 3500 километров. Иного пятнадцать с половиной тысяч. А максимальное расстояние между точками двумя пунктами на Земле — около 20000 километров. Половина большой окружности.

Но ведь Советский Союз сам был более десяти тысяч с запада на восток и четырех с севера на юг! Спокойно, товарищ полковник, приказал сам себе Лисицын. Предположим, аэродром возле Владивостока. Цель — Сидней, Австралия.

Полковник взял с полки атлас мира, открыл его и понял, что пример неудачный. Города лежат практически на одном меридиане, по широте между ними около 80 градусов — 9000 километров плюс-минус столько-то. Не нужно даже запускать крылатую ракету, можно просто лететь прямо туда и спойно, прицельно бомбить.

Хорошо, пусть будет Лос-Анджелес.

Полковник запустил программу, подаренную ему

одним приятелем, бывшим разведчиком. Программа рассчитывала расстояние между двумя пунктами по их географическим координатам. Таблицы с координатами городов у Лисицына не было, и он воспользовался атласом — паршивым изданием 1988 года, в подготовке которого участвовал сам. В атлас намеренно вносились искажения, и ошибки в определении расстояний (Лисицын это знал) доходили до шестисот километров; но сейчас это не имело значения.

За окном все темнело, на юго-западе уже сверкало, только очень далеко, и грома еще не было слышно. Полковник сидел за компьютером и увлеченно комбинировал: точки вылета — Петропавловск-Камчатский, Хабаровск, Иркутск, Фрунзе, Одесса; цели — Лос-Анджелес, Нью-Йорк, Кейптаун, Буэнос-Айрес, остров Пасхи, наконец. Он понимал, что на острове Пасхи бомбить нечего, но специально брал цель подальше.

Получалось, что, имея этот самолет и авиабазы в разных точках СССР, можно держать под прицелом весь мир. И даже сейчас, когда от бывшего Союза отпала четверть территории...

А кому он нужен сейчас, подумал полковник, когда межконтинентальные ракеты достигают любой точки Земли, а бомбардировщики заправляются горючим в полете? С его-то максимальной скоростью (он глянул еще раз в ТТХ) 670 километров в час...

Сейчас — никому. А тогда, в пятидесятом?

11

В январе 1950 года Женя Лисицын учился в первом классе. А через два года с небольшим, в мае 1952-го, когда он заканчивал третий, как-то днем отец со старшим братом (еще и сосед помог) втащили в дом огромную картонную коробку. В коробке оказался телевизор, тоже огромный, но с очень маленьким экраном. Чтобы что-то на нем разглядеть, к телевизору прилагалась линза с круглой пластмассовой подставкой, которую (линзу, а не подставку) надо было наполнить водой и поставить перед аппаратом.

Пока Женя наливал воду, а брат искал, где бы пристроить антенну, отец с соседом взгромоздили телевизор на комод. Отец несколько минут крутил ручки, настраивая аппарат, и пошла передача. Благодаря близости телецентра звук был громкий и разборчивый, и изображение тоже ясное и резкое, хотя и маленькое.

Показывали учебный фильм по гражданской обороне. В нем рассказывалось сначала о том, какие плохие люди империалисты, создавшие страшное оружие — атомную бомбу, — а затем о том, что не такая уж она и страшная, эта бомба, надо только уметь правильно от нее защищаться.

Вспышка, которая, как утверждал диктор, ярче солнца, на маленьком экране выглядела неубедительно, зато темно-серое грибовидное облако, поднимающееся над степью, — очень эффектно. Потом

шли кадры, показывающие разрушенные городские дома, — очевидно, сняли наши операторы в японских городах, когда недели через три после взрывов американцы пустили туда корреспондентов и военных специалистов из союзных стран. Потом — собственно учебный материал: сирена; семья собирает документы, запас продуктов и пропана; народ спускается в убежище, потом сидит в нем, а наверху — снова гриб; и еще раз в самом конце фильма.

Этот темно-серый гриб потом снился Жене Лисицыну много раз. В его снах он поднимался из-за соседского забора, из-за недалекого леса, из-за цехов металлургического завода. Женя знал, что сейчас его настигнет ударная волна и надо убежать в убежище, но ему не успеть. Он просыпался, в темноте тикали ходики, где-то гудел самолет, и Жене казалось, что это американский бомбардировщик, и он боялся заснуть.

Такие сны преследовали Женю даже в старших классах, хотя все реже и реже. Потом прекратились совсем: видимо, Женя перестал бояться. Или свыкся со страхом. Еще через несколько лет, когда в мире наступило относительное равновесие, основанное на страхе, Женя (Евгений Петрович) Лисицын уже служил в Конторе. Теперь он принадлежал не к тем, кто боится сам, а к тем, кого боятся другие. А потом эти другие перестали бояться Конторы, и все кончилось очень плохо, так, как планировали плохие люди империалисты. Им даже не понадобилось для этого взрывать атомные бомбы.

И вот сейчас на аэродроме в Новокаменске стоял самолет, который мог бы тогда, в пятидесятом или пятьдесят втором, изменить историю мира. Будь у Советского Союза хотя бы два полка таких ракетноносцев...

А почему только два полка? Почему не армада в семь-восемь сотен?

А почему не в тысячу?!

Серые тучи затянули больше половины неба, на юго-западе они были уже почти черными. На их фоне зигзагом вспыхивали молнии, через пятнадцать-двадцать секунд доносились пока еще ослабленные расстоянием раскаты грома. Перед компьютером сидел полковник Лисицын и представлял себя в кабине ракетноносца. Не в кресле второго пилота, которое он занимал во время эксперимента, а в соседнем, командирском.

12

9 августа 2001 года в двенадцатом часу дня Марков вышел из «коттеджа» и отправился в киоск за газетами. Завадский не пошел с ним: он хандрил, наверное, погода сказывалась. По всему было видно, что собирается гроза.

До киоска было полквартиры ходу, Марков в положенное время вернулся, но в дом не пошел, а позвал с крыльца:

— Алексей Иванович, идите сюда, поглядите, что я принес!

Завадский нехотя оторвался от взятой в библиотеке книги (Чулков Т.В. Моторные топлива: ресурсы, качество, заменители. Справочник. — М.: Политехника, 1998), крикнул:

— Несите сюда, Володя!

— Она в дверь не пройдет!

Завадский отложил книгу, вышел на крыльцо. Марков сидел внизу на лавочке, и ничего у него не было, кроме какой-то газеты в руках.

— Что? Где? — удивленно спросил профессор.

— Садитесь сюда, Алексей Иванович. Дело есть. И, не дожидаясь, пока профессор устроится на скамейке, Марков продолжил:

— Сдается мне, пора нам отсюда линять.

— Что делать? — не понял или не расслышал профессор. За последние дни он сильно сдал.

— Ну, сваливать, когти рвать. Драпать, одним словом. Полковник нам все равно не верит, а здесь все его в руках.

— Мы же показали ему...

— Я вот сейчас в газетенке анекдот прочитал. Ребенок спрашивает: «Мама, что такое паранойя?» А мама отвечает: — «Ты отлично понимаешь, что не знаю этого, и нарочно спрашиваешь, чтобы поиздеваться». Здесь, похоже, тот же диагноз.

Профессор молчал. Марков потряс его за плечо:

— Алексей Иванович, я вам говорю, линять надо. Никого мы этим не подставим, разве что Швецов — так мне его, честно говоря, не жалко. Все равно он с полковником одного поля ягода. Сваливаем!

— Куда бежать? — тоскливо спросил профессор. — Володя, вы даже не представляете себе, до какой степени в России веками ничего не меняется! НКВД ведь не Берия учредил и не Ежов, и даже Дзержинский. Я думаю, и Малюта Скуратов был не первый.

Марков молчал, ждал, пока профессор выговорится, а тот продолжал:

— Вы считали, сколько надо бензина, чтобы уйти хотя бы на 250 лет? Не меньше десяти тонн, а лучше двенадцать-тринадцать. Где их взять? Они ведь все слили после того полета! Да и не в этом дело.

— А в чем?

— Вся реактивная авиация летает на керосине. Бензина тут просто нет. — Завадский вдруг вспомнил, зачем он взял в библиотеке справочник по моторным топливам. — Володя, я тут читал в каком-то журнале, что в Бразилии переводят автомобильный парк с бензина на спирт. Нефти у них нет, спирта — из сахарного тростника — сколько угодно. Может, для самолета тоже?..

— Вы думаете, десять тонн спирта достать проще, чем десять тонн бензина? — перебил Марков. — Здесь ведь не Бразилия.

— Но бензина в Новокаменске нет вообще!

— Авиационного. Автомобильный есть.

— И что, моторы смогут работать на автомобильном бензине?

— На АИ-98, думаю, худо-бедно смогут. Вспом

ните, Алексей Иванович, вы же не только штурман, вы еще и бортмеханик.

— Но я не видел здесь на заправке АИ-98.

— А на заправке вы его здесь и не найдете. Его специально привозят для командования гарнизона и начальства КБ. У них японские джипы на этом ходят. Причем получают через свою агрофирму.

— Через какую фирму? — переспросил профессор.

— Ну, через подсобное хозяйство. Совхоз, если по-простому. По льготной цене. В общем, воруют по какой-то сложной схеме, я не разобрался в деталях. У нас в колхозе проще делали.

— И как же?

— Да просто тырили, и все. Не в этом дело.

— А в чем.

— А в том, что сегодня как раз должен прийти бензовоз из совхоза.

— Володя, вы что же, хотите остановить машину на большой дороге? У нас ведь нет вашего «кольца». И ТТ вы отдали Вяткину.

Марков поморщился. Он не любил, когда ему напоминали об этом. «Кольца» было жалко, ТТ тоже, а насчет Вяткина — сейчас, задним числом, Марков не имел бы ничего против того, чтобы бортмеханика сожрали волки.

— Зачем такие ужасы, Алексей Иванович? Обойдемся без них. Стырим как-нибудь по-простому. Я, знаете, не люблю сложных схем.

Профессор помолчал, потом печально сказал:

— Это нас не спасает, Володя. Сколько в бензовозе? Тонны четыре? Ну, пусть даже пять. И то, если полный. А надо минимум десять.

— Ничего в России не меняется, говорите? Это хорошо... — задумчиво сказал Марков, наклонился к профессору и заговорил шепотом, как будто опасаясь, что их подслушают:

— Не надо десяти, Алексей Иванович! Хватит четырех!

— Четырех?

— Четырех. Нам бы только взлететь, набрать высоту тысячи полторы, потом вы включаете...

— И на сколько лет вы рассчитываете уйти? На десять? На двадцать?

— Лучше всего на неделю. Вы только включите — и сразу выключите. Чтобы они след потеряли, а чухаться еще не успели. Неделя — самое то. Выныриваем, сразу к земле — и на предельно малой высоте идем на восток...

— Зачем на восток?!

— А пусть нас ловят на западе. А мы пойдем на восток. Летим, сколько хватит топлива, садимся, как сможем, бросаем машину и двигаем дальше. Электричками, товарными поездами, автостопом, хоть пешком — на Алтай! Забуримся в глушь, к ержакам, там есть такие деревни — живут сами себе, никакая власть сроду до них не доставала, ни царская, ни советская! И нынешняя эта дерьмократия не достанет.

Завадский фыркнул.

— Что смеетесь, Алексей Иванович? Это, между прочим, не я придумал, здесь многие так ее называют.

— Не обижайтесь, Володя, это я над собой. Помните, я вам говорил, что нельзя уйти в прошлое, а можно только в будущее? А вышло, что надо именно в прошлое.

— Почему?

— Ну, Алтай, эти старообрядческие деревни — это же допетровская Русь, семнадцатый век.

— Какая нам разница... Алексей Иванович, вы летите со мной?

Профессор помолчал полминуты и ответил:

— Ну, что ж... Как говорят, здесь и сейчас сыграем в эти игры. Лечу.

— Вот и хорошо, — сказал Марков, поднимаясь со скамейки. — Честно говоря, мне без вас самолет не угнать. Вы пока собирайте манатки, а я схожу узнаю, что там и как. Мои-то давно собраны.

13

Марков ушел. Завадский поднялся в «коттедж» и начал собираться. Сначала он не знал, за что хвататься, но потом взял себя в руки, и его действия приобрели более осмысленный характер. Тем более, что манаток было немного, все они уместились в широкий полиэтиленовый пакет. В холщовую сумку, сунутую в карман на всякий случай полвека назад, он сгреб радиодетали, которые насобирал за время, проведенное в двадцать первом веке. Профессор активно осваивал новую для него транзисторную технику и рассчитывал продолжить на Алтае. Он, правда, не знал, есть ли у старообрядцев паяльники, но надеялся как-нибудь найти выход.

Небо на юго-западе темнело. Гроза и вправду собиралась.

Сложив вещи, Завадский попытался вернуться к изучению справочника по моторным топливам, но вопрос уже утратил актуальность. Повертев книгу в руках, профессор сунул ее в пакет с вещами и занялся газетой, оставленной Марковым.

В ней тоже, по сути, ничего не было, кроме телепрограммы и десятка анекдотов, из которых профессор не нашел ни одного смешного, а анекдот по паранойю показался ему просто грустным. Остальное пространство занимала реклама.

Внезапно стукнула входная дверь — вернулся Марков.

— Идемте скорее, Алексей Иванович. Я тут подслушал разговор — машина уже вышла. Ругали шофера, что поехал, когда гроза собирается.

Марков нагнулся, вытащил из-под кровати набитую вещами сумку, сшитую, как показалось Завадскому, из картофельного мешка. Профессор торпливо подхватил свои вещи, и они выбежали из «коттеджа». С утра было душно и жарко, теперь же наползающие с юго-запада облака закрыли солнце, и хотя ветра все еще не было, по крайней мере жара не так чувствовалась. Они почти бегом прошли мимо своего и следующего за ним «кот-

теджей», и тут Марков свернул вбок и потянул профессора в проход между двумя заборами.

Они выскочили на пустырь, тропинка пошла через заросли лопуха, полыни и крапивы, бурьян местами скрывал их с головой. Через несколько минут перед ними внезапно открылось поле аэродрома.

— Не высовывайтесь, увидят,— предупредил Марков и снова потянул профессора вбок. Оказалось, по краю поля шла через бурьян еще одна тропа, пересекавшая первую, а потом они попали на какую-то свалку. Кругом валялись куски самолетной обшивки, какие-то моторы, генераторы, детали турбин — сплошь медь, алюминий и дорогостоящие жаропрочные сплавы. Кучей лежали деревянные ящики, полиэтиленовые пакеты, и стояло какое-то строение, напоминавшее архитектурой собачью конуру, а размерами — в самый раз для белого медведя. В городах, не обнесенных колючей проволокой, в таких местах непременно поселятся бомжи, а алюминий с медью исчезают в первую же ночь после появления первого из них. Жаропрочные сплавы исчезают потом тоже исчезают, иногда вместе с частью обитателей.

Марков завернул за медвежьей конурой, и профессор вдруг увидел прямо перед собой знакомые очертания хвостового оперения «Ем-12». Марков высунул голову из бурьяна, повертел вправо-влево, потом вернулся к конуре, вытащил из нее лестницу, грубо сколоченную из березовых жердей, подхватив ее наперевес, выскочил из зарослей на поле и побежал к самолету. Профессор, стараясь не отстать, трусил за ним.

Остановившись под хвостом самолета, Марков сказал:

— Сейчас нас с вышки не видно, этот загораживает,— он махнул рукой в сторону стоящего рядом грузового «Ил-76»,— но лучше не маячить. Особенно не стоит стоять в полный рост на крыле.— Он приставил лестницу к хвосту, концы жердей уперлись в крышку десантного люка.

— У вас есть ключи? — удивился профессор.

— Ага. Второй комплект. И третий тоже,— ответил Марков, карабкаясь по лестнице.— Оба в кабине спрятаны.— И уже сверху объяснил:

— Я, Алексей Иванович, еще когда к эксперименту готовились, на всякий случай выкрутил два болта. Сам сейчас удивляюсь на свою предусмотрительность.

— Но ведь крышка же могла слететь в полете! — ужаснулся профессор.

— Вряд ли, конструкция не та,— ответил Марков. Жалея нервы профессора, он слегка покривил душой.— Алексей Иванович, придержите с той стороны. Я сейчас двину крышку, если лестница резко съедет, может сломаться. Обидно будет.

Завадский зашел под лестницу, крепко ухватился

за нее обеими руками. Марков вдавил крышку люка, затем толкнул ее вверх. Крышка сначала пошла тяжело, ступенька, на которой стоял пилот, задержала, но выдержала. Лестница, удерживаемая профессором, плавно опустилась концами жердей на нижнюю кромку люка, Марков дождал крышку — путь в самолет был открыт. Марков влез туда наполовину, щелкнул тумблером, но свет не загорелся.

— Сволочи, аккумулятор сняли! — Марков повернулся вправо, нашарил под чехлами для моторов фонарик.— Хорошо хоть моторы зачехлить поленились, а то бы нашли фонарь, слямзили¹ бы и его. Тоже мне, консервация называется...

Они шли по самолету и везде находили следы загребущих рук. Марков не переставал ругаться:

— Ну не сволочи разве?! Ну, я понимаю — целиком пулемет снять, но патронные коробки-то им на что?! Алексей Иванович, половину инструмента забрали! То-то я гляжу, у того прапора морда была, как у сытого kota!

— Какого прапора? — не понял Завадский.

— Да шлялся тут один со здоровенной торбой. Ну, зараза!..

— Осциллографа не хватает,— сказал Завадский.— Авометр² тоже пропал... А ламповый вольтметр не взяли.

— Старье, кому он здесь нужен?

— Осциллограф ведь тоже ламповый...

К счастью, специальный инструмент и приспособления оказались на месте, пропало в основном то, что может найти применение в каждом доме или гараже: гаечные ключи, отвертки, струбцины, съемники, пассатижи. Но практически подчистую. Уцелела только небольшая укладка, спрятанная под сидением бортмеханика, — наверное, туда не догадались заглянуть. Приборные доски, к счастью, тоже почти не тронули, только вытащили часы со светящимися стрелками и циферблатом.

Марков ковырялся в кабине. Взяв отвертку из уцелевшей укладки, он откручивал винты, бормоча: «Ну, если и ее нашли...»

Не нашли. Из тайника, не замеченного прапором и компанией, пилот достал алюминиевую фляжку, встряхнул ее. Внутри булькнуло.

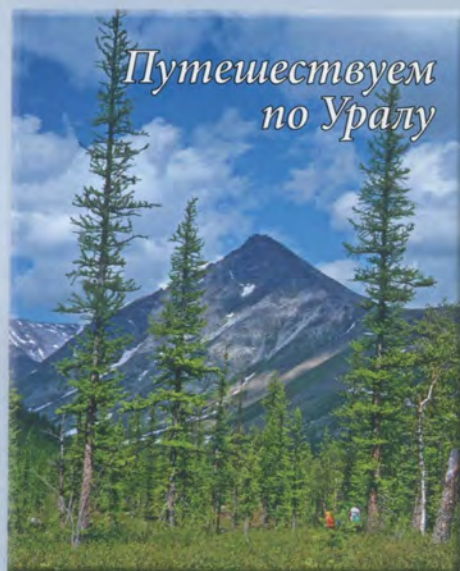
— Спирт, — объяснил он обернувшемуся на звук Завадскому.— Осталось немного от подготовки. Вы, Алексей Иванович, сидите теперь здесь, а я пойду, раздобуду бензина. Часа два меня точно не будет, зря не беспокойтесь. А когти рвать всяко лучше в темноте. Наружу не высовывайтесь. В случае чего просто запритесь изнутри, как будто никого нет.— Он протянул профессору ключи.

— А... как это вы... бензин? — спросил профессор.

— А как-нибудь. Бабка моя была цыганка, — глядишь, достались по наследству какие таланты.— И, подмигнув профессору, который по привычке уже устраивался на штурманском месте, Марков вышел из кабины.

¹ На самом деле Марков сказал другое слово.— Авт.

² Сейчас такой прибор называют тестером.— Авт.

Путешествуем по Уралу

Вышла новая книга известного уральского фотохудожника Е.В. Савенко «Путешествуем по Уралу».

В серии «Родной Урал» Независимым институтом истории материальной культуры издано пять альбомов и книг: «Чусовая», «Путешествуем по Чусовой», «Сокровища каменного пояса», «Урал: от моря Карского до Мугоджар», «Путешествуем по Уралу».

Новая книга адресована любителям природы и путешествий, а также начинающим туристам и фотографам.

Автор дает краткие описания всех географических районов горного Урала от Мугоджар до Пай-Хоя и ряда наиболее известных горных массивов, хребтов и горных вершин, которые ему удалось посетить за многие годы путешествий, сопровождая их интересными фотографиями. Кроме того, он делится своим туристическим опытом с начинающими путешественниками и фотолюбителями.

К тексту каждого географического района прилагаются общеизвестные географические карты.

Адрес института:

620109, Екатеринбург,
В-109, а/я 65

Тел.: (343) 251-78-74, 269-03-59

Факс: (343) 251-77-31

E-mail: logunov@online.ural.ru

Броня крепка

В этом в очередной раз убедились все, кто с 6 по 10 июля побывал в Нижнем Тагиле на «Российской выставке вооружения-2004», которая с этого года официально приобрела статус международной.

Настоящий театр военных действий развернулся на полигоне института испытания металлов «Старатель», равного которому пока нет нигде. Открытые площадки, трассы и вододром, размещенные на площади 5 километров в ширину и 64 километра в длину, дали возможность максимально приблизить стрельбы и пробеги военной техники к реальной боевой обстановке.

Об открытии выставки известил традиционный выстрел из гаубицы. С этого момента стало ясно: это тебе не шутки, а демонстрация вооружения. В подтверждение этого на глазах тысяч зрителей 60 образцов военной

техники продемонстрировали свои возможности на суше, воде и в воздухе. Как всегда, огромным успехом пользовался наш лучший танк Т-90С. Самый быстрый танк планеты носился по полигону со скоростью 60 км/ч, поднимая клубы пыли на крутых виражах. Лихо преодолел водную преграду, как ни в чем не бывало вынырнул на сушу и продолжил прицельно стрелять. Ко всему прочему, этот танк не зря прозван «летающим»: имея массу 46 тонн, он может преодолеть по воздуху расстояние, равное длине корпуса – около 8 метров. Свою летательную способность это чудо техники тоже показало, вызвав шквал аплодисментов на трибунах.

Не имеющая аналогов боевая машина пехоты (БМП-3) показала свою плавательную способность. Переплывая вододром с мобильностью не хуже чем по суше, она еще умудрялась и прицельно стрелять. Одна из особенностей БМП-3 в том, что двигатель размещен в носу, не как обычно. Это служит дополнительной защитой, улучшает обзор для водителя, облегчает высадку десанта назад, что наиболее безопасно в бою.

Мотострелковое отделение бронетранспортера (БТР) устроило показательные стрельбы из личного оружия.

За две минуты во всю свою красу и мощь перед нами раз-

вернулся зенитно-ракетный комплекс С-300. Эта машина способна уничтожить все современные воздушные цели (самолеты, крылатые и баллистические ракеты).

Как и на предыдущих выставках, нынче вновь демонстрировались новинки российских оружейников. Самоходная гаубица САУ «МСТА – С» калибра 155 мм, адаптированная под стандарт НАТО, без заминки преодолела брод и, откорректировав прицел без участия наводчика, точно поразила цель.

Зенитный ракетный комплекс БУК-М1-2 впечатлил присутствующих тактико-техническими характеристиками. Предназначенный для противовоздушной обороны, он способен поражать цели на дальность до 35, в высоту до 22 километров. Скорость полета снаряда, который может за раз обстрелять шесть целей, – 830 метров в секунду.

Огромный интерес вызвала и модернизированная самоходная гаубица 2-СЗ-М2 на базе САУ «Акация». После того как развеялся дым, на месте дома, в который она стреляла, все увидели только щепки. Состоящая на вооружении многих стран мира гаубица 2-СЗ-М2 оснащена автоматизированной системой управления огнем, спутниковой навигационной системой и электронной картой боевых действий. Дальность стрельбы достигает 24 километра.

Конечно, хотелось бы увидеть в деле

и более новые разработки: орудие класса «земля-земля», реактивную систему залпового огня «Смерч» с калибром ствола 220 мм. Войсковые системы ПВО: 130-миллиметровый береговой самоходный артиллерийский комплекс «Берег» и зенитный ракетно-пушечный комплекс «Панцирь». Эти модели производятся уже лет 10. Надеюсь, на следующей выставке мы их увидим.

Вся техника, представленная в этот раз, плавала, летала и невообразимо громко стреляла. В общем, специали-

стам и всем, кто интересуется, было на что посмотреть. Народ в восторге вскакивал с мест, фотографировал, бурно аплодировал. В том числе и иностранные зрители, которых на «Российской выставке вооружения» было немало. Впрочем, иностранные делегации из 13 государств мира, хоть и потенциальные покупатели, но ехали не только на нас посмотреть, а еще и себя показать. В крытых павильонах полигона можно было увидеть вооружение, представленное другими мировыми державами. А израильские военные, наряду с хозяевами полигона, устроили показательные стрельбы. Так что статус международной выставка оправдала в полном объеме.

Не случайно местом проведения выставки стал именно Нижний Тагил. Ведь 70 процентов вооружений страны производится на Урале. Еще со времен Великой Отечественной войны Урал, в том числе и Свердловская область, превратился в крупнейший центр оборонного производства.

В предверии 60-летия со Дня победы стало закономерным появление на территории демонстрационно-выставочного центра полноценной исторической экспозиции. Среди экспонатов – уникальная бронзовая пушка IX века, гаубицы Д-1, М-30, Д-30, зенитные пушки КС-19, К-72, самоходный миномет «Тюльпан» и многое из того, что составляло основу резерва Главного командования в Великую Отечественную войну. Все это было доступно зрителям, они не только смотрели, но и трогали, фотографировали и лазили по всем экспонатам.

Можно сказать, что шоу мирового масштаба мы устраивать научились.

Будет ли от выставки прибыль? Как говорят специалисты, «Российская выставка вооружения-2004» может принести многомиллионные контракты, а значит, и многомиллионную прибыль. Но это дело времени. А на сегодняшний день, со слов организаторов выставки, можно лишь утверждать, что с прошлого года она стала самоокупаемой.

КОТТИ

в Санкт-Петербурге

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Есть в Режевском районе село Глинское, а при сельской администрации — детский велолюб «КОГ-И» (Клуб отважных глинских туристов — исследователей) вырастивший за 22 года (1982—2004) своего существования не одно поколение подростков. Заимаются горячо и серьезно этим делом отец и сын (опыловы — Михаил Алексеевич и Алексей Михайлович).

Ребята из Глинского совершили за это время 40 категорийных походов, бесчисленное количество многодневных, пройдя в общей сложности более 40 тысяч км, это как раз расстояние по экватору.

Сотрудница музея Арктики и Антарктики г. Санкт-Петербурга, о котором речь пойдёт далее, в нашем «бортовом» журнале написала: «Ребята, вы молодцы, читесь у наших полярников смелости, умению, отваге, взаимовыручке».

«Бороться и искать, найти и не сдаваться» — последние слова, девиз Роберта Скотта, английского военного моряка, исследователя Антарктиды. Наверное, они помогли нам в нашем 41-дневном путешествии на велосипедах по Ленинградской области. У нас не было на руках тура, путёвки, вида на жительство, когда мы покидали село Глинское. Было только снаряжение, велосипеды, маршрутная книжка с отметкой маршрутно-квалификационной комиссии о велопоходе третьей категории сложности. А ещё большое желание побывать там, где ни разу не бывали.

...Наш поезд прибыл в Санкт-Петербург на новый Ладожский вокзал. Как раз перед его прибытием президент Путин присутствовал на торжественном открытии вокзала. Так что Ладожский вокзал можно назвать нашим первым экскурсионным объектом.

В этот день, несмотря на усталость после дальней дороги на поезде, посетили музей А. В. Суворова — полководца, генералиссимуса, графа Рымникского, князя Италийского. Сотрудники музея очень хорошо нас приняли, поведали не только о том, какую большую роль сыграл А. В. Суворов в развитии русского военного искусства, а главным образом, старались показать, каким человеком был полководец.

Впереди нас ожидали Петропавловская крепость, Артиллерийский музей, Дворцовая площадь, памятник Н. М. Пржевальскому, Летний сад, место казни декабристов и т. д. Большинство участников похода в С.-Петербурге впервые. Так что мы хотели побывать в первую очередь там, откуда начинался великий город, в местах и памятниках общеизвестных.

В следующие три дня мы делали велопоход по маршруту С.-Петербург — Кронштадт — Ломоносов — Петродворец — Петербург. Первое место назначения — шалаш в Разливе, в котором скрывался В. И. Ленин в 1917 году от Временного правительства. Да, печальная картина, короткая у нас память, не всегда, как полагается, храним мы в своей памяти историю предков.

Что же мы увидели в Разливе? Сам памятник из железа и бетона, где вырисовывается на заднем плане шалаш; на переднем — Ленин, сидящий на пенке, пишет свою известную работу «Государство и революция», — в целостности и сохранности. А вот здание музея, которое расположено на том самом месте, где находилась ленинская «зелёная канцелярия» и шалаш, дышат на ладан. Чувствуется, что павильон-музей доживает последние дни. Большая площадка для стоянки экскурсионных автобусов, здание кафе, торговых павильонов — всё, что обслуживало в прежние, недавние времена огромную массу людей, сейчас не только в запустении, но и в полном забвении.

Далее взяли курс на Кронштадт. На место приехали вечером. Раскинули палатки на самом берегу Финского залива, в тени деревьев, под охраной российских пограничников: буквально рядом с нами возвышалась береговая линия укреплений с орудиями и вышками для часовых, которые заверили нас, что мы можем спать спокойно!

...Город Кронштадт основан в 1703 году Петром I как крепость для защиты Санкт-Петербурга с моря. С 1720 года — главная база Балтийского флота. И вот мы в Кронштадте. 27 июля, как раз последнее воскресенье

месяца — День Военно-Морского флота. Кронштадт-город военной морской славы. Утром вкатываемся на главную площадь города, в центре которой Морской Никольский собор. Сейчас здесь разместили морской музей. Рядом с собором памятник С. О. Макарову, российскому флотоводцу, в начале русско-японской войны 1904-1905 г. г. командовавшего тихоокеанской эскадрой в Порт-Артуре. Погиб на броненосце «Петропавловск», подорвавшись на mine.

Памятник Макарову установлен на каменной глыбе, которую достали со дна морского в 1911 году и освятили в присутствии Николая II. Недалеко от площади — памятник Петру I. Очень интересным было посещение крейсера «Перекоп». Ребята побывали на действующем военном корабле.

В завершение побывали в единственном разрешённом для посещения форте Константина, делающем неприступной береговую линию для неприятеля.

На следующий день держим курс на Петродворец, город, основанный Петром I в 1709 году как загородная резиденция российских императоров. Цель наша в Петродворце — посещение единственных в мире по красоте, величию, количеству фонтанов в дворцово-парковом ансамбле. Сколько их здесь — и шутейные, и фонтаны-шахматы. А вот и большой каскад фонтанов, увенчанный Самсоном, разрывающим пасть льва, состоящий из 60 фонтанов и из 135 струй.

Посетили Петропавловскую крепость — первую постройку города. Возникла она в период Северной войны со Швецией.

«Отсель грозить мы будем шведу,
Здесь будет город заложен

Назлом надменному соседу», — писал об основании крепости-города столетием позже А. С. Пушкин. ...Эрмитаж — место уединения, уголок отшельника.

Один из крупнейших в мире художественных и культурно-исторических музеев, который возник как частное собрание Екатерины II. Екатерина гордилась тем, что она одна, да крысы, которые пробегают мимо её ног, могут созерцать эти сокровища.

...Храм Спас-на-Крови — место покушения на царя-освободителя Александра II.

...Летний сад, где гулял маленький Евгений Онегин — всё это при равнодушном (а равнодушных среди нас не было) созерцании — история, литература, география, причем из первых рук!

Незабываемой была прогулка на велосипедах по ночному Петербургу. Набережная реки Невы. Ночной город всеми радугами цветов отражается в ней. Дождались своего часа мосты: их начинают разводить, и вот он — результат взлёта инженерной мысли: многотонные металлические конструкции, увешанные гирляндами ярких фонарей, бесшумно растворяют пространство, устремляясь в небо, для прохода кораблей. Дворцовая площадь безлюдная, но живая. Чувствуется дыхание дней минувших, слышатся команды командиров при очередном разводе войск.

На следующий день — Александр-Невская лавра. Посетили Государственный музей городской скульптуры. В музее на первом этаже — захоронения выдающихся государственных, военных деятелей, членов царских фамилий. А вот портрет Саввы Яковлева, выполненный из меди, приятно всех нас ошеломил: ведь Савва Яковлев — основатель Режевского железоделательного завода. Здесь же похоронены Александр Невский и Александр Васильевич Суворов.

Бывая в Петербурге, многие стараются попасть в Эрмитаж, Исаакиевский собор, прикоснуться к Медному всаднику, а вот музеи, которые «не на слуху», остаются обойдёнными. И таких музеев, не менее интересных и содержательных, в Петербурге десятки. Один из них — музей Арктики и Антарктики. Кстати, единственный в России историко-географический музей, экспозиция которого посвящена истории и природным особенностям полярных районов нашей планеты. Музей не только содержательный, но и зрелищный, интересный.

Два часа с большим интересом ребята обозревали бесчисленные экспонаты Зоологического музея. Где можно ещё увидеть скелет лошади Петра I, на которой он прославился под Полтавой, скелет синего кита — самого большого в мире животного!

Вы видели, куда и зачем выстраиваются самые длинные очереди? Это в музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (кунсткамера) — один из крупнейших этнографических музеев мира. Интересовали нас там не только анатомические редкости, но и, главным образом, народы, населяющие планету их быт, культура, искусство.

Отправляясь в любое путешествие, следует помнить, что его успех во многом зависит от нас самих, от нашей любознательности, пылливости, от нашего желания увидеть, узнать, понять.

...Площадь искусств. Михайловский дворец. Сейчас здесь Русский музей императора Александра III, насчитывающий 400 тыс. произведений русских художников. А те произведения, которые мы увидели, путешествуя по залам Русского музея, познакомили нас с частичкой жизни прошедших поколений людей, с их представлениями о мире, о человеке. И еще была прогулка на катере по рекам и каналам уникального города, где каждая улица — жизнь замечательных людей, каждый дом — памятник, каждый камень — история.

Исеть – поселок между гор

В начале XVIII века, когда начал строиться Екатеринбург, по заданию В.Геннина на берег Исетского озера выехали горный чиновник К.Гордеев и комиссары С.Неелов и Ф.Неклюдов – для осмотра возможного места плотины. Это были первые географические исследования окрестностей Исети. В те времена местность в верховьях реки Исети была глухой и малообжитой. Небольшие хутора были разбросаны далеко друг от друга. Один находился на берегу Исетского озера, на месте будущего поселка Палкино.

В 1980-х годах в Москве в Центральном государственном архиве древних актов был найден «чертеж Исецкого верхнего пруда, также озер Исецкаго и Мелкаго, ни проходящей ис Исецкаго озера рекою Исетью». Исетское озеро было в ту пору округлым водоемом, его конфигурация стала более вытянутой, когда в 1759 году была построена плотина при выходе из него реки Исети.

В 1802 году на территории поселка открываются первые каменоломни, где каторжники добывали бутовой камень, который шел для нужд Екатеринбурга. Потом каменоломни были заброшены, только в 1873 году на Исети открылся пермский карьер (ныне карьер щебзавода), в связи со строительством горнозаводской железной дороги Пермь–Екатеринбург. Вскоре для постройки мостов и промышленных сооружений потребовался еще камень, и тогда-то был заложен исетский «Каменный карьер».

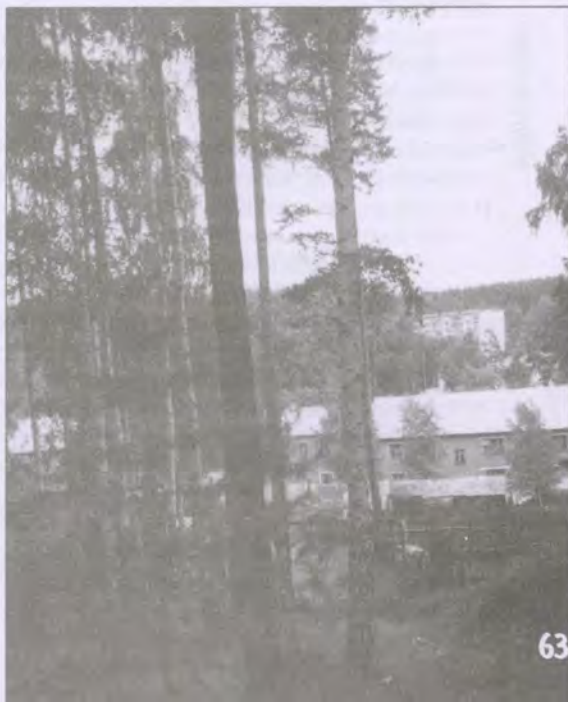
В 1923 году организовывалось Исетское товарищество по добыче камня, который поставлялся в Свердловск и Пермь. Работа велась вручную, и камень переправляли гужевым транспортом на санях по льду Исетского озера, т. к. дорог в то время не было. В 1928 году на базе этого товарищества была организована артель «Шахтер» во главе с председателем. Первым председателем артели был Юмашев. В 1934 г. по решению правительства Свердловской области артель «Шахтер» была переименована в «Гранит». Появился большой спрос на облицовочные плиты и брусчатку. Из этой брусчатки построены многие дороги и площади Свердловской области, а облицовочные плиты украшают многие здания Екатеринбурга.

Во время строительства Уралмаша «вспомнили» об исетском месторождении гранитов: «Каменный карьер» был переименован в «Уралмашевский» и начал давать продукцию для строительства «отца заводов».

А на западном берегу Исетского озера, неподале-

ку от уралмашевского карьера, находился еще один карьер, где добывали камень для строительства СУГРЭСа. Рабочие бурили перфораторами колодцы, куда закладывалось большое количество аммонала и потом взрывали. Этот карьер сохранился до сих пор. Он давно заброшен и борта его поросли лесом. Свидетельство взрывных работ – остатки аммонального склада, окруженного высоким земляным валом, находящегося неподалеку от карьера на берегу озера.

Новый этап развития Исети начался в 1954 году, когда постановлением Совета Министров СССР от 12 марта 1954 года началось строительство завода МЖБК. Стройка была объявлена всесоюзной комсомольской. Работы на строительной площадке начались в феврале 1955 года, а в 1957 году уже были изготовлены железнодорожные блоки пролетных строений для моста под трамвайные пути в направлении «Семи ключей». Завод начал выпускать опоры для железнодорожных мостов длиной 27,6 м. по проекту института «Лентрансмостпроект», что дало возможность построить заново и реконструировать множество авто- и железнодорожных мостов в стране. Мосты, изготовленные на заводе МЖБК, стоят на трассе Абакан–Тайшет, на БАМе и в республиках Центральной Азии.

Осторожно: светлое прошлое

«ОСТОРОЖНО: СВЕТЛОЕ ПРОШЛОЕ. МАТРОС ДАЛЬНИЙ».

Хоньч прибил эту дощечку, когда один из наших юнг, после неудачного прыжка проболтавшийся все плавание в кубрике, с горя зашел в эту глухую калитку и больше не вышел.

Пристань была вся огорожена забором — старым и высоким забором из серых досок. Дул бодрящий и холодный весенний ветер, под ногами похрустывал тонкий ледок: после полудня похолодало.

Говорили, что там, за забором, какой-то заразный воздух: вдохнешь — очумеешь. Но думаю, что больше пугали. Ведь тот юнга уже и на корабле был не в себе, а тут все бродил вдоль забора и только искал подходящего момента. Я — другое дело. Я, правда, тоже уже битый час бродил вдоль забора, только по совсем другой причине... Сегодня на пароходике отплывали мои друзья. То есть, те, что когда-то были мне друзьями... нет, правда, настоящими друзьями. Вместе собирали цветную гальку, вместе бредили океаном, вместе поступили в училище. Вместе подолгу стояли перед узорчатой оградой, отделявшей от города ту легендарную бухту, которая в документах означалась лаконичным «Б.Д.К.», в песнях торжественно нарекалась Рассветной, а для нас, курсантов, носила печально-насущенное название Непрístupная. А иногда мы вместе перелезали через эту ограду, презрев правила и наказания. (Если от злющего пса по кличке Цербер мы уже научились вовремя удирать обратно ценой всего-навсего порванных штанов, то в училище нас ждали «бури» повесомей)... А в одну из таких же неровных весен, когда прибыл в Непрístupную Дальний Капитан, мы также вместе до изнеможения просились к нему на корабль, вместе страшно переживали отказ... И вместе решили пробираться на борт тайно.

Мы придумали кучу планов, как миновать Цербера, и тихо надеялись, что не будет же эта зверюга, в конце концов, в самом деле калечить людей. Но там, на месте, стало понятно: все наши планы никуда не годятся... И Хоньч, самый сумасшедший из нас, вдруг прыгнул на этого Цербера и тихо заорал, чтобы мы прорывались вперед. Тогда я тоже вцепился в них двоих, наверное, это было очень страшно, но я не успел это обдумать. А остальные тоже никуда «прорываться» не стали, начали бегать, вопить и звать на помощь.

Вот тут и пришел Дальний Капитан со своими матросами, и нас унесли к бортовому врачу, а тот с

ног до головы перемазал нас каким-то Дальним снадобьем и попотчевал уколами, после чего мы уснули, а проснулись уже в море. Снадобье оказалось и вправду чудодейственным, совсем как в легендах, так что мы скоро поправились. И тогда нам здорово попало от Капитана Дарля. Ведь с таким хулиганством на Корабль не попадал еще никто. Потом нас отпраздничали драить палубы, а мы вовсю старались оправдать возложенное на нас доверие — и мало-помалу оправдали. Особенно легко нам тогда давались прыжки в завтра, потому что посреди того, что нам открылось, мы начисто забыли о прошлом. Мы были совершенно счастливы, если не считать, что друзья остались на берегу...

Вот они-то сегодня и собирались отплыть в Светлое Прошлое. Я не верил, когда услышал слухи, я не верил их собственным словам, не верил, когда носильщики протаскивали сюда их чемоданы, и даже сейчас, когда мне не удалось отговорить друзей и они все-таки скрылись за этой дверью... я не верил. И дверь никак не отпускала меня. Я понимал, что не я виноват в том, что мы вот так расстались, но все-таки, все-таки... Ведь это же все-таки друзья! И если я буду стоять на берегу, когда их пароходик даст последний гудок, если я буду стоять на берегу в ярко-голубом кителе с золотыми нашивками, может, они опомнятся, может, хоть один из них потребует трап или даже прыгнет прямо в воду, ведь бывает же так, бывает, редко, но бывает!..

Холодный ветер опять толкнул меня в лицо. Может быть, поэтому я и дернул за ручку. Я очень не любил, чтобы меня толкали.

Дверь заскрипела, я решительно шагнул внутрь. И застыл, пораженный.

Вовсю светилось и пело давно забытое, как в далеком детстве, бабье лето. Щедрое закатное солнце золотило забор так, что стало видно: никакой он не серый, а живой, сосновый, пахнущий солью и смолой... Ветерок был тепл и ласков, и море почти не шумело. Большая пестрая бабочка присела мне на рукав, расправила крылышки.

— Лани! — закричали друзья и радостно побежали ко мне. — Лани, неужели ты с нами! Как это все-таки здорово!

Они облапили меня со всех сторон, но я сказал, слабо отбиваясь и пересиливая баюкающий плеск волн:

— Нет, я пришел проститься. Навсегда. Потому что

в прошлое даже письма не доходят. Если только вы на самом деле отплываете. Ведь в двух шагах отсюда — вы только подумайте! — стоит Дальний Корабль. И Капитан ищет двух матросов на смену тем, кто погиб. Вы слышите, что я говорю — Дальний Капитан Дарль сам ищет матросов!

Дверь позади скрипнула, и в нее заглянул Хоныч, пахнув тревожной вьюлой.

— Лани, ты с ума сошел, почему ты здесь?

— До отплытия еще четыре часа, — сказал я, — а здесь — наши друзья...

— Четыре часа! — закричал Хоныч. — Если бы в прошлый раз у нас были бы лишние четыре часа, чтобы проверить все тросы, Чампа сейчас был бы жив!

— Я проверил тросы. Я проверил щели. Хоныч, я все проверил, что только мог, я не спал всю ночь, я все сделал, Хоныч. У меня есть законные четыре часа. Ты что, не видишь, что это наши друзья? Скажи же им что-нибудь. Скажи им о красоте Дальних Звезд. Скажи им, что Капитан ищет матросов...

Но Хоныч больше ничего не сказал — хлопнул дверью.

— Звезды? — спросили друзья. — Нет, ты правда видел Дальние Звезды?

О! Еще бы! Конечно, я видел! Не раз, и так близко, так близко... Если бы мне сейчас удалось это им передать... Они никогда, никогда не уплыли бы в прошлое!

И я начал рассказывать. Я рассказывал долго-долго, может быть, целых полчаса, и они слушали жадно, во все уши... Но потом я вдруг заметил, что им просто хорошо. На зеленой траве, под ласковым солнышком и тихим ветерком, запивая чайком из термоса, слушать далекие сказки человека в ярко-голубом кителе... Им нравились мои сказки о бурях и водоворотах, о грозах и полетах загадочных Дальних Кораблей. Там, по пути в прошлое, они еще не раз услышат друг от друга эти легенды под мерное качанье пароходика...

Тогда я встал, резко заболел от безнадежности, и пошел. Надо было и вправду все еще раз проверить на Корабле. «Оставьте мертвым хоронить своих мертвецов»...

Но тут они всполошились. Начали спорить и спрашивать. Неужели правда, что есть два свободных места? Так ведь они, пожалуй, готовы! Готовы прямо сейчас их занять, если, конечно, там приличное жалование; а впрочем, даже если не очень приличное, мне хватает, значит и им хватит; пожалуй, они готовы, только вот надо сдать билеты на пароходик, предупредить родню и распорядиться — кому сдать ключи от квартиры...

Я стоял и немел. Два свободных места! С приличным жалованием! Мест нет, есть только потребность в матросах, только я уже точно видел, что этих капитан ни за что не возьмет. Они не выдержат пути, как Откинс. Или как Бани. Или как Арно... поэтому их не возьмут. Они уже слишком раскисли от этого тилого и прохладного пляжного зноя. Прохладного зноя? Ну да, кажется, точнее не скажешь... Господи, не-

ужели они не помнят, как мы мечтали отдать друг за друга жизнь, добыть для человечества невиданные сокровища?..

— А помнишь, — не дождавшись ответа, сказали друзья, и лица их просветлели, — помнишь старые добрые времена, когда мы хотели добыть для людей Дальние Сокровища? Сколько раз мы сбегали ночью от воспитателей, забирались в чью-нибудь старую лодку, накрывались плащами, раскладывали на соленой лавочке старые морские карты, жгли свечку и жевали промокший черствый хлеб, который таскал с кухни Хоныч... Помнишь? С нами сбегала Маруська, и мы глядели на ее исцарапанные боевые коленки и думали, что она самая мировая девчонка в городе... Помнишь? Вот если бы однажды выбрать ночку и снова собраться вместе? Я принесу огарок, возьмем у Маруськи те самые старые карты — представь, они и сейчас в ее чемодане... Мальчишек с корпуса возьмем... И тихо-тихо будет плескаться зовущая волна...

Они замолчали, и лица их все светлели и светлели. А пароходик все не отплывал; люди прощались с провожающими, заходили на борт, опять спускались. Никакой спешки и окриков, все уютно, ласково, по-семейному... Это могло продолжаться, еще долго. И никакого кульминационного момента не будет, и никто не спрыгнет с корабля; а если спрыгнет, так его подождут, пока он залезет обратно; отчего не подождать под таким солнцем?

Я протолкался сквозь них и молча вышел в двори. Снаружи уже стемнело, стало еще холоднее. Я испугался — не опаздываю ли я; но нет, вот и Хоныч, уже утепившись какой-то шинелью, ссутулился под прибрежной сосной.

— Лани? Неужели ты вышел? Я уж и не ждал, — как-то хрипло сказал он, не обернувшись.

— Боюсь, что здесь мы бессильны, — вздохнул я и тут заметил, что под незастегнутой шинелью он как-то странно одет. — Эй, Хоныч, ты чего нарядился в капитанский китель? Знаешь, что тебе за это будет от Дарля?

Он тоже вздохнул и пошел к Неприступной бухте. Под ногами чавкал жидкий снег пополам с песком.

— Дарля мы похоронили шесть лет назад, — наконец сказал он, повернув ко мне усталое лицо. — Когда в Марсовом проливе он спас команду и корабль от бури, его сердце не выдержало.

Я понял, что он не шутит.

Мы остановились возле Неприступной.

— Пока, Лани, — сказал Хоныч, протянув мне свою крепкую ладонь.

— Я что... отлучен? — спросил я, чувствуя, что горизонт плывет.

— Нет, — сказал Хоныч. — Но в этот раз команда набрана. Может быть, следующей весной освободится место юнги... Может быть... Впрочем, честно говоря, очень не хотелось бы. Но надеюсь, что мы с тобой еще встретимся.

— Хоныч! — чуть не закричал я. — Господи, да разве я знал, Хоныч! Я...

— Ну, ну, только не плачь,— сказал он и похлопал меня по плечу.— Ты без нас восемнадцать лет прожил и не заметил, проживи еще один год. А сейчас, знаешь, я все-таки пойду. До отплытия четыре часа. Я должен все, все проверить. Что-то нынче в городе зябко, ты не находишь? Ладно, скоро мы выйдем отсюда.

— Что же мне теперь делать... Капитан? — убито спросил я.

— Жить,— сердито сказал Капитан.— И китель сними, во всяком случае, до весны. Тем более, что за четыре часа вся команда обязана быть на борту, и ты будешь выглядеть слишком странно. Пока, Лани.

Он тяжело зашагал по хлопающему песку, поднялся по сходням, и какой-то мальчишка в ярко-голубом задудел в горн.

Я снял китель, свернул его и зашагал сквозь промозглый город. На меня все равно оглядывались, тем более, что начался мелкий колючий дождь с градом. Но это было не главное... главное — куда я иду? Не знаю, разве у меня здесь что-нибудь есть? Все мои бывшие друзья остались там, в бабьем лете, все еще греются и перекалывают чемоданы и никак не отчаливают. Может быть, еще не поздно заглянуть к ним на пару минуток, согреться, а там, глядишь, придет и следующая весна? Не следующая, так последующая. Ведь места все равно когда-нибудь да освобождаются, кто-нибудь да погибает на трудном пути...

Я содрогнулся от ужаса: Господи, сохрани их всех целыми еще тысячу лет!

В конце улицы стояла часовня. Должно быть, недавно выстроили — раньше не было. Раньше меня посылали молиться в самый конец города, в старую церковь, Капитан Дарль с чего-то считал, что мои молитвы доходят лучше других... Но это раньше, а как сейчас... Я выгреб из карманов все деньги, купил свечей и поставил их за счастливое плавание. Глядя на меня, несколько человек тоже подошли и поставили рядом свои.

Маленькие-маленькие свечки тянули кверху свои огоньки. Синий, золотой, белый — почти как...

Мне дан приказ: жить. Значит, я должен жить. Один. В давно уже чужом городе. И если те годы я провел без них, эти я проведу вместе с ними. Потому что не Капитан выбирает Дальних Матросов. Они сами выбирают себя, где бы они ни были на этой планете и в мирах. Они сами выбирают себя, а Капитан только объединяет их вместе...

Где-то тихо запищал телефон. Я не думал, что в часовне может быть телефон. Потом ко мне подошли.

— Как ваше имя?

Я сказал. Звонил Хоньч.

— Так я и подумал, что это ты. О чем именно ты там молишься? — угрожающе спросил он.

— О счастливом плавании,— сказал я.

— И все?

— И все. Может быть, еще я думаю о том, как вернее выполнить твой приказ: жить, оставаясь здесь.

Он помолчал. Потом угрюмо сказал:

— Будем считать, что я поверил. Через десять минут чтоб был здесь.

И бросил трубку.

Тогда я еще раз поклонился святым и побежал к набережной. Я понял, что он потерял матроса. Дальний Матрос, опоздавший к сроку, мог быть только в двух местах. Там, где я был сейчас. Или там, где я был последние восемнадцать лет...

Я поскользнулся и чуть не врезался в этот адов забор.

«ОСТОРОЖНО: СВЕТЛОЕ ПРОШЛОЕ. КАПИТАН ДАЛЬНИЙ».

Капитан Дальний... нет. Приказ Капитана должен выполняться как есть, без излишней самостоятельности. Я побежал к Неприступной. Но первое, что я скажу Хоньчу, будет просьбой пустить меня к этому безумному матросу, который, конечно, еще не знает, что его ждет...

Хоньч стоял у причала мрачной фигурой и смотрел, как я бегу к нему. Китель я по-прежнему держал под мышкой.

— Нет,— ответил он, даже не дослушав меня до конца.— Иди в пятый отсек к Тиоко.

Я колебался. Хоньч сказал:

— Оттуда нельзя никого выгнать. Они поломаются на первом же прыжке... Тебя что-то смущает? Если ты не уверен, то лучше останься. Мне совсем не надо, чтобы какой-то наш матрос мысленно жил возле этого забора и вклинивал в нашу работу его щепки. Это всегда плохо кончается.

Он замолчал и посмотрел вдаль, туда, где темное небо сливалось с темной водой. И тогда я понял: все дело в том, что это был мой друг Хоньч, с которым мы когда-то жгли огарки, который, правда, таскал с кухни черствый хлеб. Я помню, как он дрожал перед контрольной, как ревел на моем плече в час отчаяния. А теперь он старше меня на восемнадцать дальних лет, а я никак не могу этого вместить. Пожалуй, он уже тогда был опытней меня, а я и теперь не могу признать в нем Капитана... И все мои младшие помощники, конечно, тоже уже давно не младшие... И теперь я буду выполнять приказы хрупкого, но отчаянного Тиоко, а не он мои. О великий Дальний Корабль! Единственное бессмертное, что есть на этой земле...

— Я не уверен в тебе,— сказал Капитан.— Но я часто в тебе не уверен, а иногда ты поражаешь меня в последний момент. Решай сам.

Он пошел по сходням, а я стоял и думал. И это было мучительно. Я стоял возле Дальнего Корабля и думал! Дальний Капитан звал меня, а я думал! Работы было невпроворот, а я думал. Я сам не пускал себя на Дальний Корабль! Потому что где-то у меня были какие-то мифические друзья, еще не совсем мертвые друзья, и я не мог их оставить, хотя давным-давно был им не нужен! Потому что где-то у меня был незнакомый мне матрос, которого тоже засосала в себя пристань Светлого Прошлого. А еще, если уж быть сострадательным, почему бы мне не начать вытаскивать оттуда всех? Провести там всю жизнь, уговаривая, убеждая и рассказывая про Дальние

ейсы, тогда как там, в рейсах, кому-то ежеминутно нужна моя помощь!..

— Кэп,— сказал где-то наверху тихий голос Тиоко,— Кэп, я ничего не понимаю. Те, горожане, — тебе понятно. Они ничего не видели. Они ничего не знают. Но наши? Почему ломаются наши? Они знают свойства времени. Они знают Дальние Звезды. Почему, заболев, они не могут поставить себе диагноз?

— Однажды,— еле слышно ответил Хоныч,— Капитан Дарль сказал мне то, что я очень сильно запомнил... Он сказал: «Лани попал на Корабль только потому, что спасал тебя. Он проходит через прыжки только потому, что любит меня. Он многое выдерживает только потому, что понимает, как худо нам пришлось без него. Но он не соизмеряет свои силы, и это плохо. Ему нужна дисциплина. Он должен когда-нибудь понять, что он не может быть сразу везде и что нужно выбрать что-нибудь одно, иначе просто разорвет. Иначе нам снова и снова придется тратить силы, чтобы после его подговоров вытаскивать его с того света. Но вся трудность в том, что это невозможно объяснить, это можно только почувствовать самому. Ты устремленный луч, Хоныч, монолитный луч, пробивающийся в остраницах, а он — многозвучная радуга от одного края до другого. Когда-нибудь он будет соединять миры. При одном условии — если он живет до этого дня, а не растает, рассредоточившись и распавшись». Я спросил: «Кэп, но как помочь ему?» Он сказал: «Никак. Делай свою работу». Так вот делай свою работу, Тиоко...

...На пятую ночь Капитан трубил сбор.

— Вольно!— сказал он.— Справа по борту— принять Светлого Прошлого,— и отошел.

Мы облепили борт. Да, это была та самая причина, только не со стороны города, а из другой грани, которую мы вошли вчера днем, изменив обычный ритм.

Забор был тот же. Только не было никакого бабьего лета. В грязи и тине лежало множество чемоданов, и на них вповалку спали, постанывая и почесываясь, тучные тела. Я пытался разглядеть среди них тубого матроса, но темень была не та, чтоб видеть эта. Луч прожектора доползал до берега, но там совершенно гас.

— Капитан, а что там днем? — спросил я, пробившись к нему.

— Если смотреть отсюда, дня там не бывает,— сказал он.— Там ничего не бывает... Лани, я себе тогда нос сорвал, я тебе до самого отплытия кричал, но ты этого не слышал!

— Кэп,— сказал Тиоко, пристроившись с другой стороны,— Кэп, а может, нам выжечь это кладбище, а? Нам нужна городу эта чума? Кэп, послушай, ведь как Дальние, имеем на это право.

— Нельзя,— ответил Капитан.— Ведь все-таки от нас возвращаются. Хоть и редко. Там люди! Люди, умираешь?

— Нет, не понимаю! — горестно воскликнул Тио-

ко.— Разве это люди? А то, что они город заражают, это что, ничего, пускай?! А в городе — не люди, да?

— В городе есть храм. Есть музеи. Есть Рассветная бухта. Каждый идет туда, куда хочет. Почему ты хочешь лишить кого-то выбора? Эти люди точно так же валялись бы в любом конце земли! Просто тут они собираются вместе. И не мешают живым.

— Неприступная бухта,— горько поправил Тиоко.

— Не хнычь,— сказал Капитан.— Половина из этих тел когда-то рвалась на наш Корабль. Их манили легенды и звезды, а стоять по трое суток без сна в вихревых гранях и при этом ни мгновения не досадовать на тех, кто читает в кубрике книги, — об этом они совсем не мечтали. Что бы здесь было с такими? Как бы мы зажгли с ними Дальние Маяки, как протянули бы Дальние Струны? Что стало бы с городом без этих струн, об этом ты подумал? Неприступная бухта! Она для всех неприступная одинаково, но как-то же все мы сюда попали! А там, на деревянном заборе, и без того есть надпись, никто не скажет, что он не ведает, что творит... Хватит! Миновали. Пора прибавить скорость и уравновесить бортовое время.

Он поднял рупор, и матросы разбежались по своим местам.

— Готовность номер четыре — будем входить в утро! — крикнул он.

Я уже летел вниз по лестнице, а рядом мелькали в рдеющем мраке голубые куртки со светящимися нашивками. Через полчаса нам предстоял первый прыжок в завтра. А прыжки, пожалуй, — самое сложное. Потому что острее всего приходится сталкиваться с самим собой — с отжившим уже, вчерашним собой. И себя, вчерашнего, нужно одолеваять до конца, иначе там, за прыжком, ты рискуешь выпасть из времени и оказаться не у дел. Тебе просто не доверят ни одну работу, и ты будешь беспомощно сидеть в кубрике, пока остальные одолевают соленые ветра. Как бы нынче там не оказался я!..

Пока Капитан доверил Тиоко и мне распределительный блок. Мы двое будем решать, куда направить энергию, если будут какие-нибудь сбои. Это мы-то двое: Тиоко, который всегда жаждет разделиться с чем-нибудь поскорей, и Лани, который старается, чтобы хотя бы по капле хватило на всех. Ох и жарко будет нам тут, если вдруг сбой! Поэтому я без конца молюсь, чтобы сбоев не было, и проверяю все по тысячу раз на дню, так что надо мной уже хохочет весь корабль. Пусть хохочут, главное, чтобы не было сбоев...

Техника шла, как часы — с медленным ускорением. Сам я за ней запаздывал. Но ничего. Сейчас... Я сосредоточился и медленно пошел в утро через огненный пульс пространства, обгорая в зовущих лучах. Рядом шагал Тиоко, хмуря свои тонкие брови. Если мы оба пробьемся нормально, потом нам будет легче. Но баланс я все равно буду проверять так же тщательно.

Корабль вымирал из сегодняшнего дня, чтобы родиться в завтрашнем.

Откровение

Я знаю, что буду в аду
 За бесовский огонь в глазах.
 Но пощады от Бога не жду
 И не чувствую черный страх.
 Пряный мед поцелуев моих
 На губах оставляет вкус.
 Если вам посвятила стих,
 Значит, ночью не раз приснюсь.
 Кто ушел от меня — грустит.
 Но обратного нет пути.
 Не прощаю я горьких обид:
 Вам искать меня — не найти.
 Ворожу я — в звездной ночи
 Загорятся мои глаза,
 Словно искры в жаркой печи.
 И забыть их никак нельзя.
 Я — колдунья. Судьба меня
 Долго будет полынью поить.
 Только эта цена мала
 За великий талант любить.

* * *

М.Цветаевой

Сказала ты Мандельштаму:
 «Мой голос впервые тих...»
 Нынче словесной гамме
 Робко вторит мой стих.
 Мы непохоже похожи,
 Близки и далеки.
 Холод кусает кожу,
 И не коснуться руки,
 Не задержать упреком
 В дрогнувшей тишине.
 Мозг обжигает током:
 Вспомнят ли обо мне?

* * *

Я твоих не целую рук.
 Там, где стоит смолчать, кричу.
 И дверной пронзительный стук
 Примирения тушит свечу.
 Но сейчас я прошу: прости
 За соленые капли из глаз.
 Мы должны быть вместе в пути.
 Мама, каюсь в который раз!..
 Прислонюсь к твоему плечу

И, как в детстве, заплачу навзрыд.
 Мама, милая... — прошепчу, —
 Нам не нужно больше обид.
 Нам нем нужно бессонных ночей
 И пустых, бесполезных ссор.
 Нет проблемы отцов и детей:
 Мы с тобой разрешили спор.

Телеграмма домой

Всем перекошенным избушкам
 Пою я славу.
 Мой гимн — брошенным игрушкам,
 Родным дубравам.

Восторг щенячий — табуретке,
 Дивану, пледу,
 Родным, котенку и соседке, —
 Я к Вам приеду!

Я буду взбалмошною чайкой
 И блудной дочкой.
 А вы, как водится, скучайте,
 Встречайте. Точка.

* * *

Я чувствую себя в долгу
 За хлеб и воду,
 За эти строки на бегу,
 За непогоду.

За то, что я живу, пою,
 Смеюсь и плачу,
 За радость каждую мою
 И неудачу,

За первый вздох (и на него
 Налог наложен).
 Я не смогу вернуть всего,
 Прости мне, Боже.

Но каждый, будто кредитор,
 Свой вексель множит,
 И, вынося мне приговор,
 Долги итожит.

Берите жизнь, берите смех —
 Плачу собою.
 Но, разделив себя на всех,
 Долги покрою ль?

Военная карта
 Времен Бонапарта
 Расписана мною в учебнике.
 Я, сидя за партой,
 Иду по Монмартру
 И платье трепещет вечернее.
 Ваш голос не слышу.
 А небо все ниже,
 И звезды в ладони просятся.
 Парижские крыши...
 Пожалуйста, тише:
 Мечты безвозвратно уносятся.

* * *

Научилась не спрашивать.
 Коль захочешь — ты сам...
 Научилась окрашивать
 Солнцем жгучий бальзам
 Ран душевных. От горестей
 Научилась лечить...

Отчего же не хочется
 Больше верить и жить?

* * *

Россия — состояние души.
 Россия — состояние тревоги.
 Не сточены мои карандаши,
 Не пройдены еще мои дороги.
 Но это бесконечное тепло,
 И это беспросветное раздолье
 Всегда меня на родину влекло,
 Хоть русский хлеб не с солью был,
 А с болью.

* * *

Тобой ли я покинута, собой ли?
 Безрадостны душевные поля.
 Накинь на плечи мне меха собольи,
 Укрой меня, российская земля.
 Я пред тобой в долгу за вдохновенье.
 За вздохом — вздох. И я — твоё дитя.
 Прими мои признания-прозрения.
 Позволь уснуть, во мглу твою летя.

* * *

Я не самый легкий жребий.
 Обо мне не скажешь: брошен.
 Пусть лежит среди отребий,
 Но сверкнул стихи из ножен.

Я сожму клинок булатный,
 Окуну его в чернила...
 ...Ухожу тем безвозвратней,
 Чем сильнее тебя любила

* * *

Соломонова дочь. Заклятье
 Повторяю, что все пройдет.
 Примеряю новые платья.
 Может, красное подойдет?
 Не пишу больше томных песен
 И не вкладываю в конверт
 Пятый месяц, десятый месяц,
 Триста сорок четвертый день.

Безнадежно и иступленно
 Рву оковы морских узлов.
 Якорь, в сердце мое вонзенный,
 Крепко врезался, до основ.

«Все пройдет», — я твержу устало,
 перемелется, отболит.
 Я уже равнодушной стала —
 Равнодушной могильных плит.

Но сомкнулось кольцо на сердце.
 Как проклятье слетает с губ:
 Все пройдет. И посыпан перцем
 В раны этот хрипящий звук.

* * *

Помнишь, недавно совсем хотели
 На электричке в сосновый лес
 Или зимою на карусели...
 Да мало ль еще для влюбленных мест?

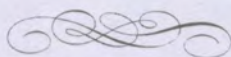
И отдавали часы телефону,
 Словно подростки, как в первый раз.
 ...Странно, сегодня почти незнакомы.
 ...Странно, я даже не помню глаз.

* * *

Телефон онемел от боли
 И пустых разговоров ночью.
 Отпустила тебя на волю,
 Хоть любила тебя воочью.

Mail-box, раздутый от спама,
 Разорвало от безнадеги...
 А меня холодят пихама
 И безвкусные позы йоги.

А в подъезде почтовый ящик
 Виновато мне скрипнул дверцей...
 Я молилась о настоящем...
 ...и тобой проколола сердце...

ШУКШИНСКИЕ ЧУДИКИ: ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

*«Чудик обладал одной особенностью:
с ним постоянно что-нибудь случалось.
Он не хотел этого, страдал,
но то и дело влипал
в какие-нибудь истории
- мелкие, впрочем, но досадные».*
В. М. Шукшин. «Чудик».

Алтай поражает воображение бескрайностью пашен, расстилающихся во все стороны до самого горизонта. Причем чаще всего без лесов, похожих на швы, скрепляющие лоскуты пространства, без несметного числа деревушек. Здесь ничто не ограничивает твой взгляд деталями — воспринимается нечто одно неделимое, целое. За Уралом вообще Россия выглядит как-то по-другому. «Широка страна...» — это не про юг, запад России или Подмоскovie. Это про те места, с которых начиналось освоение новых земель.

В Сибири, в целом на востоке страны, враз осознаешь свою принадлежность матушке-Природе. С одной стороны, ты — песчинка в этом сохранившемся еще мире первородства и безмолвия, с другой — твоя самоценность (по Пушкину: «в самостоянье человека — залог величия его...») и общественная значимость во многом определяются умением взаимодействовать с Природой. Именно с ней, а не с достижениями цивилизации, как это чаще всего бывает на «большой земле». Видимо, просторы высвобождают творческую энергию.

Люди — на улицах городов и поселков, в транспорте, на базаре, на Чуйском тракте, на берегу горной речки — встречались мне простые внешне, но... в глазах у них нет-нет да мелькала какая-то лукавинка, в речи звучало меткое, нестандартное словцо. И я всякий раз искал среди них шукшинских героев — чудиков.

Тридцать лет нет уже на земле Шукшина. Те, кто его знал, а также прототипы его героев повзрослели, постарели, а то и ушли уже из жизни. Кто в живых — чаще всего в расцвете сил. Эти люди, добрые и наивные в советское время, когда казалось, что эти черты характерны и привычны для всех людей, живущих в одном государстве, сегодня кажутся... Не хочется сказать жалкими. Кажутся и являются какими-то не такими, не укла-

ЮБИЛЕЙ

Владимир Федорович Олешко, профессор Уральского государственного университета. В «Уральском следопыте» печатается впервые.

РЕКА ВРЕМЕНИ

дывающимися в современный «российский капитализм» — до сих пор дикий и безжалостный к «инакоживущим».

Одна из местных жительниц пошутила:

— Вы знаете, все жители нашего края смеются над одной несуразностью, а государственные мужи, похоже, совсем лишены чувства юмора и не понимают, в чем здесь суть. Вот вы поедете и увидите, подъезжая к Сросткам — родине Шукшина: огромными буквами написано: «Музей-заповедник В.М. Шукшина». Мы смеемся: шукшихных сегодня со всего Алтайского края загоняют туда, чтобы по такой жизни их не отстреливали...

Неужто люди, те самые чудики, о которых мы только читали, сегодня могут выжить только в заповеднике? И всегда ли в словах современных политтехнологов звучит только ругательством метафора, обращенная к тому или иному региону: «Да вы там заповедник социализма!» И плохо ли, когда душевные отношения между людьми определяют не равные экономические (читай — имущественные) возможности, не социальное положение, не чувство землячества, не даже образование с жизненным опытом, а интуитивно верное ощущение человеческой доброты и порядочности?

Вот откуда мое желание рассказать о наиболее памятных алтайских встречах.

МЕДИК ВЕРА

(исповедь счастливого человека)

«Люди, они ведь как — сегодняшним днем живут, — рассуждал Баев. — А жизнь надо всю на прострел брать. Смета!.. Какой же умный человек примется рубить дом, если заранее не прикинет, сколько у него есть чего. В учетном деле и называется — смета». «Беседы при ясной луне».

Студентка медицинского университета Вера Молодцова ехала домой на каникулы. Поезд уже выдвигал последние две сотни километров до ее станции. Вера словно лучилась радостью — такое открытое, нескрываемо счастливое выражение лица сегодня встретишь не часто. Слово

уна слово, разговорились — дорога ведь располагает к откровенности. Но здесь было что-то дружелюбное. Я спросил об Алтае, Шукшине, его чудиках... Вера в ответ широко улыбнулась: «А я ведь есть первый чудик на Алтае. Мне так одноклассники на вечере встречи недавно сказали».

Поезд был почти пустой, сезон отпусков

двигал людей в обратном направлении, поэтому эти три часа нам никто не мешал, не нарушал атмосферу исповедальности.

— Я не хотела учиться в том заведении, куда меня... ну, в общем, устроили родители. У меня не было возможности — ни денег, ни собственного угла, откуда все это в 16 лет? — чтобы поступить туда, куда я хотела. Десять лет прошли, как во сне. Жила одним днем. Я сейчас иногда пытаюсь вспомнить, чем я занималась в тот или иной месяц, год и — не могу. В результате только сейчас, когда мне 27 лет, всё пошло путем: учусь на лечебном факультете, получаю сумасшедшее удовольствие от жизни, познаю желанную профессию. У меня есть любимый человек, с друзьями мы взаимоприятимы, а каждый день заполнен до минуточки. Засыпаю порой, и в голове проносится: «Господи, какая же я счастливая». Выгляжу я даже старше своих лет, поэтому некоторые крутят пальцем у виска — мол, чудит, это сколько же дипломированному врачу через пять лет будет?

Я в этом состоянии душевного равновесия теперь простила всех и вся, пусть и меня простят — раньше не ведала, что творила. А ведь со мной два года родители не разговаривали. Это когда я замуж вышла, пединститут бросила и от бедности на рынок пошла торговать. Потом один паучок богатенький два года мне голову морочил, при нем живой мебелью была. Помните, у Чехова: «многоуважаемый шкаф», — так это про меня, тогдашнюю. А в офисе я какой стервой секретарствовала?.. Теперь понимаю, что это было от дефицита чувства самоуважения. У Шукшина есть такой документальный рассказ — «Кляуза». Василий Макарыч тогда лежал в кардиологической клинике, и вот вахтерша к нему родственников не пускает. Крик, гам, скандал. А люди подсказывают: «Ты дай ей 50 копеек, она и пропустит». Мудрый Шукшин в ответ: «Я дам, ты, другой даст — она и подумает, что в этой жизни она что-то значит для нас всех. Ей ведь не копейки нужны...» Это я сейчас

Дом детства в Сростках.

СОЛНЦЕ, КАТУНЬ И СМЫСЛ ЖИЗНИ

поняла, что семьи рушатся, конфликты в жизни возникают чаще всего из-за этого самого дефицита. Человек хочет уважения, любви, признания от других, а сам и пальцем не пошевелит, чтобы стать лучше хоть на йоту, парит по жизни, как самолет на автопилоте заданного родителями направления и случайностей...

И еще. Как часто мы боимся осуждения общества, недовольства близких, которые, как они говорят, желают нам добра. Но ведь они все хотят преподать нам жизненные уроки так, как видят их сами. Хотят, чтобы мы не совершили тех ошибок, которые совершили они. Но мы должны пробовать, ошибаться, иначе никогда не сможем сказать своего слова в этой жизни. Добились ли того, к чему шли, реализовали ли заложенное природой, преодолели ли те трудности, которые уготовила судьба и которые формируют характер, отстояли ли, наконец, право на настоящую любовь?.. Вот мне раньше часто было страшно от нереализованных планов — жизнь-то человеческая такая короткая. Только осознаешь это не сразу.

А в течение тех десяти лет я часто ловила себя на том, что перестала мечтать. Полет фантазии у нас ведь нередко ограничивается реальными рамками: это можно, это нельзя, это не получится никогда. А почему не получится? Ты ведь не пробовала это сделать? Я много читала, размышляла на эту тему. Вот в советское время молодых учили на подвигах героев. Но почти все эти «люди-образцы», в конце концов, погибали или лишь через много-много лет обретали желанное. Значит, молодых чаще всего учили не жить, а умирать достойно.

Я же теперь по себе знаю: человек может все, только вот если очень сильно захочет. Если будет прилагать к этому прежде всего собственные усилия. У нас ведь у большинства людей до сих пор менталитет какой...сиди 33 года на печке — счастье само на тебя свалится. Случайно же на тебя только птички какают. Даром ничто не дается — за все нужно платить. Кто-то платит потерей родственных связей, душевной близости, одиночеством, кто-то вселенской нищетой, я заплатила десятью годами прожитой не моей жизни. И не жалею, что все так обернулось.

Вагон судорожно дернулся последний раз и замер. К нему подбежал розовощекий парень, улыбающийся так же широко, как Вера, и неуловимо похожий на нее.

— Брат? — зачем-то спросил я.

— Не-а, — покачала головой моя попутчица. — Любимый.

А потом без перехода:

— Я ведь о главном не сказала: у нас в январе будет ребенок. Как раз после зимней сессии...

Парень одним махом снял Веру прямо со ступенек, а поезд уже через несколько мгновений поплыл мимо полустанка.

«Только вечерами наступала прохлада. И тогда на берег стремительной реки Катунь выходил древний старик, садился всегда на одно место — у коряги — и смотрел на солнце. Солнце садилось за горы. Вечером оно было огромное, красное.»

«Солнце, старик и девушка»

В Горный Алтай мы приехали в самый жар. Поэтому знакомство со столицей начали с редакционного чаепития. Здесь-то журфаковка УрГУ Надежда Николаевна Гайсина (сокурсники ее помнят как Каширину), ныне редактор республиканской газеты «Звезда Алтая», и познакомила меня с журналистом Володей Шадриним, охарактеризовав его: «В одном лице — наш горноалтайский Гиляровский, и Песков, и братья Аграновские».

Чуть позднее Надежда Николаевна спросила: «Хотите реку-матушку Катунь послушать?» И через час мы уже были у дорожного указателя «Манжерок». Помните популярную песенку: «Расскажи-ка мне, дружок, что такое Манжерок? Может, это городок, может, это островок...» Оказывается, именно близ этого села в 1968 году прошел фестиваль советско-монгольской дружбы. Фестиваль канул в лету, а песня живет до сих пор. Местные жители этому только рады. Многие ведь в эру повальной в республике Алтай безработицы живут сегодня только с туристического бизнеса. А преуспевающее ранее сельскохозяйственное производство, впрочем, как и во многих регионах России, разрушено местами почти до основания. В день нашего приезда, к примеру, почти все начальство республики волновал один вопрос: что делать с... верблюдами. Судебные приставы конфисковали пятьсот животных у местного, ранее шибко знаменитого хозяйства. Верблюды редкой породы, могут жить только в этом климате, они вообще последние в республике. Надо кормить, ухаживать... Кто будет этим заниматься? Не налоговая же инспекция!

В Манжероке же были и неповторимой красоты пейзажи, и памятные места, и родник с серебряной водой, и местные легенды, где исторические реалии прочно переплетены с древним алтайским эпосом.

...Наконец наступила желанная прохлада. В теплый горно-смоляной дух сосны вторгся привычный сегодня для россиянина предвестник застолья — шашлычный дух. Покуривали в стороне. И тут-то Володя, рассказывая мне о целебной силе местной природы, вдруг враз посерьезнел:

— Я ведь многое видел, испытал на себе, в общем, хоть и нет пятидесяти, но два года назад пришел к печальному итогу: разрушил себя настолько, что, не поверишь, лежал пластом и мечтал лишь о быстрой смерти. Потерял главное — желание жить

В.Шукшин (в центре) с актерами и родными на Катунь.

ди, не по-людски. Видите два коттеджа. Им и года нет. Поили дедушку до тех пор, пока он в беспомощности за бесценный домик у реки, а вскоре на этом месте настоящие дворцы выросли. У реки селились и жили его предки, а тут враз нарушили течение истории, родовину отрубили. Я не пророк, но река у новых русских заберет вскоре кого-то...

Ит-то буквально принесли меня на руках в домик на берегу Катунь — к Анне Ивановне. Вот ты все про чудиков... Она, конечно, на вид чудная, но для нас как раз мы все, нет-нет да теряющие нить жизни, чудики. Пойдем, здесь недалече, познакомлю.

Анна Ивановна Горемыкина — женщина на вид лет сорока пяти-пятидесяти (ровесница!), стройная, в волосах ни сединки, зубы ровные. На самом деле ей уже семьдесят. Босая. Взгляд прямой, с лукавинкой.

— Смотри, вода Катунь вдруг поперек начинает течь: это особинка такая. Так вот, нашего терпения жизни ровно столько же. А остальное, огромная вина, — это различные жизненные обстоятельства, которые нужно уметь пережить, иначе утонешь, как и тут у нас люди, не знающие норы горной реки. Вот сунь руку: вода ледяная, а в ней вдруг теплый источник. У нас здесь все с секретом.

«Солнце садилось за горы. Вечером оно было розовое, красное...» Это из Шукшина, рассказ «Солнце, старик и девушка». Говорят, Василий Макарович задумал его здесь, когда снимал на маньчжурской натуре сцены из фильма «Ваш сын и брат» в том месте — в обязательной экскурсионной программе для приезжих).

Анна Ивановна сидела неподвижно, но говорила так, что мгновенно становилось понятно, почему ее знаменитый земляк именно этими горами похвастался:

— Синюха облака нарезает порциями, посмотрите, какие они разные после нее. А Воструха из этих самые баски на круг пускает, чтоб полюбоваться успели.

Потом вдруг вздохнула:

— А с другой стороны реки уже не наша земля. Только по географии, там Алтайский край, а здесь республика Алтай. Говорят, землю эту купили, будут приезжать большие люди с большими кошельками. А чтобы им никто не мешал, недавно охрана выстроила все лодки на нашем берегу продырявила. Но они делают и по эту сторону, прости им, Госпо-

На заходящее солнце она могла смотреть не щурясь. Это и удивляло и почему-то пугало меня, как будто присутствовал при таинстве шамана, о котором чуть раньше рассказывал муж Надежды Николаевны — тоже Володя.

— Другой пример. Рядом бабушки Шуры домик. Ей почти сто лет, и она не знает до сих пор, где у ней печень и как это можно лечить зубы. А все оттого, что живет в ладу с природой и на своем месте. Его ведь можно искать всю жизнь, менять профессии, города и веси, и не зная, отчего преследуют неудачи.

— Значит, самое страшное — не найти это место?

— Нет, самое страшное — умереть непрощенным. Вот, не дай Бог, но начнутся несчастья у богатеев, обманувших дедушку. Рано или поздно они проклянут это место, будут колесить по свету в поисках иной доли, а деда, который мог их спасти, уже и в живых не будет. И они помрут непрощенными, и на их родных тень несчастий снизойдет.

— А в чем тогда смысл жизни?

— Каждый день искать ответ на этот вопрос...

Сын Анны Ивановны — Алексей, по отцу Полтавец, запалил костерок, вокруг которого нам разом стало невероятно уютно. Он слушал маму так искренне, словно в первый раз видел. Тоже босой, небритый, голос хриплый, прищур завязанного хитрована. Рассказал о последнем своем путешествии, которому посвятили сюжеты почти все центральные телеканалы и газеты:

— А чего там особенного. Лодку построил, запатентовал, чтоб не мокла, парус приделал и... пошел вниз по реке до устья Иртыша. Почти полтора месяца плыл. Хотел до Салехарда, да морозно уже стало. Множество хороших людей видел — плохие-то прячутся по домам, а хорошие у воды любят селиться или просто бывать. Возле Новосибирской ГЭС чуть богу душу не отдал. Ширина 35 километров, я посередине, а тут шквал. Всю ночь хлюпался. Уже молитву читал... Вынесло.

Мама в 1996 году стала академиком Военно-

медицинской академии экстремальных ситуаций (есть, оказывается, и такая, конечно же, самостийная):

— А я на себе проверила экстремальные ситуации. После падения у меня половина тела была парализована. Потом я на этом случае защитила авторскую программу восстановления таких, как я.

— В чем суть?

— Это долго рассказывать. Самое главное, первые три часа после травмы не упустить. Далее найти в природе то, что нужно. Травы, фрукты, овощи. Меня соль и свекла спасли — ванны, свекольная постель. А еще свою и чужую ситуацию беды надо принимать с радостью... Да я если буду рассказывать, вы меня за сумасшедшую примете. Но ведь вот стою перед вами, а врачи говорили: через год в коляске ее увидите. В лучшем случае. В худшем — снимите, пока жива, фотографию на памятник.

— А как вы в себе открыли этот дар?

— Мы же из староверов, книги заветные и «ключик» есть. У меня бабушка прожила сто лет, принимала чуть не до последнего своего дня роды на дому. А я к тому же в одну рожу уходила в экспедицию пешком по стране на тринадцать лет. И сейчас нет-нет да брожу по крайнам, но теперь недолго — только подпитаться энергией. Это ведь только в одиночку можно сделать: вспомните схимников или монахов, владевших секретами эликсиров жизненной энергии. Начала в девяностом. Как опору потеряла. Да разве я одна тогда. Но у меня хватило сил оторваться и все сбросить, а большинство людей так в растерянности и живут с тех пор.

— А с кем ушла-то тогда?

— В одну рожу. То есть в одиночку. Владивосток, Хабаровск, Якутия. Парализованных ставила на ноги. Слышали о поющей бане? Часов 17–18 недужного паришь — и так неделю. Умеючи — спасешь, а не умеючи, да без дара живительного, — через полчаса до инфаркта доведешь. Многих на земле одна только тоненькая ниточка надежды на мою помощь и держала. Того же Володьку Шадрина. Как я могла не помочь?.. Ведь недуги людские — не только физическая немощь. То слово кто-то не такое сказал человеку, то сглазили, то рок предков кто-то несет в себе. А после излечения в каждом из людей еще и дар пробуждался — к рисованию, к пению, дар вещания...

— А с кем ушла-то тогда?

— В одну рожу. То есть в одиночку. Владивосток, Хабаровск, Якутия. Парализованных ставила на ноги. Слышали о поющей бане? Часов 17–18 недужного паришь — и так неделю. Умеючи — спасешь, а не умеючи, да без дара живительного, — через полчаса до инфаркта доведешь. Многих на земле одна только тоненькая ниточка надежды на мою помощь и держала. Того же Володьку Шадрина. Как я могла не помочь?.. Ведь недуги людские — не только физическая немощь. То слово кто-то не такое сказал человеку, то сглазили, то рок предков кто-то несет в себе. А после излечения в каждом из людей еще и дар пробуждался — к рисованию, к пению, дар вещания...

В тот день у Анны Ивановны на дворе были раскинута две палатки. Ирина из Питера с мамой

жили здесь с мая. Вечером девушка нам пела, читала стихи собственного сочинения, много шутила, смеялась. Володя тихо рассказал на ухо историю девушки, которую все звали «спящая красавица», а она на это только улыбалась. Училась консерватории, потом вдруг, внешне ни с того ни с чего, ее поразил страшный недуг такой неуверенности в своих силах, что она на несколько лет — всех буквально пряталась. Днем спала, ночью бродила тенью по квартире. Мать была в отчаянии. Здесь же — через неделю все как рукой сняло. Второй палатке жила с родителями девушка Та

На Катуні около Манжерока.

Тоже из Питера. Бывшая наркоманка, неделю как в психиатрической клинике...

О «семейной академии» Анны Горемыкиной газеты и телевидение не раз рассказывали. Санкт-Петербургский творческий Союз изобретателей и Ремесленная палата совместно с Государственным техническим университетом вручили ей недавно инноваторство даже специальный диплом. Хотя, не сказать, односельчане к этой шумихе и нестандартным землякам относятся весьма настороженно. «Одно слово — чудики». Но от приезжих отбоя нет.

Внешне суть гармоничного сосуществования людей с Природой и меж собой не сложна: водные процедуры, танец — физическое освобождение, раскрепощение, природные силы — травы и натуральные соки, постановка легкого естественного дыхания и избавление от дурных мыслей. Можно над «народным академиком» подсмеиваться, но иногда она такую пищу для размышлений подбрасывает!

— Я сейчас на стороне мужчин. Разрушители семьи, лада, традиций сейчас все чаще женщины

бывает. Она ведь свободу, свалившуюся на нее, не знает как реализовать.

— В чем счастье?

— В независимости от страхов. Вот мой сын Алеша недавно горел — лампа паяльная в руках взорвалась. А сплала я его только двумя словами: какое счастье, что жив остался.

— (?!..)

— На твоих глазах горит сын, что бы вы сказали? — обращается Анна Ивановна к моим спутникам.

— Господи, помоги!

— Это долго и... произошло на земле миллионы раз, слова как бы стерлись. Когда говоришь: «Какое счастье», — то принимаешь ситуацию с радостью, и к попавшему в беду страх не отправляешь, не парализуешь его силы. В стремнине Катуня тонут не те, кто физически слаб, а парализованные страхом и объятае ужасом окружающих. У Алеша же через две недели все раны зажили и волос отрос гуще прежнего. В детстве вот рассказик читали мне. Мальчик залез на высоченное дерево, а слезать-то страшнее и труднее. Мама-умница прибежала белая вся, а снизу кричит ему:

— Какой ты отважный, как здорово ты по деревьям лазаешь!

И давай его вести. Мальчик слез, и только потом она без чувств упала — ведь весь его страх на себя приняла. Представьте, что было бы, если бы она этот страх ему туда отправила.

...Уходили с берега за полночь. В голове, по правде говоря, было много сомнений насчет методик оздоровления и перспектив достижения вселенской гармонии с Природой. Но на душе спокойно. Володя Шадрин даже теорию под это подвел:

— На берегу Катуня сам шум реки целебный, он настраивает все твои органы, словно музыкальный инструмент.

«ВЯНЕТ, ПРОПАДАЕТ»

*«И пришла весна — добрая и bestолковая,
как нездзрелая девка».*

«Степка»

В Сростках, на съезде, мы покупали мед. Не дешево и не дороже, чем везде — просто был повод поговорить с земляками Шукшина.

— А что, дед, есть такие, кто помнит Василия Макарыча?

— Да полно таких. Вот хоть я. С этого и живем.

— Чего ж тогда так плохо память бережете. Писали, что мальчонки недавно где-то на чердаке дневники его и письма случайно нашли.

— Так оне ж с матушкой Марьей Сергеевной на селе, почитай, несколько домов сменили. Нонешний-то, где музей, самый справный, конечно, но он ведь его почти перед смертью ей купил.

— А кто лучше других сможет рассказать об именитом земляке?

— Жена.

— (?!)

— Жена его первая, Марья, в районном центре в Майме живет, это недалече.

С Марией Ивановной Шумской я так и не встретился, не жалует она никого сейчас, но ученики ее бывшие, в частности, Надежда Николаевна и ее одноклассники, кое-что рассказали. В местной, как говорят, «белой» (есть еще «зеленая») школе она много лет работала учителем немецкого языка, была классным руководителем.

— Невысокая, стройная, коса пышная, вьющаяся — настоящее чудо. Есть фотография, где она девушкой, как говорили в Сростках, Василия в армию провожает. Лубочное такое фото: он стоит, она сидит, и коса на земле кольцами... Русалочкой мы ее звали.

— В семьдесят четвертом шефы купили нам в школу первый цветной телевизор. Никто же таких не видел ранее. Народу сбегалось посмотреть... Ученики, учителя. И надо же — так, как сейчас, вижу: включили, а там передают: «Умер Шукшин». Марья Ивановна только вдохнула воздух: «А...» И упала, словно замертво. Еле откачали. Долго после этого болела.

— Недавно видела Марию Ивановну. Ходит в ветеранский хор, очень хорошо поет. Высокий, чистый голос. Помните любимую шукшинскую: «Вянет, пропадает». Даже рассказ такой у него есть. Я услышала в ее исполнении — уревелась... Живет с каким-то старичком, признается: «Ой, Надюша, так ведь сегодня выживать легче».

— Когда я повзрослела, однажды она, что было лишь раз в истории нашего знакомства, разоткровенничалась, рассказала про те годы. Как дождалась Василия из армии, и поехали они покорять Москву. Он — по своей киношной линии, она — в пединститут герценский. Оба поступили. Но вскоре молодая семья распалась. У меня хватило наглости задать вопрос, который нас всех многие годы мучил: почему? Мария Ивановна посмотрела так удивленно на меня и говорит: «А ему стало со мной неинтересно. У него началась другая жизнь. А я тогда не все могла осознать, не созрела». Кинематографическая судьба Василия Макаровича складывалась более чем удачно, а Мария с третьего курса перевелась на заочное отделение и вернулась в Горный Алтай. Но уже и в новом браке писал он ей письма, начинавшиеся: «Несравненная моя Машенька...»

— Мария Ивановна рассказывала, что и матери в детстве, и ей потом Василий не раз говорил, что все сделает, чтобы вырваться из «чертова круга». Так он и нищету деревенскую, и свою необразованность называл. Жертва этой странной, «чудной», по Шукшину, женщины, ни мгновенья не боровшейся за свою неземную любовь к нему, была, думаю, принесена еще и потому, что сама она не могла в духовном плане достичь его уровня. Почему-то мало кто знает, что до Федосеевой Василий Макарович был женат на дочери Анатолия Софронова — тог-

дашнего редактора «Огонька». Там дочка родилась, Катя. Именно Софроновы как бы ввели его в круг московской элиты. А Шукшину ведь не связи были нужны. Думал таким образом иного уровня осмысления жизни достигнет — ларчик же пуст оказался. А за гордыню свою он, на склоне жизни, корил себя.

— Больше всего земляки не любили его при жизни за то, что показывал их чужаками. Я была на одной встрече с режиссером, и вот друг за другом местные жители говорили: «Разве мы идиоты какие, чтобы себя в хануриках узнавать...», «Мы что, и дорогу-то в город расспросить толком не можем?», «Что, и бабы наши дуры, чтобы первому поперечному верить?..» Василий Макарович слушал, слушал, да как расхохочется. Все замерли от удивления, ведь только что скандал назревал. А он, как сквозь слезы: «Любовь ведь и сухой бывает». Что хотел сказать?..

С одного края небо уже очистилось, голубело, и близко где-то было солнышко. И дождик редел, шлепал крупными каплями в лужи — в них вздувались и лопались пузыри. Мы шагали к вокзалу, поскольку наступил день отъезда, и Валентина шпарила наизусть шукшинских «Чудиков». Все эти дни она была моим добрым ангелом-хранителем.

Вообще-то Валентина Дмитриевна Мансурова — человек непростой: декан факультета журналистики Алтайского государственного университета, на днях защитила докторскую диссертацию по философии, автор книги, вызвавшей переполох в научных кругах. Кстати, тоже выпускница журфака УрГУ 1975 года. Но, как я понял, тоже чудик. С мужчинами у нее взаимоотношения сложные. Сына, например, воспитала так, что он ни разу не спросил, а где его отец. Была ведущим журналистом преуспевающего СМИ — все бросила ради абстрактной в глазах прагматиков науки. 12 лет по совместительству работает в Государственном музее истории, литературы, искусства и культуры Алтая. Вместе с Т.И. Вараксиной, ныне директором музея, начинала его с нуля. Последняя ее месячная зарплата, причем, самая большая за все годы — 700 рублей.

Пытается мне объяснить, почему до сих пор живет на Алтае, хотя вся родня за Уралом:

— Сибирь, впрочем, как и в целом Россия — не только расстояние, но и состояние души. Вот я была недавно в Европе. Нам что-то весь день рассказывали об истории Нидерландов, показывали, и вдруг вечером ловим по радиоприемнику: «На Алтае обмолот хлеба идет на третьем миллионе гектаров...» Я это сразу представила — и аж дух захватило. Мне в Европе сразу стало тесно... Ведь мой Алтай во всех измерениях — центр.

Оказывается, в XIX веке Барнаул был удивительно театральным городом, здесь было 18 театров. Причем играли классику — на французском, английском, немецком языках. И были зрители! А кто

сегодня в России знает писателя-титана, по мнению знатоков, уровня таланта Л.Н. Толстого — Георгия Дмитриевича Гребенщикова? Просветитель, новатор, патриот, белогвардеец. Эмигрировал, поэтому был вычеркнут из отечественного литературоведения. А он в Америке издал 18-томную (!) эпопею истинно российской жизни — «Чураевы». Поразившие нас когда-то и любимые многими «Тени исчезают в полдень», «Вечный зов», по мнению тех немногих россиян, кто знаком с многолетним, — бледные отголоски характеров, судеб, истории родов многих россиян. Сейчас именно алтайскому музею наследники передали его архив.

Земляки играют героев Шукшина.

Н.К. Рерих в начале XX века начинал здесь свою гималайскую экспедицию: поиск Шамбалы — страны обетованной, где человек близок к Богу, где ему открывается истина. И не случайно он потом поселился в Гималаях, в Индии. Вершина мира — это не просто литературная метафора. Потому что, по мнению даже современных специалистов, — именно там находится энергетическая точка планеты. А вторая точка — Беловодье, это на Алтае, в Усть-Коксинском районе. Старобрядцы после раскола тоже совсем не случайно шли именно туда. Многие рериховские архивы тоже, кстати, ждут компетентного анализа именно в «музее энтузиастов» Вараксиной-Мансуровой, как пошутил на эту тему один очень большой местный начальник. (Только непонятна была интонация, с которой это произносилось. По-моему, звучала некая зависть).

Валентина странно-смешно притопывала, рассказывая мне про перипетии своей защиты, про встречи с Георгием Бурковым и Ринитой Григорьевой — друзьями Шукшина, про то, как везли с приключениями из Питера в свой музей понравившуюся огромную хрустальную люстру... Пора было останавливать — мы подошли к вагону. И я пошутил:

— Миль пardon, мадам!

И тут же пожалел, что сбил тональность. До отправления оставалось целых пять минут, а рассказчик она была редкий.

ТВОИ ЛЕСНИЧИЕ, РОССИЯ

Юрий Арсентьевич Виноградов, бывший помощник лесничего Кушвинского лесхоза (1975–1982 гг.), член Союза писателей России.

1

Сенников Евгений Никонович, лесничий Верхнетуринского лесничества Кушвинского лесхоза Министерства природных ресурсов Свердловской области, родился 5 августа 1936 года в деревне Зотенки Свечинского района Кировской области. В семье был последним, четвёртым ребёнком. Шести месяцев от роду остался без отца, который трагически погиб при разборке церкви, организованной «воинствующими атеистами».

Мать, простая колхозная крестьянка, осталась с четырьмя малолетними детьми на руках. Незавидной была её доля: работа — «от зари до зари», без выходных; ни рубля за тяжёлый, изнурительный труд на колхозных полях и на ферме; все работы вручную; на сон — три-четыре часа летом и пять-шесть — зимой. А когда началась война, семья пополнилась беженцами, эвакуированными из вражеского тыла. Две семьи стали жить в одном крестьянском пятистенке, одна помогала другой чем могла.

2

Едва Жене исполнилось семь лет, мама собрала его в школу. Школа-семилетка находилась в пяти километрах от его родной деревни, в селе Ивановском. Приходилось ходить по бездорожью, пробираться лесом и оврагами. Для семилетнего ребёнка участь жутковатая и даже опасная: в окрестных лесах рыскали голодные волчьи стаи, зимой нередко слышался их протяжный, леденящую душу вой. (Война даже диких зверей согнала с насиженных мест: были волки брянские, а стали вятские).

Но семь лет пролетели быстро и незаметно. Успешно закончив школу, подросток поступил в восьмой класс: уж очень хотелось ему получить аттестат о полном среднем образовании — аттестат зрелости, как тогда его называли. Средняя школа находилась в другом селе, ещё дальше, в пятнадцати километрах. Даже в нём, как и в Жениной родной де-

ревне, об электричестве и понятия не имели — керосиновая лампа была самой обыденной вещью в каждом доме. Жил у родных на квартире, каждую субботу приходилось отправляться домой за недельным запасом продуктов. Но дорога его уже не пугала: завьюженные лесные тропы, по которым он с раннего детства шагал в школу и обратно, закалили его характер, научили ориентироваться на местности и даже пробудили в нём интерес и любовь к природе, к лесу. Аттестат зрелости он получил одним из очень немногих: годы послевоенной разрухи, когда для возрождения городов и крупных предприятий из деревни «выгребали» всё, что в ней имелось, давали знать о себе по всей Волго-Вятке и Нечерноземью, — многим ребятам приходилось бросать школу, чтобы помогать родителям.

Уже когда Женя заканчивал школу, один из учителей посоветовал ему съездить в столицу Урала и попытаться поступить в лесотехнический институт. Совет пришёлся парню по душе.

Однако в Свердловске Евгения постигла досадная неудача: по результатам вступительных экзаменов он не добрал до «проходной» суммы один-

единственный балл. Но пареньку из далёкого вятского захолустья, выросшему без отца, в многолетней семье, разрешили обучаться в качестве вольнослушателя — с последующим зачислением в институт наравне с другими студентами. Два месяца Женя не получал стипендии, приходилось подрабатывать на самых тяжёлых физических работах: разгружать вагоны, таскать мешки с мукой и сахаром, носилки с раствором и кирпичами. Пареньку, с детства привыкшему к тяготам жизни, особых мук это не доставляло. Да и платили, по меркам его деревенского детства, достаточно, чтобы прокормиться.

3

Первая любовь очень часто остается в жизни первой и последней. Еще будучи абитуриентом, Женя обратил внимание на энергичную, практичную, весёлую, стройную розовощёкую девушку с вечной своей тетрадь в руке. Познакомились, разговорились, понравились друг другу. Девушка предугадала в высоком и крепком парне с вьющимися волосами своего будущего спутника жизни. Незаметно дружба переросла в любовь, и под новый 1959 год, уже на последнем курсе, Евгений и Галина сыграли незабываемую студенческую свадьбу.

Получив на руки долгожданные дипломы, молодожёны приехали по распределению в Кушвинский лесхоз. Руководство лесхоза направило их в самое отсталое, запущенное лесничество — Верхнетуринское: мол, вы молодые, здоровые, грамотные, поднимайте это лесничество; выдюжите — честь вам и хвала, а нет — бог вам судья. Привезли обоих на грузовой машине, высадили у ворот лесничества — и до свиданья, на этом все заботы лесхоза о молодых специалистах закончились. Один чемодан, два диплома, жена, ждущая ребёнка, и... непочатый край работы.

Первым делом пришлось искать какое-нибудь маломальское жилище. Нашли частную квартиру, приложили руки, чтобы обустроить её, украсить. Через четыре месяца семья пополнилась первенцем — сыном Сашей. Но за этот год семь раз пришлось переезжать из одной квартиры в другую: только отремонтируют, побелят, покрасят, расставят всё по местам — хозяйка тут же продадут её. Удобно и выгодно: и с покупателя можно денег сорвать побольше, и квартиранты, люди приезжие, молодые и робкие, промолчат, соберутся и уйдут — «им не привыкать». Еще долго, наверное, мыкались бы по разным квартирам, а может, и уехали бы куда глаза глядят, если бы... Если бы Евгения не осенила дерзкая идея: а не взяться ли за постройку собственного дома? Списались с матерью, съездили к ней, поговорили. И мать, жившая в деревне одна, продала свою избу и переехала к младшему сыну. Через три года, наконец, вся семья вселилась в новый дом, пахнущий свежей смолистой древесиной. А вскоре родился второй сын — Леонид.

Работа же оставалась работой. В штате лесни-

Е.Н. Сенников

чества — ни мастеров, ни техников, только лесничий с помощником и несколько лесников. Работа «без выходных-проходных», никакого транспорта, даже велосипеда. Когда лесхоз выделил мопед, лесники буквально прыгали от радости... Вообще же каждый день приходилось клянуть грузовик в других организациях, чтобы доставлять людей на работу в лес за десятки километров от лесничества на лесопосадки, осветления, отвод лесосек, уход за посадками...

4

Осенью 1958 года в районе посёлка Арбатского сгорело более тысячи гектаров трёхсотлетнего кедровника — гордости Кушвинского лесхоза. С весны 1960-го молодым лесоводам пришлось восстанавливать этот исколеченный уголок природы — озеленять, засаживать новым лесом жуткую, мертво-пустынную гарь. В год садили по 130 — 150 гектаров, ездили за 25 километров от Верхней Туры. Горько было оттого, что жители посёлка не только не хотят помогать в лесовосстановлении, но и не берегут то, что посажено другими. Каждый день по посадкам бродили козы, овцы, коровы, объедая и вытаптывая саженцы, а хозяйка их равнодушно взирала на это безобразие. Приходилось проводить с людьми кропотливую разъяснительную работу, а иногда и передавать материалы о потравах и порче посадок в народный суд, который в административном порядке наказывал до 30 человек в год.

Велась борьба и о самовольными порубками леса и хищениями готовой лесопродукции. И снова – суды, суды... Иногда повторное нарушение заканчивалось для виновного лишением свободы. Дозревание дела до конца требовало от молодого приехавшего лесничего немало мужества, самообладания и принципиальности. Нередко сыпались угрозы: убью, покалечу, подожгу... Но люди начали понимать, что приехал «крепкий орешек», причём не на одну «перезимовку». Многим непривычно было это осознать: что ни бывший лесничий, то вредничик, «перекати-поле», – больше пяти-шести месяцев не держался. Что греха таить, заворуются эти бывшие, пропьются, пожгут немало леса по пьяной халатности – и прощай, лесничество! Недолгое пребывание в этом «кресле» пророчили и Евгению Никоновичу. Но ошиблись. Стереотип, вобравший в себя негативный образ лесничего, разрушался на глазах, вместо него в сознании верхи-турунцев отливался новый – основанный на доверии и уважении к нему.

И по производственным показателям лесничество стало выходить из отстающих в передовые, в том числе по качеству работ. Все чаще стали объявлять работникам благодарности, награждать их почетными грамотами, денежными премиями и ценными подарками, а переходящее знамя победителя соци соревнования получило в лесничестве почти постоянную «прописку». Но главное, коллектив стал дружным и сплочённым, заметно повысилась трудовая дисциплина.

И снова Евгений Никонович Сенников – лесничий Верхнетуринского лесничества, а жена его, Алина Герасимовна, – помощник лесничего.

Давно назрела необходимость построить новую контору для лесничества: старая – ветхая, незречная, да и всё время напоминает годы и месяцы скитаний по частным квартирам с грудным ребёнком на руках. К тому же и растущий авторитет лесничества упрямо подталкивает к этому: стыдно неловко принимать в таком «вигваме» посетителей, в том числе руководителей предприятий и организаций, и Евгений Никонович, посоветовавшись с женой, принимает решение заложить новую контору на пустыре, неподалёку от городского суда. На пути к этому – бюрократические препоны местных властей... Наконец строительство раззашаю. В мае, как только оттаяла земля, приступили к строительству, а уже 28 июня сдали комиссии скуратное, полностью законченное здание, со светом и телефоном. Сам лесничий, волей судьбы наивший руку на плотницком деде, по вечерам доздна орудовал топором и рубанком. Физически развитый, выносливый, непьющий и некурящий, о производительности труда он не уступал, поалуй, трём плотникам.

На 15 тысяч рублей, выделенных лесхозом на контору, были построены ещё и конюшня, склад, раж. Осталось даже 2000 сэкономленных рублей. Областное управление, приятно удивленное

такой работой, поощрило лесничего и его помощника бесплатными путёвками в ГДР (Восточную Германию) и Чехословакию. Спустя немного времени Сенниковы премируются поездкой на ВДНХ – за отличное ведение питомнического хозяйства.

Вскоре Евгения Никоновича и Галину Герасимовну включают в состав делегации по обмену опытом со специалистами лесного хозяйства ГДР. Очень понравилось им там выращивание сеянцев в крытых теплицах – безрядковый посев, защищенный от непогоды и механических повреждений, свободный от минеральных удобрений. После этой поездки Евгений Никонович убеждает руководство лесхоза отказаться от минеральной обработки больших питомников и перейти к теплицам сначала в закрытом, а потом открытом грунте. Опыт показал хорошие результаты при минимальных затратах на выращивание сеянцев.

Чем же ещё богата трудовая биография неутомимого лесного труженика? Общественной работой, активным участием в жизни своего города и района. Евгений Никонович много лет избирался депутатом в Кушвинский городской совет народных депутатов, где отстаивал свою позицию по вопросам охраны окружающей среды, добивался замены на предприятиях устаревших очистных сооружений, доказывал необходимость решительной борьбы с нарушениями технологии разработки лесосек, приводящими к лесным пожарам и массовому распространению насекомых – вредителей леса. Именно в бытность его депутатом проводилась широкая разъяснительная работа среди населения, на предприятиях, в учреждениях и организациях по вопросам охраны природы, по лесным дорогам развития, по развитию природоохранного содержания,

Супруги Сенниковы.

создавались школьные лесничества с привлечением к их работе специалистов лесного хозяйства. В конце семидесятых годов прошлого века о межшкольном лесхозе «Кедр» знала вся Свердловская область. Воспитанниками этого лесхоза были все три сына супругов Сенниковых, имеющие ныне высшее лесотехническое образование.

За время своей работы на лесном поприще Евгений Никонович был участником двух Всероссийских съездов лесничих. Ему присваивают звание «Лесничий I класса», повторно награждают значком «За сбережение и приумножение лесных богатств». Четырежды награждают значком «За безупречную службу в Государственной лесной охране» — за 10, 20, 30 и 40 лет непрерывной работы. А осенью 1997 года он был удостоен высокого и почётного звания «Заслуженный лесовод России». Надо сказать, таковых в нашей области считанные единицы.

По-видимому, никто не предполагал, что в лесном хозяйстве «на одном дыхании» человек способен проработать более 40 лет: когда Е.Н.Сенников выработал сорокалетний стаж, в областном управлении лесами такого значка даже не нашли — просто он не предусмотрен никакими «Положениями». Вместо этого присвоили звание «Ветеран труда» и лишь спустя некоторое время вручили значок «За 40 лет безупречной службы...»

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Евгений Никонович, достигнув пенсионного возраста ещё в августе 1996 года, до сих пор продолжает трудиться в родном лесничестве: по-прежнему руководит своим хозяйством, помогает молодым специалистам осваивать все тонкости и премудрости ведения лесного хозяйства. «Если смолу связал свою судьбу с лесом, то к старости уйти из него — всё равно что уйти из жизни», — откровенно признаётся он. Жизненное кредо его можно

выразить одной крылатой фразой: не место красит человека, а человек место. Далеко не каждый способен пересилить себя, одолеть все жизненные обстоятельства, чтобы украсить место, украсить землю вокруг себя. Для этого нужно терпение, нужна выносливость, преданность своему однажды выбранному ремеслу, любовь к близким и окружающим людям, к природе, ко всему живому.

Трудно представить себе, как выглядела бы сегодня окраина Верхней Туры, в «эпицентре» которой расположено лесничество, если бы молодёжь Евгений и Галина Сенниковы после всех квартирных мытарств собрали свои пожитки и тронулись куда-нибудь в поисках «земли обетованной». Уверен, они-то нашли бы своё место в жизни. Но как выглядели бы без них леса, окружающие сегодня город плотным зелёным кольцом? По моим подсчётам, при сохранении той частоты, той периодичности смены лесничих, которая имела место до Сенниковых, сегодня в Верхнетурунском лесничестве работал бы уже восьмидесятый или сотый лесничий. А может быть, нашёлся бы однажды такой же настоящий лесовод-труженик, который загородил бы собой эту болезненную текучесть кадров, заткнул бы её, как пробойну на корабле, и начал, начал украшать землю вокруг себя? Но когда бы это случилось, и случилось ли бы вообще?

История, как известно, не знает сослагательных наклонений, а черновики для неё вообще неприемлемы. Вроде бы несущественный факт, но — дающий повод для размышлений: ни один из бывших однокурсников Евгения Никоновича сегодня в лесном хозяйстве не работает. И объясняется это не только и не столько мизерной, почти символической зарплатой, российского лесовода. Более красноречивого факта, наверное, в природе не существует.

История, как известно, не знает сослагательных наклонений, а черновики для неё вообще неприемлемы. Вроде бы несущественный факт, но — дающий повод для размышлений: ни один из бывших однокурсников Евгения Никоновича сегодня в лесном хозяйстве не работает. И объясняется это не только и не столько мизерной, почти символической зарплатой, российского лесовода. Более красноречивого факта, наверное, в природе не существует.

ЛЕСА УРАЛЬСКОЙ ГОРНОЙ СТРАНЫ

СРЕДНИЙ УРАЛ

Южная граница Среднего Урала обозначена широтным направлением реки Уфы в месте слияния ее с Уфалейкой, северная – проходит между горами Ослянка и Конжаковский Камень.

Характерной особенностью гор Среднего Урала является их небольшая высота и усложненная орография хребтов, часто не имеющих строгой ориентировки из-за сложного геологического строения. Соответственно и растения перемещаются по хребтам с большим разнообразием.

В отличие от Южного Урала западные и восточные предгорья заняты в основном лесами. Исключение составляют небольшие лесостепи в Красноуфимском и Кунгурском районах. Кроме того, по западному склону с Южного Урала к Среднему подходят ильм (вяз), клен, дуб и липа, создающие смешанные леса вместе с березой, осиной и хвойными деревьями. Наиболее активная из них в распространении – липа, проникающая по восточному склону к Ивделю.

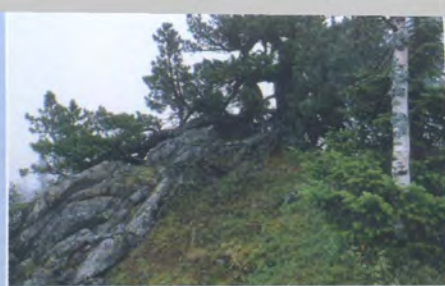
Из хвойных пород горной тайги преобладают пихта, ель, лиственница. Сосна, менее требовательная к климатическим условиям, более распространена на восточном склоне.

К хвойным деревьям на Среднем Урале присоединяется и знаменитый сибирский кедр, который уходит от южной широты Нижнего Тагила на север, до Полярного круга.

В связи с малой высотой гор гольцовые пояса встречаются очень редко небольшими участками на Басегах, Ослянке и некоторых других более-менее высоких горах Среднего Урала.

Евгений Савенко. Фото автора

Начало серии заметок «Леса Уральской горной страны» в № 2 за 2004 год.

Кедр на Басегах

Лес на севере западного склона

Гольцовая зона на Среднем Басеге

Смешанный лес из лиственницы, сосны, ели, березы...

Липа с елями в низовьях Чусовой

Ural Safari – 2004

В 2004 году традиционно клуб «OFF ROAD» г. Екатеринбург проводит для любителей путешествий и приключений экспедицию на Северный Урал.

Сроки проведения – с 10.09. до 19.09.2004.
Количество дней – 10.

Статус экспедиции:
Путешествие, сложность маршрута согласно классификации авто-мототуризма – 5 категория сложности.

Место проведения экспедиции:
Северный Урал, Свердловская область.

Участники экспедиции:
Количество автомобилей ограничено, до 10.
В одном автомобиле допускается только 2–3 участника.
В состав экспедиции допускаются только опытные участники на подготовленных внедорожниках.
Категорийные участки:
бездорожье, горы, броды, лесных речки и заброшенные дороги.

OFF ROAD club

Информационная поддержка: журнал «Уральский следопыт».
Ежедневно Интернет-фото-отчет о каждом дне экспедиции на сайте клуба www.off-road.basko.ru

Хочешь двигаться – ищи попутчика!

Свердловский областной клинический
психо-неврологический госпиталь
для ветеранов войн

УРАЛЬСКИЙ
МЕБЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР